Остроумов.
Коран и Прогресс

Q 65
Q 124

Э 65
124

Н. П. ОСТРОУМОВЪ.

КОРАНЪ И ПРОГРЕССЪ.

По поводу умственнаго пробужденія современныхъ российскихъ мусульманъ.

(Изданіе А. Л. Кирснера).

ТАШКЕНТЪ.
Типографія Штаба Туркестанскаго военнаго округа.
1901—1903.

Д 65/124

Н. П. ОСТРОУМОВЪ.

Ф 1-82/15041

КОРАНЪ И ПРОГРЕССЪ.

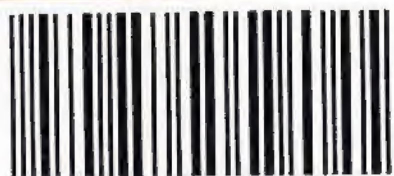
По поводу умственнаго пробужденія современныхъ россійскихъ мусульманъ.



(Изданіе А. Л. Кирснера).

ТАШКЕНТЪ.
Типографія Штаба Туркестанскаго военнаго округа.
1901.

Дозволено цензурою. г. Ташкентъ 7 февраля 1901 г.



Оглавленіе.

По словамъ А. Леруа-Болье, у большинства азіятскихъ народовъ религія тождественна съ цивилизаціей. Религіозныя вѣрованія не составляютъ только внѣшнихъ формъ общественной жизни, какъ традиціонное одѣяніе цивилизаніи, но проникаютъ въ плоть и кровь народныхъ массъ. Въ сущности, весь Востокъ, въ особенности мусульманскія страны, какъ-бы отлиты въ свою религію. Кромѣ того, у мусульманина, религія очень часто смѣшивается съ національнымъ чувствомъ и иногда даже его замѣняетъ. Для всякаго политическаго дѣятеля, равно какъ и для мыслителя, на всемъ пути отъ восточной части Средиземнаго моря до китайскихъ морей, наибольшій интересъ представляетъ религіозная жизнь народовъ. Для русскаго же изученіе восточныхъ религій имѣетъ особый интересъ: Россія, такъ же, какъ и Франція, имѣетъ въ средѣ своихъ подданныаъ магометанъ и буддистовъ. Вліяніе Корана и настроеніе мусульманскихъ массъ представляются, слѣдовательно, для нея факторами, которые ей приходится изучать. Исламъ въ Азіи и Африкѣ остается до сихъ поръ, жизненнымъ историческимъ началомъ; онъ сохранилъ въ этихъ обѣихъ странахъ склонность къ прозелитизму, и, благодаря этому, число его послѣдователей постоянно возрастаетъ, даже въ странахъ христіанскаго владычества. Быть можетъ, европейскимъ государствамъ, соперничающимъ за преобладаніе въ Азіи и Африкѣ, будетъ въ недалекомъ будущемъ весьма важно имѣть исламъ за себя.

„Въ числѣ великихъ задачъ оставляемыхъ нерѣшенными XIX столѣтіемъ, XX-му одно изъ первыхъ мѣстъ, говоритъ тотъ же авторъ, занимаетъ вопросъ о пріобщеніи восточныхъ народовъ къ западной цивилизаціи. Вопросъ этотъ касается тысячи милліоновъ людей, такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе къ туркамъ, арабамъ, персамъ, индусамъ, малайцамъ, китайцамъ, японцамъ (браминистамъ, буддистамъ и мусульманамъ). Такимъ образомъ, это насущный вопросъ для будущаго нашей планеты. Долженъ ли Востокъ съ его окраинами и множествомъ племенъ, его населяющихъ, слиться съ европейской цивилизаціей и какимъ способомъ можетъ произойти это сліяніе? Придется ли ему, подобно славянскому и германскому міру, склонить свою голову подъ св. крещеніемъ и отречься отъ воинствующаго ученія Мухаммеда и отъ кроткой религіи Шакьямуни, или наоборотъ, эти восточные религіозные культы только преобразятся въ иную форму подъ вліяніемъ западныхъ вѣяній?

„Сказаннаго достаточно, чтобы понять значеніе этого вопроса. Сообразить же данныя для возможнаго его рѣшенія можно, только изучивъ религіи Востока, изслѣдовавъ ихъ жизненность и опредѣливъ ихъ склонность къ превращенію въ новыя формы“.—Предисловіе къ французскому переводу „Путешествія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича на Востокъ“. (Правит. Вѣстн. 1893 г № 215).

Въ Средней Азіи наиболѣе распространенною религіей считается религія мусульманская, основывающаяся на ученіи Корана. Не смотря на это, немногіе русскіе люди интересуются Кораномъ и съ чужихъ словъ нерѣдко высказываютъ по поводу его ученія взгляды, не всегда отвѣчающіе дѣйствительности: иногда Корану приписываются

такія мысли, какихъ въ немъ нѣтъ, а иногда умалчивается о томъ, что въ Коранѣ есть. То же замѣчается и въ печатныхъ статьяхъ, касающихся религіи мусульманъ и жизни Туркестанскихъ туземцевъ.

И это неудивительно: нельзя съ увѣренностью говорить о книгѣ, которую большинство русскихъ жителей Туркестана даже въ переводѣ не читали. А Коранъ, по выраженію одного оріенталиста, ближайшаго къ намъ по времени, — **книга съ семью печатями**, которую нужно не только читать, но внимательно и терпѣливо изучать, чтобы имѣть вѣрное сужденіе о содержащемся въ ней ученіи; въ противномъ случаѣ получится представленіе ошибочное. Въ „Военномъ Сборникѣ“ (Октябрь 1890 г.), въ ст. „Изъ исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, на стр. 198—199, было напечатано слѣдующее странное опредѣленіе Корана: „Какъ извѣстно, Коранъ состоитъ изъ трехъ частей: **шаріата**, т. е. изрѣченій Магомета, имѣющихъ для его послѣдователей силу закона, **тариката**—изложенія дѣйствій и поступковъ пророка, достойныхъ подражанія для каждаго правовѣрнаго, и **хакиката** — видѣній и вѣрованій пророка... Тарикатъ есть та часть Корана, которая научаетъ покорять страсти и заключаетъ въ себѣ наставленія, относящіяся до облагороживанія чувствъ, чтобы сдѣлаться угоднымъ Богу“... Рядомъ съ приведеннымъ опредѣніемъ Корана, смѣшивающимъ три различныя системы—шаріатъ, тарикатъ и хакикатъ, основывающіяся на Коранѣ, можно указать на устныя и печатныя заявленія о томъ, что Коранъ содержитъ въ себѣ не только о Богѣ и человѣкѣ, но и объ Іисусѣ Христѣ ученіе близкое къ евангельскому и что Коранъ можетъ служить подгототительною ступенью къ евангельскому ученію и т. п.

Такая шаткость въ представленіяхъ объ ученіи Корана не имѣла бы особаго значенія, если бы Коранъ не служилъ священнымъ законодательнымъ кодексомъ для огромнаго числа мусульманъ (до 14 мил.), живущихъ въ разныхъ частяхъ нашего отечества и естественно близкихъ по духу мусульманамъ другихъ странъ міра (около 200 мил.). Кромѣ того, въ настоящее время среди мусульманъ есть лица, стремящіяся показать христіанскому міру, что исламъ нисколько не противорѣчитъ современному европейскому прогрессу и что въ будущемъ эта религія предназначена къ болѣе широкому распространенію на земномъ шарѣ. Что-же тогда произойдетъ съ такъ называемой цивилизаціей, которая до сего времени была *христіанскою?..*

Такое стремленіе передовыхъ мусульманъ не согласуется со взглядами лучшихъ европейскихъ мыслителей и не подтверждается исторіей взаимныхъ отношеній христіанъ и мусульманъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Не говоря о временахъ давно прошедшихъ, когда мусульмане смѣло и торжественно объявляли **священную войну** противъ христіанъ, достаточно сказать, что старинная борьба между исламомъ и христіанствомъ, не смотря на широкое развитіе международныхъ сношеній во всѣхъ частяхъ свѣта, не только не окончилась, но и не близится къ концу, какъ объ этомъ было печатно заявлено недавно скончавшимся нашимъ синологомъ В. П. Васильевымъ („О движеніи мусульманства въ Китаѣ"). Въ подтвержденіе этого, можно сослаться на печатныя изданія мусульманскихъ авторовъ (на разныхъ европейскихъ и азіатскихъ языкахъ), въ которыхъ вражда ислама къ христіанству не скрывается, а высказывается рѣшительно въ примѣненіи къ панисламскимъ стремленіямъ передовыхъ представителей современнаго мусульманства. Стремленія эти

„Сохрани, Боже, порицать другъ друга за вѣру; пусть каждый вѣруетъ по своему, какъ ему сроднѣе“.

К. П. Побѣдоносцевъ.

„Чѣмъ болѣе мы любимъ правду,... тѣмъ пламеннѣе желаемъ узнать, почему наши противники думаютъ не такъ, какъ мы“.

Гербертъ Спенсеръ.

ясно обнаружились во время последней греко-турецкой войны, когда даже среди Туркестанскихъ мусульманъ появлялись турецкія иллюстраціи съ изображеніями побѣдоносно развѣвающагося знамени луны и попраннаго знамени креста. Стоитъ также упомянуть при этомъ о воинственной брошюрѣ нашего сосѣда, авганскаго властителя Абдуррахманъ-хана (изд. въ рус. пер. въ 1899 г.), а равно и о высказанномъ въ Турціи нѣкоторыми вліятельными мусульманами сочувствіи китайцамъ за истребленіе китайскихъ христіанъ. Наши русскіе публицисты-мусульмане подходятъ къ этому вопросу осторожнѣе: они стараются пока увѣрять русскую читающую публику, что Коранъ не внушаетъ своимъ послѣдователямъ вражды къ христіанамъ, и въ тоже время пользуются случаемъ поддерживать связь мусульманъ россійскихъ съ мусульманами другихъ государствъ. Есть, кромѣ того, взгляды на Коранъ, не согласующіеся съ исторіей и современною дѣйствительностью и высказываемые не-мусульманами.

По поводу сочиненій, написанныхъ въ защиту Корана, и въ виду недостаточнаго знакомства русскихъ съ этой священной для мусульманъ книгой предпринято настоящее изданіе, въ которое войдутъ отвѣтныя статьи автора г. г. Гаспринскому, Девлетъ-Кильдееву, Мурзѣ-Алиму, Ахуну Баязитову и другимъ, впервые серьезно выдвинувшимъ въ русской печати вопросъ о Коранѣ и исламѣ. Серьезность этого вопроса для насъ-русскихъ будетъ постепенно раскрываться изъ нижеслѣдующаго изложенія, а теперь перейдемъ къ вопросу: **Что такое Коранъ?**

Что такое Коранъ?

„*Коранъ*“—слово арабское и служитъ названіемъ религіозно-законодательнаго кодекса мусульманъ, хотя не только съ точностію, но и приблизительно не указываетъ на содержаніе этого кодекса. На мусульманскомъ востокѣ, какъ и вообще на Востокѣ, до настоящаго времени, а тѣмъ болѣе въ древнее время, книгамъ весьма рѣдко давались точныя названія, опредѣленно указывающія на ихъ содержаніе, какъ это дѣлается у западныхъ народовъ, въ Европѣ. У восточныхъ народовъ заглавія книгъ или отличаются изысканностью и вычурностію, или же бываютъ до такой степени просты и общи, что въ обоихъ случаяхъ, по такимъ заглавіямъ, бываетъ трудно и даже невозможно составить болѣе или менѣе точное представленіе о содержаніи книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли соединять съ выраженіемъ „*Коранъ*“ представленіе объ основномъ религіозно-законодательномъ кодексѣ мусульманъ, подобно тому, какъ подъ именемъ „*Библіи*“ мы всегда разумѣемъ всѣ священныя книги ветхаго и новаго завѣтовъ, хотя приведенныя названія не указываютъ опредѣленно на содержаніе этихъ кодексовъ. Греческое выраженіе „*Библія*“, въ буквальномъ своемъ значеніи, можетъ быть приложено къ каждому литературному сборнику, состоящему изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сочиненій или книгъ, имѣющихъ одну цѣль, одно назначеніе, хотя-бы содержаніе каждой отдѣльной книги было отлично отъ содержанія прочихъ книгъ. Но названіе „*Библія*“ освящено временемъ и употребленіемъ, и мы всегда соединяемъ съ этимъ названіемъ извѣстное, строго опредѣленное представленіе, какъ о сбор-

никѣ священно-историческихъ, законодательныхъ и пророческихъ книгъ евреевъ. Точно такъ же и арабское выраженіе „*Коранъ*“, съ равнымъ правомъ, можно придать любой книгѣ, любому сочиненію, назначенному для чтенія, такъ какъ это выраженіе означаетъ буквально *чтеніе*, происходя отъ арабскаго глагола „*караа*“—*читать*. Но время и употребленіе установили за этимъ выраженіемъ тотъ смыслъ, какой приданъ былъ ему еще Мухаммедомъ, какъ религіозно-законодательному кодексу мусульманъ, и не только по отношенію ко всей этой книгѣ, но и по отношенію къ каждой отдѣльной ея части [1]). Почему-же такое слишкомъ общее названіе придано было книгѣ, столь выдающейся изъ ряда обыкновенныхъ книгъ?—Потому, что оно было въ духѣ арабовъ и потому, что Мухаммедъ, называя свои проповѣди „*кораномъ*“ [2]), хотѣлъ подражать современнымъ ему евреямъ, которые называли свои священныя книги и отдѣльныя ихъ части „*микра*“, т. е. *чтеніе*—выраженіемъ одного корня въ арабскомъ и еврейскомъ, близко родственныхъ между собою языкахъ.

Такъ же обще и неопредѣлено и другое, арабское-же, названіе Корана, именно: „*фурканъ*“ или „*аль-фурканъ*“, означающее буквально *отдѣленіе*, различіе, т. е. истины отъ лжи, добра отъ зла. Это названіе придано Корану также самимъ Мухаммедомъ [3]) на томъ основаніи, что заключающееся въ немъ ученіе служитъ руководствомъ для мусульманъ въ области религіи и даетъ имъ возможность

[1]) Коранъ, гл. 10, ст. 16; гл. 15, ст. 1; гл. 17, ст. 47—80; гл. 20, ст. 113.

[2]) Коранъ, гл. 56, ст. 76; „Это ученіе есть досточтимый коранъ“.

[3]) Въ гл. 25, ст. 1 корана читаемъ: „Благословенъ Тотъ, кто ниспослалъ рабу своему (т. е. Мухаммеду) фурканъ для того, чтобы онъ былъ учителемъ міровъ“. Въ гл. 3, ст. 1, читаемъ: Онъ (т. е. Богъ) прежде ниспослалъ Законъ и Евангеліе въ руководство людямъ, а нынѣ—этотъ *фурканъ*.

отличать истное ученіе о Богѣ отъ ложныхъ ученій, добро отъ зла и т. д., и придано было Корану также изъ подражанія іудеямъ, называющимъ разные отдѣлы своего писанія выраженіемъ „*перекъ*", которое, по значенію своему, совершенно тождественно съ приведеннымъ арабскимъ выраженіемъ „*фурканъ*".

Коранъ называется также писаніемъ *(аль-китабъ)*, ниспосланнымъ Богомъ [1]), или писаніемъ Божіимъ, въ соотвѣтствіе названію ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ выраженіемъ „*священное писаніе*". Подобно христіанскому выраженію „*Слово Божіе*", Коранъ называется „*калямy-лла*" [2]), т. е. *слово Божіе* или же „*калямy-ш-шерифъ*", т. е. *благородное, превосходное слово*, а также „*откровеніемъ Божіимъ*" [3]). Коранъ называется еще „*превосходнымъ свиткомъ*" *(масхафу-ш-шерифъ)*, очевидно, отъ формы матеріала, какую придавали спискамъ книгъ на Востокѣ. [4]).—Кромѣ приведенныхъ, наиболѣе употребительныхъ названій Корана и обыкновенно обозначаемыхъ на заглавныхъ листахъ этой книги, ему придаются еще слѣдующія: „*Великій, мудрый, славный, досточтимый, чудный, истина, благовѣстіе, милость, врачевство сердецъ, руководство на прямой путь, озареніе, драгоцѣнное писаніе, писаніе ясно изложенное, ученіе, ученіе мудрое, увѣщаніе, ученіе Мухамеду и его народу, судебникъ для арабовъ, ученіе мірамъ* [5]).

---

[1]) Коранъ, гл. 6, ст. 92; гл. 2, ст. 1.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 70; гл. 9, ст 6; гл. 48, ст. 15.

[3]) Коранъ, гл. 21, ст. 46; гл. 53, ст. 4. Въ томъ же смыслѣ употребляется въ Коранѣ выраженіе *тянзиль*, означающее буквально „*ниспосланіе съ неба*" гл, 6, ст. 92; гл. 17, ст. 107; гл. 20, ст. 3, 26, 192; гл. 29, ст. 46; гл. 42, ст., 5; гл. 56, ст. 78; гл. 76, ст. 23.

[4]) Это названіе, придаваемое Корану современными мусульманами, основывается также на текстѣ Корана, гдѣ упоминается о свиткахъ Корана на небѣ (гл. 80, ст. 13) и на землѣ (гл. 98, ст. 2). Ср. еврейское *сеферъ*.

[5]) См. Приложенія къ переводу корана г. Саблукова. Вып. 1, Казань 1879, ст. 119—120.

Изъ всѣхъ этихъ названій и эпитетовъ, придаваемыхъ Корану, можно составить о немъ слѣдующее понятіе: „*Коранъ есть откровенное слово Божіе Мухаммеду, ниспосланное ему чрезъ ангела Гавріила для наученія людей истинному богопочтенію и для руководства ихъ въ жизни и служащее для послѣдователей Мухаммеда закономъ вѣры, дѣятельности и жизни*“.

По приведенному опредѣленію, задача Корана представляется широкою и даже всеобъемлеющею. Выдавая ученіе свое за самое лучшее изъ всѣхъ прежде бывшихъ религіозныхъ ученій, Мухаммедъ говорилъ, что Богъ ничего не опустилъ въ Коранѣ, что нѣтъ зерна во мракѣ земли, нѣтъ былинки ни свѣжей, ни сухой, которыя-бы не были обозначены въ этой книгѣ (²), что въ ней заключается истолкованіе всѣмъ вещамъ (³) и что Коранъ, *для объясненія всего*, ниспосланъ Мухаммеду (⁴). Соотвѣтственно этому, ученіе Корана предлагается съ авторитетомъ непогрѣшимости и съ рѣшительностью, не допускающею возраженій (⁵). Но такія притязанія Корана далеко не оправдываются его ученіемъ: богословіе его не представляетъ ничего само-

---

¹) „Изъ всѣхъ божественныхъ книгъ Коранъ—единственная книга, которой текстъ, слова и фразы сообщены пророку совнѣ стороннимъ голосомъ. Совсѣмъ иначе было съ Пятокнижіемъ, Евангеліемъ и другими божественными книгами: пророкамъ или писателямъ ихъ сообщенія дѣлались въ формѣ идеи.“ Такъ замѣчаетъ извѣстный мусульманскій мыслитель Ибнъ-Хальдунъ, очевидно, на основаніи подлинныхъ выраженій Корана: „Не произноси его языкомъ твоимъ торопливо; Наше (т. е. Божіе) дѣло составить его и прочитать“ (Гл. 75, ст. 16—17). Поэтому всѣ мусульмане смотрятъ на Коранъ, какъ на абсолютнѣйшее откровеніе Божіе, причемъ Мухаммедъ былъ только пассивнымъ органомъ передачи его.

²) Коранъ, гл. 6, ст. 38. 59.

³) Коранъ, гл. 12, ст. 111.

⁴) Коранъ, гл. 16, ст. 91: „Тебѣ Мы ниспослали это писаніе въ объясненіе всѣхъ вещей, въ руководство, милость, благовѣстіе покорнымъ“.

⁵) „Это писаніе нѣтъ сомнѣнія въ томъ—есть руководство благочестивымъ“, гл. 2. ст. 1.

бытнаго и несравненно ниже ветхозавѣтнаго даже ученія, которому Мухаммедъ болѣе всего слѣдовалъ; нравственное ученіе Корана также не оригинально и не возвышается надъ понятіями многихъ современныхъ Мухаммеду арабовъ; о научныхъ свѣдѣніяхъ Корана не можетъ быть и рѣчи. Авторъ «*Исторіи умственнаго развитія Европы*», В. Дрэперъ, въ названномъ трудѣ своемъ, даетъ такой отзывъ о Коранѣ: «Разсматривая происхожденіе этой книги—косвеннымъ образомъ, будто-бы отъ самого Бога—мы могли-бы справедливо ожидать, что она превзойдетъ всякія человѣческія произведенія и докажетъ свою истинность и превосходство передъ судомъ человѣческой критики. При нашихъ сужденіяхъ объ этой книгѣ, мы всегда должны помнить, что она признаетъ себя не послѣдовательными откровеніями, данными въ промежутки вѣковъ и по разнымъ случаямъ, но полнымъ произведеніемъ, сообщеннымъ одному человѣку. Мы должны поэтому искать въ ней универсальности, полноты, совершенства. Мы могли-бы ожидать, что она представитъ намъ вѣрные взгляды на природу и положеніе міра, въ которомъ мы живемъ, что—будетъ ли въ ней рѣчь о спиритуальныхъ или матеріальныхъ предметахъ—она пристыдитъ знаменитѣйшія произведенія человѣческаго генія, какъ великолѣпный механизмъ небесъ и прекрасныя живыя формы земли превосходятъ суетныя ухищренія человѣка. Далеко превышая все, что было писано мудрецами Индіи и философами Персіи о предметахъ, стоящихъ въ связи съ происхожденіемъ, природой и судьбами вселенной, достоинство плана и превосходство выраженій этой книги должны-бы соотвѣтствовать величію обнимаемыхъ ею предметовъ.

„Мы могли-бы ожидать, что эта книга будетъ говорить съ авторитетомъ и окончательно установитъ всеобъемлющія

задачи, которыя въ теченіе уже стольких вѣковъ испытывали умственную силу даровитѣйшихъ людей Азіи и Европы и которыя лежатъ въ основаніи всякой вѣры и всякой философіи; что она опредѣлительно и вполнѣ точнымъ языкомъ скажетъ намъ, что такое Богъ, что такое міръ, что такое душа, и имѣетъ ли человѣкъ какой-нибудь критеріумъ истины; что она объяснитъ намъ, какъ зло можетъ существовать въ мірѣ, Создатель котораго всемогущъ и вполнѣ благъ; что она откроетъ намъ, въ какихъ случаяхъ людскія дѣла опредѣляются судьбой и въ какихъ свободной волей; что она научитъ насъ, откуда мы пришли, какая цѣль нашего существованія здѣсь и что будетъ съ нами послѣ.

„И такъ какъ книга, имѣющая притязаніе на божественное происхожденіе, необходимо должна убѣждать даже тѣхъ, кто наиболѣе противится принимать ее—такъ, чтобы ея внутренняя очевидность становилась сильнѣе, а не слабѣе при строгомъ изслѣдованіи, которому-бы она подвергалась,—то она должна бы говорить о вещахъ, кторыя могли бы быть доказаны при усиленіи знанія и человѣческаго генія, предупредивъ здѣсь его заключенія. Такое произведеніе, какъ-бы ни было благородно его происхожденіе, должно бы не отклонять, а призывать пробу натуральной философіи, считая ее не врагомъ своимъ, а своей лучшей поддержкой. Съ теченіемъ лѣтъ и по мѣрѣ того, какъ человѣческое знаніе становится болѣе точнымъ и болѣе всеобъемлющимъ, ея заключенія должны бы совпадать съ этимъ знаніемъ. Когда представляется случай, она должна доставить намъ, по крайней мѣрѣ, признакъ великихъ истинъ, открываемыхъ астрономіей и геологіей, не представляя вмѣсто нихъ необузданныхъ фантазій древнихъ вѣковъ,

выдумокъ человѣческаго дѣтства... Относительно человѣка, она должна указать его отношенія къ другимъ живущимъ существамъ, его мѣсто между ними, его преимущества и его обязанности. Она не должна оставлять его искать ощупью своей дороги по слѣдамъ греческой философіи и въ концѣ концовъ не попасть на истину; но должна научить его, въ чемъ заключается истинное знаніе. предупреждать физическую науку, физическую силу и физическое благосостояніе нашего собственнаго времени, даже раскрывать для нашего благополучія вещи, которыхъ мы еще не знаемъ теперь. Указаніе этихъ, столь многихъ и столь высокихъ предметовъ не выходитъ за предѣлы книги, предъявляющей такія притязанія. Ея взглядъ на эти предметы есть единственный критеріумъ, который она можетъ представить относительно своего авторитета для послѣдующихъ временъ.

„Если судить Коранъ съ этой точки зрѣнія, онъ совершенно не выдерживаетъ критики. По своей философіи онъ несравненно ниже сочиненій Шакья-Муни, основателя буддизма; по своимъ научнымъ свѣдѣніямъ онъ абсолютно лишенъ всякаго значенія. Относительно спекулятивныхъ и сомнительныхъ вещей онъ довольно изобиленъ; но относительно точныхъ, гдѣ къ нему можетъ быть приложенъ пробный камень, онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ. Его астрономія, физіологія — такія дѣтскія, что способны вызвать смѣхъ. Они принадлежатъ къ младенческимъ временамъ человѣческаго знанія: земля плотно держится на своемъ мѣстѣ тяжестью горъ; небо покрываетъ ее, какъ сводъ, и Коранъ поучаетъ насъ о мудрости и могуществѣ Бога тѣмъ, что предлагаетъ найти въ этомъ сводѣ

трещину, если мы только можемъ. Небо раздѣлено на семь этажей, и верхній изъ нихъ есть жилище Бога, престолъ котораго, по словамъ Корана, еще не отвергающаго ассирійскихъ представленій, поддерживается крылатыми животными. Падающія звѣзды суть раскаленные до красна камни, бросаемые ангелами въ демоновъ, когда они подходятъ слишкомъ близко. Бога Коранъ окружаетъ восхваленіями, изображая Его величіе часто нелишенными достоинства образами. Хотя онъ горько укоряетъ тѣхъ, кто придаетъ Богу какихъ-нибудь другихъ равныхъ, и хотя онъ увѣряетъ, что грѣхъ такихъ людей никогда не простится, что въ день суда они должны будутъ отвѣтить на страшный вопросъ: „гдѣ-же мои товарищи, о которыхъ вы спорили?", хотя онъ настаиваетъ на абсолютной зависимости отъ Божія милосердія и обвиняетъ тѣхъ, кто дѣлаетъ изъ религіи предметъ торговли,—его понятія о Богѣ совершенно антропоморфическія. Это просто человѣкъ гигантъ, живущій въ раю. Въ этомъ отношеніи читатель извлекаетъ изъ внимательнаго прочтенія 114 главъ Корана окончательное впечатлѣніе, что онѣ дали ему недостойныя и ничтожныя мысли, хотя и могли-бы быть приведены исключительныя мѣста... И не удивительно, что нѣкоторые приверженцы мохаммеданскихъ сектъ читаютъ ихъ такимъ образомъ, что не затрудняются утверждать, будто-бы „отъ вѣнца головы до груди Богъ пустой, а отъ груди внизъ—плотный, что у него черные, кудрявые волосы, и что онъ въ каждый часъ ночи издаетъ рычаніе, на подобіе льва"... Единство приписывается Мухаммедомъ Богу въ спеціальное отличіе отъ христіанской Троицы и отъ ученія о божественномъ рожденіи. Нашъ Спаситель никогда не называется Сыномъ Божіимъ, но всегда сыномъ Маріи... Относительно чело-

вѣка Мухаммедъ много говоритъ о будущей жизни, ясно говоритъ о воскресеніи, о судномъ днѣ, о раѣ, о мученіяхъ ада, о червѣ, который никогда не умираетъ, о мукахъ, которыя никогда не оканчиваются; но при всей точности этихъ описаній будущаго, въ Коранѣ очень много ошибокъ относительно прошедшаго. Если-бы скромность не мѣшала говорить здѣсь о такихъ вещахъ, можно было-бы показать, какъ онъ слабъ въ своей физіологіи, когда онъ имѣетъ случай намекать на происхожденіе или рожденіе человѣка. Онъ едва-ли ушелъ дальше понятій Ѳалеса. Тотъ, кто оказывается такимъ несостоятельнымъ руководителемъ относительно прошедшихъ вещей, не можетъ заслуживать особеннаго довѣрія и относительно будущихъ" (1).

Намъ могутъ возразить, что и въ Евангеліи не даются отвѣтовъ на всѣ вопросы науки и жизни. Да, это такъ. Но Евангеліе никогда не расширяло своей чисто нравственной задачи до предѣловъ всеобъемлющей энциклопедіи и не смѣшивало „Царства Божія" съ царствомъ земнымъ.

Тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что Коранъ принадлежитъ къ числу немногихъ произведеній человѣческаго генія, на которое съ давнихъ поръ и до нашихъ дней обращается очень большое вниманіе ученыхъ людей самаго разнообразнаго направленія и самыхъ разностороннихъ научныхъ воззрѣній. Какъ религіозно-законодательный кодексъ, Коранъ оказалъ огромное и неотразимое вліяніе на судьбу человѣчества и притомъ очень большой, сравнительно, его части (2), такъ какъ многочисленные народы

(1) Исторія умственнаго развитія Европы, Джона Вильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Изданіе третье, томъ первый. СПб. 1874, стр. 278—281.

(2) Въ настоящее время мусульманъ считается болѣе 200 милліоновъ.

Азіи, Африки и даже Европы обязаны ему складомъ своей религіозной, нравственной и общественно-государственной жизни. Поэтому Коранъ въ разное время обращалъ и до сихъ поръ останавливаетъ на себѣ вниманіе историковъ и философовъ. Какъ къ законодательному кодексу арабовъ и вообще мусульманъ,—къ Корану обращались и обращаются законовѣды. Какъ памятникъ арабскаго языка и арабской письменности, Коранъ до сихъ поръ служитъ предметомъ усерднаго изученія оріенталистовъ—филологовъ и историковъ всемірной литературы. Наконецъ Коранъ обращалъ и обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ богослововъ разныхъ странъ, временъ и вѣроисповѣданій, какъ главная вѣроучительная книга одной изъ наиболѣе распространенныхъ религій человѣчества, извѣстной подъ именемъ „*ислама*."

Вслѣдствіе такого разносторонняго интереса, представляемаго Кораномъ и побуждавшаго серьезно и долго изучать эту сравнительно небольшую книгу очень многихъ людей разносторонняго направленія, людей большой эрудиціи и талантливости,—въ настоящее время европейская наука обладаетъ обширною литературою по этому предмету, не прекращающею своего роста и въ наши дни [1]). Достоинства ученыхъ изслѣдованій о Коранѣ, древнихъ и новыхъ, въ значительной степени зависятъ отъ времени ихъ появленія и, такъ сказать, обратно пропорціональны вѣкамъ ихъ авторовъ: чѣмъ ближе къ нашему времени относится появленіе изслѣдованій о Коранѣ, тѣмъ болѣе отличаются они эрудиціей, широтою взгляда, глубиною мысли и критики, и на оборотъ, такъ какъ историческая и оріентальная

---

1) Pautz, Muhammeds Lehre von der Offenbarung. Leipzig, 1898.

наука, съ теченіемъ времени, располагала все большими и большими средствами для разносторонняго строго-научнаго изученія этого оригинальнаго произведенія арабскаго реформатора VII вѣка.

Европейская наука до XII вѣка по Рожд. Христ. не располагала даже знаніемъ содержанія Корана, и только въ XVI вѣкѣ въ первый разъ увидѣла въ печати арабскій текстъ и переводъ Корана. Петръ, аббатъ Клюнійскій, желая познакомиться съ религіей Мухаммеда въ ея первоисточникѣ и доказать, по возможности, ея ложность, нашелъ въ Испаніи людей, знакомыхъ съ арабскимъ языкомъ, а именно: Роберта Ретензія и Петра Далмата и поручилъ имъ перевести арабскій текстъ Корана на латинскій языкъ. Въ 1143 году они окончили переводъ Корана, который однако, долго спустя по изобрѣтеніи книгопечатанія, именно въ 1543 г., былъ изданъ на латинскомъ языкѣ Библіандеромъ. Но переводъ этотъ, какъ первый опытъ, не только не имѣлъ научныхъ достоинствъ, но и не заслуживалъ даже названія перевода, потому что безчисленныя ошибки, пропуски въ однихъ мѣстахъ и прибавленія въ другихъ слишкомъ отдалили переводъ отъ подлинника и лишили первый подобія послѣдняго. Въ концѣ XII столѣтія доминиканецъ Рикольдъ-де-Монте-Круа рѣшилъ было перевести арабскій подлинникъ Корана, но съ переводомъ каждаго отдѣльнаго листа у переводчика все болѣе усиливалось отвращеніе къ содержанію подлинника, и благочестивый доминиканецъ вынужденъ былъ прекратить свою работу, не доведя ея до конца. И долго спустя, на западѣ, у католиковъ господствовало не только предубѣжденіе, но и омерзеніе къ Корану и опасеніе оскорбить религіозное чувство христіанъ нечестивымъ ученіемъ этой книги.

Словомъ: въ римско-католической церкви существовало даже опасеніе за христіанскую вѣру отъ обнародованія перевода Корана, и когда въ школахъ было введено изученіе арабскаго языка, на которомъ написанъ подлинникъ, изданіе этой книги было строго запрещено, наравнѣ съ другими еретическими книгами. Въ концѣ XV-го столѣтія Іоганнъ Андреасъ, христіанскій священникъ, обращенный изъ мусульманъ, перевелъ Коранъ съ арабскаго на аррагонскій языкъ, по повелѣнію епископа Барцелонскаго Мартина, инквизитора аррагонскаго; но исторія не сохранила объ этомъ переводѣ точныхъ свѣдѣній. Въ началѣ XVI столѣтія изданіе Корана подверглось такой-же участи. Нѣкто Paganius de Brescia ([1]) издалъ въ Венеціи полный арабскій текстъ Корана, но папа осудилъ это изданіе на сожженіе. Исполнители папскаго приказанія такъ усердно и аккуратно занялись этимъ, что отъ изданія не только не осталось ни одного экземпляра, но и годъ изданія неизвѣстенъ; сохранилось только краткое заглавіе этого изданія: „Alcoranus arabice".

Любовь къ наукѣ побѣдила однако чувство страха: въ 1547 г. въ Венеціи былъ изданъ переводъ Корана на италіанскомъ языкѣ, въ 1616 и 1623 г.г. былъ изданъ нѣмецкій переводъ, а съ этого былъ сдѣланъ въ 1641 г. переводъ на голландскій языкъ. Въ 1647 г. въ Парижѣ былъ изданъ французскій переводъ Корана Дю-Ріеромъ (Du-Ryer), а въ 1649 г. появился англійскій переводъ въ Лондонѣ. Въ концѣ XVII столѣтія переводъ Корана былъ изданъ на англійскомъ языкѣ, именно въ 1688 г. Но въ Гамбургѣ А. Гинкельманъ, издавая арабскій текстъ Корана

([1]) Изъ Бресчіи, въ Италіи

въ 1694 г., писалъ „Negotium nobis est cum libro, quem legere et delegere est refutare". И аббатъ Людовикъ Марраччи, издавшій въ 1698 г. арабскій текстъ и латинскій переводъ Корана съ примѣчаніями къ тексту и опроверженіями ученія Корана, между прочимъ замѣтилъ, что „запрещеніе обнародовать Коранъ должно имѣть силу только по отношенію къ изданіямъ его, какія не снабжены приличными опроверженіями его ученія, безъ которыхъ оно можетъ повредить вѣрѣ простодушныхъ. Черезъ 40 лѣтъ послѣ Марраччи, именно въ 1734 г., англійскій переводчикъ Корана Джоржъ Сель (G. Sale) высказался на ту же тему еще рѣшительнѣе и смѣлѣе: „кажется, мнѣ не нужно извиняться въ томъ,—пишетъ онъ въ предисловіи къ своему переводу,—что я издаю въ свѣтъ переводъ этой книги, или доказывать, что это полезно и любопытно. Тѣ должны имѣть очень низкое представленіе о христіанской вѣрѣ, или худо въ ней наставлены, которые опасаются чего-нибудь отъ книги, въ коей виденъ явный обманъ"... Петръ Великій, со свойственною ему любознательностью и проницательностью, также обратилъ вниманіе на Коранъ. По его повелѣнію, князь Кантеміръ перевелъ эту книгу на русскій языкъ съ французскаго перевода Дю-Ріера и въ 1716 году переводъ этотъ былъ напечатанъ въ С.-Петербургской Типографіи [1]. Съ того-же французскаго перевода, при Императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1790 г. изданъ былъ русскій переводъ Корана, сдѣланный Веревкинымъ.

---

[1] Полное заглавіе этого изданія, составляющаго библіографическую рѣдкость, слѣдующее: «Алкоранъ о Магометѣ или законъ турецкій, переведенный съ французскаго языка на россійскій. Напечатался повелѣніемъ царскаго величества. Въ Санкпітербургской типографіи, 1716 году въ мѣсяцѣ декамбріи.

[2] Книга Алъ-Коранъ Аравлянина Магомета. Въ 18 ст. было нѣсколько нѣмецкихъ прцводовъ

Въ истекшемъ XIX столѣтіи появлялись на разныхъ европейскихъ языкахъ переводы Корана. Въ Россіи былъ въ обращеніи переводъ Корана, сдѣланный К. Николаевымъ съ французскаго перевода Казимірскаго, и въ 1901 г. былъ изданъ въ Петербургѣ уже пятымъ изданіемъ. [1]).

Наконецъ въ 1877 году въ Казани появился первый самостоятельный переводъ Корана съ арабскаго языка, сдѣланный г. Саблуковымъ. [2]) Не говоря уже о томъ, что переводъ Николаева, какъ не самостоятельный, не можетъ имѣть научнаго значенія, онъ страдаетъ большими недостатками и какъ переводъ съ французскаго. Между тѣмъ переводъ г. Саблукова отличается и внѣшними, и внутренними несомнѣнными достоинствами. Г. С. Саблуковъ, вслѣдствіе многолѣтняго и рѣдкаго по добросовѣстности изученія ислама вообще и Корана въ частности, умѣлъ удержать въ переводѣ своемъ духъ и буквальный смыслъ арабскаго подлинника, что удавалось далеко немногимъ арабистамъ. Въ его переводѣ, кромѣ повсемѣстной ясности и точности, одинаковыя выраженія подлинника переданы одинаковыми русскими выраженіями, а это весьма важно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Своимъ переводомъ онъ показалъ суннитамъ—мусульманамъ, что Коранъ можно вполнѣ удобно переводить на другіе человѣческіе языки, и что ученіе ихъ законодательной книги намъ теперь доступно даже болѣе, чѣмъ тѣмъ мусульманамъ, которые не понимаютъ арабскаго языка. А подробный, систематическій

—

[1]) См. подробнѣе въ книгѣ Г. Саблукова «Свѣдѣнія о Коранѣ» Казань 1884, стр. 41—58.

[2]) Полное заглавіе этого изданія слѣдующее: «Коранъ. Законодательная книга мохаммеданскаго вѣроученія. Переводъ и приложенія къ переводу Гордія Саблукова.»

указатель къ переводу Корана, составленный тѣмъ же г. Саблуковымъ, даетъ намъ полную возможность отыскать въ Коранѣ все то, что въ немъ есть, и провѣрить каждое предположеніе о томъ, чего въ Коранѣ нѣтъ. Всѣ отличительныя особенности арабскаго подлинника характерно переданы въ переводѣ и притомъ такъ, что русская рѣчь отъ этого не пострадала. Въ переводѣ г. Саблукова читатель чувствуетъ дѣйствительно языкъ восточнаго народа и въ тоже время языкъ священной книги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводчику удалось даже удержать рифмованную рѣчь подлинника. Словомъ, какъ ученый трудъ, переводъ Корана, сдѣланный г. Саблуковымъ, стоитъ очень высоко. не только сравнительно съ другими иностранными и русскими переводами Корана, но и безотносительно, такой трудъ дѣлаетъ полную честь русскому переводчику. Особенно достоинства перевода г. Саблукова очевидно бросаются въ глаза читателю, сравнивающему его съ переводомъ Николаева, давно распространеннымъ въ русской публикѣ. Въ послѣднемъ, кромѣ неясностей и неточностей, встрѣчаются иногда положительныя несообразности. Такъ напр. гл. 67, ст. 22 г. Саблуковъ переводитъ такъ: „Тотъ-ли идетъ прямо, кто хочетъ потупить лице свое? или тотъ на прямомъ пути, кто ходитъ, держа себя прямо?—У г. Николаева эти слова переведены: „Человѣкъ ползая, воздѣлывающій землю лбомъ, лучше-ли направленъ того, кто идетъ прямо по прямому пути? Еще характернѣе слѣдующее сопоставленіе: гл. 19, ст. 27 г. Николаевъ переводитъ: „скажи ему: *я предаю дитя* Милосердному; сегодня я не буду говорить ни съ однимъ человѣкомъ", а Саблуковъ переводитъ это мѣсто, совершенно согласно съ текстомъ подлинника, такъ: „говори ему: Милостивому *я дала обѣтъ*.

поститься; потому мнѣ нельзя говорить ни съ однимъ человѣкомъ" ([1]).

Сказаннаго достаточно, чтобы переводу Корана, сдѣланному г. Саблуковымъ, отдать полное преимущество предъ переводомъ г. Николаева и рекомендовать первый русскимъ читателямъ, особенно въ виду понятной притязательности мусульманъ, заявляющихъ, что Коранъ нельзя переводить на другіе языки, а необходимо читать его въ арабскомъ подлинникѣ, языкъ котораго неподражаемъ. Но намъ, русскимъ, преслѣдующимъ при управленіи мусульманами не религіозныя, а государственныя цѣли, можно съ спокойною совѣстію довѣриться переводу г. Саблукова, имѣвшаго въ виду строгія научныя требованія отъ перевода арабскаго текста на языкъ русскаго народа.

Нужно-ли здѣсь говорить еще о томъ, что Коранъ имѣетъ право на вниманіе къ нему со стороны русскихъ образованныхъ людей? Г. Сель (Sale) писалъ въ свое время: „если предписанія, касающіяся вѣры и государственнаго устройства какого-нибудь иноземнаго народа достойны нашего изученія, то предписанія Мухаммеда, законодателя арабовъ и основателя государства (которое менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, распространилось по большей части свѣта, нежели римская имперія, во время цвѣтущаго своего состоянія) не недостойны нашего вниманія, какъ потому, что эти учрежденія слишкомъ широко распространили свое господство, такъ и потому, что мы (англичане) част имѣемъ отношенія къ тѣмъ, которые управляются законами Мухаммеда"... Приведенныя слова англійскаго

(1) Болѣе подробно смотри въ ст. Я. Б. «О переводѣ Корана Гордія Саблукова» въ Православномъ Собесѣдникѣ 1878 г.

переводчика Корана имѣютъ значеніе и для насъ, русскихъ, потому что и мы имѣемъ постоянныя отношенія не только къ россійскимъ подданникамъ—мусульманамъ, которыхъ, по переписи 1897 года, считается около 14 мил. [1]), но и къ мусульманамъ сосѣднихъ ханствъ—Бухары и Хивы, въ предѣлахъ которыхъ насчитывается около 3-хъ мил., что вмѣстѣ составляетъ 16½ мил., а всѣ мусульмане считаютъ Коранъ первоисточникомъ своего теократическаго права. „Никогда не должно упускать изъ вида,—писалъ англійскій генеральный консулъ въ Тунисѣ,—что Коранъ есть религіозный и политическій кодексъ. Всѣ мусульмане такъ смотрятъ на него, а потому нельзя ожидать, пока ихъ вѣра такъ тѣсно соединена съ ихъ національною политикой, чтобы они пожертвовали вѣрой въ пользу политики, которую можно коротко опредѣлить такъ: сохраненіе вѣры въ ея чистотѣ чрезъ изолированіе и уединеніе себя; возвращеніе странъ, подпавшихъ подъ власть христіанскихъ государствъ; искорененіе народовъ и племенъ, которыя, отказываются платить дань за право жизни и тѣмъ самымъ ставятъ себя, по предписанію пророка, въ положеніе открытаго возстанія и потому повинны смерти. Образованные мусульмане постараются, конечно, смягчить эти предписанія ссылками на другія мѣста Корана и преданій; тѣмъ не менѣе означенныя предписанія составляютъ непреложные догматы почти 200 милліоновъ мусульманъ“ [2]).

Извѣстный знатокъ мусульманскаго права, Баронъ Торнау рѣшительно заявляетъ, что обсужденіе мусульманскаго гражданскаго права невозможно на основаніи поня-

1. Именно: 13, 889, 421 чел.

2. Ст. «Теократическій принципъ ислама и слѣдствія этого для мусульманъ и христіанъ» въ Хр. Чт. 1882 г. стр. 715.

тій и принциповъ европейскихъ законодательствъ и что для точнаго ознакомленія съ мусульманскимъ гражданскимъ правомъ необходимо имѣть хотя-бы краткія, но во всякомъ случаѣ точныя, положительныя свѣдѣнія о религіозныхъ постановленіяхъ ислама. Обсужденіе этого права по юридическимъ европейскимъ понятіямъ, а еще болѣе подведеніе постановленій онаго подъ систему и рубрики западныхъ законодательствъ, равно какъ изложеніе въ сочиненіяхъ о мусульманскомъ правѣ объ общественномъ и частномъ гражданскомъ бытѣ мусульманъ, безъ одновременнаго указанія на постановленія о вѣрѣ и въ особенности о религіозной обрядовой части, вводятъ въ заблужденіе на счетъ дѣйствительнаго назначенія многихъ гражданскихъ постановленій ислама и даютъ неточное понятіе о томъ, чего Мухаммедъ, какъ гражданскій законодатель, предполагаетъ достигнуть чрезъ установленіе новыхъ гражданскихъ законовъ. Сколь-бы ratio legis ни была несовершенна въ гражданскихъ постановленіяхъ мусульманъ, она однако существуетъ и выражается однимъ словомъ: „*въ подчиненіи оныхъ законамъ о вѣрѣ*". Кромѣ того, всякое частное лицо, продолжаетъ тотъ-же авторъ, вступая въ сношенія какого-бы то ни было рода съ подданными другаго государства, не можетъ, для огражденія собственныхъ интересовъ, не ознакомиться съ тѣми, въ чужой странѣ дѣйствующими, законами, которые въ оной регулируютъ гражданскія отношенія частныхъ лицъ между собою. Если-же такое знакомство съ законами необходимо въ разныхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ гражданскіе законы основаны, болѣе или менѣе, на однихъ и тѣхъ же началахъ, гдѣ отчасти дѣйствуютъ интернаціональныя законоположенія въ пользу частныхъ лицъ, то тѣмъ болѣе

необходимо знаніе гражданскихъ законовъ мусульманскихъ странъ, въ которыхъ законодательство основано на началахъ, въ иныхъ случаяхъ даже противоположныхъ европейскимъ понятіямъ". [1]) Онъ же, замѣчаетъ, что нравственное достоинство каждаго частнаго лица повсюду оцѣнивается степенью подчиненія его тѣмъ частнымъ постановленіямъ въ государствѣ, на которыхъ основывается благоустроенный общественный частный бытъ, что ни въ какомъ законодательствѣ не проявляется столь осязательно, какъ въ мусульманскомъ. Мусульманинъ, не исполняющій въ полной точности хотя-бы внѣшнихъ обрядовъ религіи, считается неблагочестивымъ и неблагонадежнымъ лицомъ; онъ чрезъ это лишается въ средѣ своихъ единовѣрцевъ довѣрія, не допускается, напримѣръ, къ свидѣтельству, къ опекунству и т. д. Изъ приведенныхъ авторомъ двухъ историческихъ фактовъ, въ подтвержденіе своей мысли, укажемъ на возстаніе сипаевъ въ Индіи вслѣдствіе принужденія ихъ употреблять ружейные патроны, смазанные свинымъ саломъ, и на бѣгство крымскихъ татаръ, вслѣдствіе возложенія на духовныхъ лицъ отчисленія наслѣдственной части отступнику отъ ислама [2]).

1) Особенности мусульманскаго права изд. 1880 г.

2) Особенности мусульманскаго права, стр. 9—10, 12—15. И позже, въ въ 80-хъ г., враги Британскаго правительства въ Индіи запугивали индусовъ-мусульманъ слухомъ о томъ, что къ продаваемому на базарѣ коровьему маслу примѣшивается свиное сало.

3) По словамъ «Крымск. Вѣсти», въ продолжающемся выселеніи татаръ въ Турцію безземелье не имѣетъ значенія, такъ какъ эмигрируютъ не только безземельные татары, но и состоятельные землевладѣльцы, которые сбываютъ свои земли за безцѣнокъ. Выселеніе нѣкоторыми владѣльцами татаръ-десятинниковъ съ своихъ земель, на которыхъ тѣ жили съ незапамятныхъ временъ,—фактъ въ высшей степени печальный; но все же не въ этомъ одномъ причина сильной эмиграціи, которая идетъ какъ разъ не изъ тѣхъ

По нашему мнѣнію, возстаніе сипаевъ чрезвычайно характерно какъ для мусульманъ, помирившихся съ иновѣрнымъ правительствомъ и съ необходимостью стать въ ряды солдатъ, подъ команду иноземныхъ и иновѣрныхъ офицеровъ, но не рѣшившихся прикасаться къ животному веществу, признаваемому ими нечистымъ, такъ и для христіанскихъ завоевателей Индіи, сумѣвшихъ подчинить своей власти фанатическій народъ и не обратившихъ вниманія на то, что свинья считается у мусульманъ нечистымъ животнымъ. Такой ничтожной на взглядъ европейцевъ ошибки, подавшей поводъ къ столь серьезному возмущенію, не было-бы, если-бы англійскіе офицеры были основательно знакомы съ духомъ и буквою Корана, въ которомъ запрещеніе относительно свинины два раза опредѣленно подтверждено, [1]) и если-бы они осмотрительнѣе обращались съ мусульманами. Казалось-бы, что и мы, русскіе, управляя столь долго многочисленными мусульманами и

дачъ, гдѣ производилось выселеніе. Севастопольская газета даетъ такія объясненія эмиграціи:

Татары недовольны тѣмъ, что ихъ новобранцевъ стали назначать въ другія, кромѣ крымскаго дивизіона, части войскъ, гдѣ имъ приходится кушать свинину и гдѣ имъ неудобно исполнять обряды своей вѣры. Это дѣйствительно одна изъ важныхъ причинъ татарскаго бѣгства въ Турцію.

Ничего татарское населеніе такъ не опасается, какъ предположенія быть перекрещеннымъ. Стоитъ только какому-нибудь досужему балагуру пустить слухъ о томъ, что русскія власти желаютъ или намѣрены перекрестить татарчатъ, и достаточно этого для того, чтобы вся деревня повѣрила такому дикому разсказу и поднялась съ мѣстъ для эмиграціи.

Если бы наши татары не были столь невѣжественны и малокультурны, то и теперь многіе изъ нихъ благоденствовали бы на вакуфныхъ земляхъ, которыя сдаются безземельнымъ татарамъ въ аренду по баснословно дешевой цѣнѣ, не превышающей 2 руб.—2 руб. 50 коп. за десятину, въ то время, какъ сосѣди ихъ нѣмцы платятъ за такую же землю по 6—7 р. Нов. Вр. 1901 г. № 9256 отъ 9 января.

1. Коранъ, гл. 6, ст. 146; гл. 16, ст. 116.

имѣя непосредственныя и разнообразныя отношенія къ нимъ, — близко знакомы съ духомъ основного законодательнаго кодекса мусульманъ; но этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать по отношенію къ огромнѣйшему большинству русскихъ, такъ какъ только ничтожнѣйшее меньшинство, отдѣльныя личности знакомы непосредственно съ ученіемъ этого религіознаго кодекса и притомъ почти всегда изъ научныхъ интерессовъ, а не въ видахъ требованій жизни... При этомъ мы укажемъ и на естественныя послѣдствія незнакомства съ Кораномъ не только русскихъ, но и европейцевъ: одни склонны видѣть въ Коранѣ образецъ всякаго совершенства, а другіе приписываютъ ему разные недостатки, какихъ въ немъ нѣтъ. „Такъ говорится въ Коранѣ, такъ учитъ Коранъ“ можно слышать очень часто отъ лицъ, которыя Корана и въ рукахъ не держали [1]). Между тѣмъ для русскихъ знакомство съ Кораномъ и знакомство основательное положительно необходимо по соображеніямъ первостепенной важности. Въ настоящее время никакой правитель не рѣшится отрицать значенія религіи въ жизни народа и страны. Э. Тэйлоръ замѣчаетъ, что изученіе религіи какого-нибудь народа будетъ имѣть наградою болѣе разумное пониманіе вѣрованій людей, съ которыми мы живемъ, такъ какъ человѣкъ, понимающій только одну религію, на самомъ дѣлѣ понимаетъ ее не болѣе того, сколько человѣкъ, знающій одинъ языкъ, понимаетъ послѣдній [2]).

1. Даже ученый раввинъ и профессоръ Женевскаго университета Вертермейеръ сказалъ однажды, что Коранъ предписываетъ мусульманамъ держать во время письма правую руку неподвижно, почему они и пишутъ справа на лѣво (Нар. Шк. 1883 г. № 8, стр. 43). А въ Коранѣ нѣтъ и намека на это.

2) Первобытная культура. Рус. перев. подъ редакціей Коропчевскаго. Спб. 1872, т. 1, ч 2, гл. XI, стр. 5.

Намъ, русскимъ, это необходимо вдвойнѣ, потому что характеръ народа познается болѣе всего изъ его вѣрованій и что, слѣдовательно, мы, познакомившись съ ученіемъ Корана, будемъ вѣрнѣе судить о характерѣ народа, признающаго *лишь одно законодательство*, основанное *на Коранѣ*,, какъ на главномъ источникѣ, и на *хадисахъ*, т. е. преданіяхъ отъ ихъ пророка, и на постановленіяхъ первыхъ халифовъ и основателей религіозныхъ расколовъ, какъ на дополнительныхъ, разъясняющихъ Коранъ, источникахъ. [1]) Тѣмъ болѣе намъ не слѣдуетъ забывать, что „въ мусульманскихъ государствахъ расчитывать на преданность мусульманскихъ подданныхъ возможно при одномъ лишь условіи: чтобы требованія правительства, его агентовъ и его органовъ не затрогивали ихъ религіозныхъ понятій и не противорѣчили-бы постановленіямъ шаріата. Повелѣнія Корана, въ видѣ божественныхъ откровеній, о святости войны противъ невѣрныхъ, о возведеніи джихада въ догматъ вѣры, обязательный для каждаго мусульманина и о неустановленіи дружескихъ отношеній съ невѣрными, не допускаютъ мусульманъ до полнаго сближенія съ иновѣрцами, сколь бы подобное сближеніе ни обѣщало самимъ мусульманамъ матеріальной и нравственной пользы. Исламъ обрекъ законодательство по гражданскому быту мусульманъ неподвижности, застою. Въ виду иного положенія существующаго въ западныхъ государствахъ, гдѣ постоянное усовершенствованіе гражданскаго законодательства составляетъ существенное стремленіе всѣхъ правительствъ, достиженіе добровольнаго и непритворнаго подчиненія мусуль-

---

[1]) Торнау, Особенности мусульманскаго права, стр. 7. Ср. Введеніе въ Мюхтесеруль—Вигкаетъ А. Казембека (Казань, 1845).

манскихъ подданныхъ симъ усовершенствованіямъ, является трудною государственною задачею. Подчиненіе это, конечно, можетъ быть достигнуто силою власти; но въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ терять изъ вида историческихъ фактовъ (между прочимъ въ Индіи и въ Алжиріи), указывающихъ, что сохраненіе и продолженіе такого подчиненія, требуетъ той-же поддержки силы, какъ и введеніе усовершенствованій" [1]). Возстаніе, о которомъ упоминаетъ Баронъ Торнау, произошло въ Индіи въ 1857 году, па пространствѣ 300 миль, и имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ слѣды англійскаго владычества, всѣ власти, всѣ административныя учрежденія Англіи были мгновенно сметены, какъ-бы ураганомъ. Строй жизни, созданный цѣлымъ столѣтіемъ, рушился мгновенно; почва внутреннихъ областей страны ушла изъ-подъ ногъ англійскаго правительства, которое было вынуждено послѣ этого сосредоточиться въ прибрежныхъ пунктахъ. [2]) Тоже самое повторилось въ 1871 году въ Алжиріи, такъ-же мусульманской странѣ, управляемой французами. Въ то время вся Кабилія и большая часть провинціи Константины и Алжира были опустошены въ нѣсколько дней; многія села были совершенно разрушены; имущество многихъ французовъ расхищено и болѣе ста (?) колонистовъ убито. Населеніе восточной части равнины Метиджы искало спасенія за окопами Алжира, таща съ собою то количество скота и движимаго имущества, какое они надѣялись спасти" [3]) ....'

[1]) Особенности мусульманскаго права, стр. 21—22.

[2]) Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ. Спб. 1869 г., стр. 488.

[3]) Леруа Больс. Колонизація у новѣйшихъ народовъ Спб. 1877, стр. 295.

Насколько интенсивны такія возстанія, можно судить по Суданскому возстанію въ Египтѣ [1]) и по Андижанскому возстанію въ Ферганской области Туркестанскаго края [2]).

Не повторяя извѣстныхъ и еще не забытыхъ фактовъ, касающихся этихъ возстаній [3]), упомянемъ о менѣе извѣстномъ русской читающей публикѣ Каирскомъ возмущеніи мусульманъ, сопровождавшемъ вступленіе Бонапарта въ Египетъ, въ 1798 г., какъ объ этомъ разсуждаетъ французскій историкъ Мишле.

— Почему, спрашиваетъ онъ, несчастные египтяне, такъ много терпѣвшіе притѣсненій отъ прежнихъ владыкъ своихъ, не привязались болѣе къ нашимъ, которые были болѣе человѣчными? Бонапартъ дѣлаетъ имъ предложенія, какихъ не дѣлалъ ни одинъ завоеватель. Онъ напоминаетъ имъ тираннію мамелюковъ, которую они слишкомъ хорошо знали. Онъ возвращаетъ имъ,—возвращаетъ къ свободѣ— рабовъ, которыхъ держали Мальтійскіе рыцари. Онъ объявляетъ имъ, что французы выгнали папу изъ Рима, и это нисколько не трогаетъ ихъ....

— По моему мнѣнію, продолжаетъ Мишле, есть вещь болѣе любопытная, чѣмъ всѣ эти живописныя сраженія, о которыхъ такъ много разсказывали,—это вступленіе наше въ Каиръ, первый взглядъ, которымъ обмѣнялись побѣдители и жители этого громаднаго города и которымъ оцѣнили другъ друга. Послѣ страшной паники такое мирное всту-

---

1) Миссіон противомусул. сборникъ, вып. XX, гл. III. [Казань, 1894 г.]

2) См. брошюру В. П. Салькова. „Андижанское возстаніе въ 1898 г. Казань, 1901 г.

3] Было бы оч. поучительно составить по возможности подробную исторію всѣхъ возстаній мусульманъ разныхъ странъ противъ христіанскихъ завоевателей, такъ какъ отношенія мусульманъ къ христіанскимъ правительствамъ не прекращаются и исламъ продолжаетъ усиленно распространяться.

леніе должно было вызвать сильное удивленіе и также благодарность. Побѣдители пришли, улыбаясь на эту толпу, и выказали себя врагами только противъ мамелюковъ, дворецъ которыхъ разграбили, въ чемъ нисшіе классы городского населенія помогали имъ отъ всего сердца. Французы, столь малочисленные, казались затерянными въ городѣ съ населеніемъ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ жителей. Узкія, темныя извилистыя улицы запирались на ночь крѣпкими деревянными воротами; многія изъ нихъ, перерѣзанныя темными базарами, могли служить настоящими западнями, если бы поднялась рѣзня. *) Самая обыкновенная осторожность заставила обратить на нихъ вниманіе. Генералъ Дюпюи, назначенный губернаторомъ города, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы вѣковыя ворота были сняты, къ величайшему огорченію привыкшаго къ нимъ населенія. Сверхъ того, каждый домовладѣлецъ былъ обязанъ зажигать у дверей фонарь по ночамъ. Такая рѣзкая перемѣна не могла быть пріятной восточному городу. Не стало тьмы; улицы стали открыты съ этой минуты для трескучихъ телѣгъ и тяжелыхъ бронзовыхъ пушекъ; тишина была нарушена, а съ нею и тайна домовъ.....

— Санитарныя мѣры, столь разумныя, казались тираніей. Перенесеніе кладбища,—мѣра необходимая, послѣ страшныхъ опустошеній, нанесенныхъ чумою въ этомъ вѣкѣ,—вызвало бунтъ женщинъ, которыя съ шумомъ, со всею трагической выставкою восточной горести, подъ окнами главнокомандующаго протестовали своею численостью и угрожающимъ трауромъ своимъ. **) Одежды женщинъ, постоянно укрытыхъ покрываломъ, могли быть подозрительными

*) Какъ все это и нижеслѣдующее напоминаетъ намъ Ташкентъ!.

**) Припомнимъ холерный бунтъ въ Ташкентѣ въ 1892 году.

и представлять дѣйствительную опасность въ городѣ, недружелюбно настроенномъ къ французамъ. Запретили покрывала, — поднялся громкій ропотъ. Однако полезность этихъ предосторожностей была доказана тѣмъ, что у одной знатной египтянки, по доносу управляющаго ея, нашли оружіе, порохъ и много одеждъ мамелюковъ. Она поплатилась тремя днями тюрьмы и пеней.

— Послѣ такого человѣчнаго обращенія и столь многихъ доказательствъ доброты, радость мусульманъ при нашемъ пораженіи при Абукирѣ представляется дѣломъ чудовищнымъ, *заставляющимъ сомнѣваться въ человѣческой природѣ.* Мусульмане увидѣли въ этомъ бѣдствіи нашемъ только кару Аллаха, явно осудившаго побѣдителей ихъ. Однако, если правда, какъ говоритъ Бурьенъ и другіе, что главною причиной бѣдствія французовъ былъ недостатокъ продовольствія во флотѣ, который не могъ получить необходимые припасы вслѣдствіе прекращенія сообщеній, то въ этомъ слѣдуетъ обвинить снисходительность французской администраціи, съ самаго начала не организовавшей строгихъ мѣръ, которыя обезпечили бы безопасность дорогъ и облегчили бы доставку припасовъ. Бонапартъ напрасно старался свалить вину на адмирала: оба дѣйствовали нерѣшительно. Но адмиралъ дѣйствовалъ такъ, отчасти вслѣдствіе честнаго нежеланія покинуть Египетъ, покинуть армію, отойдя съ флотомъ отъ берега.

— Спасеніе арміи, а равно и хорошее управленіе страной требовали строгаго и правильнаго порядка. Постановили, чтобы всѣ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ представили свои документы на владѣніе, чтобы доказали, на основаніи

какихъ правъ они владѣютъ—покупкою, или по наслѣдству. Дѣло очень затруднительное въ мусульманской странѣ и очень щекотливое для сильныхъ міра, наслѣдниковъ владыкъ страны, которые обладали имуществами по праву силы и грубаго захвата. Для этого изслѣдованія учредили диванъ [1]) изъ шести мусульманъ и шести коптовъ, которымъ была назначена плата за трудъ: съ каждаго документа два процента на сто, со стоимости имѣнія; обложили налогомъ городскіе дома и даже лавки, что было нововведеніемъ. До сихъ поръ вся тяжесть падала на деревни, на бѣдныхъ феллаховъ, на однихъ земледѣльцевъ, на трудъ и на землю. Съ самыхъ древнихъ временъ городскіе дома и горожане не платили ничего. Налоги съ деревень, съ египетскихъ крестьянъ взимались коптами, которые сами были египтянами и которымъ мамелюки поручили это дѣло. Когда французы постановили, чтобы дома мусульманъ и другихъ горожанъ были обложены налогомъ, какъ поля феллаховъ, то сборъ и этого налога былъ порученъ сборщикамъ коптамъ или египтянамъ. И люди, до этой поры призираемые, какъ низшая раса, стали ходить по домамъ, допрашивать, дѣлать описи, что казалось смертельнымъ оскорбленіемъ расамъ, бывшимъ до этой поры господствовавшими.

— Копты, а также и евреи, чувствуя себя подъ покровительствомъ, мало по малу пріободрились, перестали ѣздить на ослахъ, какъ прежде, но начали ѣздить на лошадяхъ и носить оружіе. Это было очень естественною предосторожностью противъ мародеровъ, но это жестоко оскорбило арабовъ и вообще мусульманъ, которые не могли сносить та-

[1]) Комиссію въ родѣ хозяйственнаго управленія, бывшаго въ Ташкентѣ послѣ его завоеванія, и въ родѣ позднѣйшихъ поземельно-податныхъ комиссій въ разныхъ областяхъ Турк. края.

кое ненавистное равенство. Еще менѣе они могли сносить терпѣливо, когда увидѣли, что копты, какъ агенты власти, примѣняли противъ нихъ, равно какъ и противъ всѣхъ, принудительныя мѣры, всю строгость закона, которую до сихъ поръ тѣже копты примѣняли только къ однимъ феллахамъ, сажая въ тюрьму неплательщиковъ... Мусульманская гордость поднялась, опираясь на *религіозные* предлоги, какъ напримѣръ, на продажу вина, запрещенную исламомъ, но которую нельзя было запретить солдатамъ нашимъ. Что бы ни говорили объ этомъ, но когда я вижу, что мусульмане выказывали больше терпимости въ другихъ мѣстахъ, то я не могу не думать, что налогъ и милости, оказанныя коптамъ, собиравшимъ подати, были главною причиною общественнаго неудовольствія..., которое и выразилось въ возстаніи 21 октября 1798 года.

— Еслибы Наполеонъ выказалъ въ Египтѣ такую же предусмотрительсть, какъ въ Италіи, говоритъ Мишле, — то онъ бы предчувствовалъ, что бѣдствіе Абукира вскружитъ голову мусульманамъ, воскреситъ безумную гордость ихъ и заставитъ ихъ не видѣть настоящаго положенія дѣла. Флотъ былъ не нуженъ, потому что не хотѣли скоро возвращаться; Бонапартъ говорилъ, что навсегда останется въ Египтѣ. Египетъ былъ прекрасной страной и, благодаря работамъ, которыя производились, могъ прокормить двойное и тройное населеніе. Что могло побуждать Бонапарта спѣшить, когда у него была такая армія? Конечно, ни англичане, ни турки. Онъ долженъ былъ скорѣе желать, чтобы англичане имѣли смѣлость высадиться. Что же касается египтянъ, то ихъ такъ мало боялись, что даже въ Каирѣ, гдѣ скученность населенія дѣлала ихъ опасными, имъ оставили оружіе. Одно, чего могли бояться, это было не-

вѣжество и еще гордость мусульманская, которыя могли побудить ихъ рискнуть на нелѣпую выходку къ собственному вреду. . . . .

— Но какъ же Бонапартъ, иногда такой недовѣрчивый, не видѣлъ этого? Онъ хотѣлъ какою бы то ни было цѣною привлечь египтянъ на свою сторону и найти въ Египтѣ точку опоры для дальнѣйшихъ своихъ предпріятій, думалъ расположить ихъ къ себѣ и сдѣлать ихъ добрыми товарищами. Одинъ капитанъ требовалъ, чтобы солдаты ходили по городу безоружными, и самъ женился на каирской египтянкѣ. Драгоманъ его былъ рабомъ въ Мальтѣ и освобожденъ нами. Драгоманъ этотъ содержалъ кофейную, гдѣ пѣли французскія пѣсни. Капитанъ приходилъ туда съ женою и уговорилъ мусульманъ устроить обычныя иллюминаціи и увеселенія въ народный праздникъ въ память Хусаина. Лучшіе французы показывали египтянамъ примѣръ довѣрія. Не смотря на это въ народѣ распространялся враждебный духъ... Довѣріе, оказанное коптамъ (первобытнымъ египтянамъ), раздражало арабовъ, турокъ и др. Въ то же время Наполеонъ думалъ расположить къ себѣ египтянъ, турокъ и арабовъ тѣмъ, что приглашалъ ихъ на праздникъ французовъ. На праздникѣ республики мусульмане увидѣли выставленными рядомъ Коранъ и Декларацію правъ человѣка. Также на нѣкоторыхъ праздникахъ мусульманъ, Наполеонъ противъ воли ихъ, оказалъ имъ честь, приказавъ французамъ присутствовать. Мусульмане откладывали нѣкоторые праздники, желая отпраздновать ихъ *только послѣ нашего ухода*. Но, говоритъ восточный лѣтописецъ, Наполеонъ былъ предупрежденъ о томъ *измѣнникомъ* и, приказавъ устроить праздникъ съ пышностью, явился самъ и присутствовалъ на праздникѣ до конца. Вскорѣ послѣ этого му-

сульмане распространили въ Египтѣ подложный манифестъ султана, и въ этомъ манифестѣ султанъ,—посылавшій въ Египетъ только номинальнаго пашу, смѣняемаго имъ ежегодно,—представлялся говорящимъ языкомъ властелина Египта. Прокламація выставляла Францію врагомъ какой бы то ни было религіи и доходила до возмутительной клеветы, приписывая французамъ намѣреніе разрушить священные города: Мекку, Медину, Іерусалимъ и оканчивалась обѣщаніемъ, что на помощь Египту явится турецкая армія. Вмѣстѣ съ тѣмъ прокламація призывала египтянъ взяться за оружіе. Незнаніе восточныхъ языковъ, которымъ отличалась большая часть французовъ, позволила прокламаціи свободно распространяться. Даже во время азановъ муэззины, призывая мусульманъ на молитву, съ вершины минаретовъ открыто возбуждали народъ къ возстанію... Но самымъ дѣйствительнымъ двигателемъ были изслѣдованія, начатыя правительствомъ для правильнаго кадастра всѣхъ имуществъ, чтобы внести хоть сколько-нибудь справедливости въ распредѣленіе налоговъ: изъ Библіи даже видно, насколько операціи эти, даже самыя простыя, проклинаются народомъ и караются Богомъ. Крупные землевладѣльцы, хотя наиболѣе терявшіе отъ этой мѣры, не выступили впередъ, но съумѣли возстановить и выдвинуть мелкихъ, т. е. именно тѣхъ, кому равенство и справедливость распредѣленія принесли бы всего болѣе выгодъ.

— Въ ночь 20—21 октября 1798 г. заговорщики устроили совѣщаніе. Въ числѣ ихъ были естественные вожди народа: 30 шейховъ и эмиссары мамелюковъ, а также множество фанатиковъ изъ той черни, которая повсюду живетъ на счетъ храмовъ, каковъ «вождь слѣпыхъ великой мечети». Было условлено, что по утру не дадутъ отперетъ

лавки для того, чтобы ничто не помѣшало толпѣ народа идти протестовать противъ производившихся описей. Насильственно заперли лавки торговцевъ и направились къ Кади, человѣку очень почтенному, чтобы заставить его поддержать требованія народа. Послѣ отказа его, убили слугъ его и разграбили домъ его*). Въ тоже время возставшіе пытались раграбить греческій монастырь, который защищался и отстоялъ себя. Перерѣзали безчеловѣчно несчастный караванъ двадцати больныхъ или раненныхъ, на конвой которыхъ въ дорогѣ напали арабы. Еще до этого перерѣзали всѣхъ находившихся въ домѣ генерала инженеровъ Кафарелли. Его самого не было дома; но въ его домѣ бунтовщики нашли всѣ драгоцѣнные научные инструменты его, физическіе и химическіе, телескопы и проч., тысячи драгоцѣнныхъ вещей, привезти которыя снова изъ Европы было невозможно безъ невѣроятныхъ усилій изобрѣтательности. Фанатизмъ мусульманъ нашелъ въ инсургентахъ настоящаго врага своего—науку и не щадилъ ее, инстинктивно чувствуя все, чего ему слѣдовало опасаться отъ нея и отъ истины. Генералъ Дюпюи, комендантъ города, ненавидимый мусульманами за свою строгость и съ самаго начала вмѣшавшійся въ толпу, былъ убитъ импровизированной пикой, сдѣланной изъ ножа и перерѣзавшей ему артерію. Казначейство, на которое вслѣдъ затѣмъ бунтовщики напали, къ счастью охранялось непобѣдимымъ отрядомъ, гренадерами славной 32 полубригады. Египетскій институтъ (академія наукъ, основанная французами), не имѣвшій военной стражи, самъ мужественно защищался; ученые,

---

*) Этотъ частный случай также напоминаетъ намъ подробности Ташкентскаго холернаго бунта мусульманъ, когда былъ разграбленъ домъ аксакала Ма-Якуба и когда его самого собирались убить.

большею частю люди молодые, готовились тоже къ отчаянной борьбѣ, но къ ихъ счастью толпа сама собой пошла по другому направленію.

— Во время этого возстанія Наполеона въ Каирѣ не было. Онъ былъ не далеко и когда возвратился, то нашелъ трое городскихъ воротъ запертыми и неприступными. Что бы произошло, еслибы сосѣдніе арабы, большая часть которыхъ была, какъ говорятъ, послана мамелюками и Мурадъ-беемъ, приняли бы участіе въ возстаніи? Тогда грабежъ сталъ бы главнымъ ихъ дѣломъ. Кварталы евреевъ, грековъ, коптовъ были опустошены въ продолженіе часа. Серебро, драгоцѣнныя вещи, женщины, все было хорошей добычей для этихъ *притворныхъ фонатиковъ*. Храбрый генералъ Бонъ, къ счастью для коменданта, очистилъ ружейными выстрѣлами главныя улицы и загналъ возставшія массы въ одинъ кварталъ, Пятнадцать тысячъ изъ наиболѣе отчаянныхъ бросились въ мечеть и поклялись защищаться. Когда Наполеонъ подошелъ къ городу, то приказалъ поставить пушки у входа въ главныя улицы, такъ что центръ былъ окруженъ, осажденъ. Однако къ вечеру возставшіе не показывались, вѣроятно, потому что ожидали обѣщанную помощь, за которою отправились ихъ эмисары. Съ своей стороны, Бонапартъ не могъ пронизывать ядрами узкія и извилистыя улицы и потому въ полночь поставилъ батарею на высоту, господствовавшую надъ всею мѣстностью и находившуюся на разстояніи около пятидесяти саж. отъ большой мечети. На зарѣ пятнадцать тысячъ человѣкъ, запершіеся въ мечети, видя, что въ городъ входила толпа грабителей-арабовъ, считали себя сильными и не знали, что у нихъ надъ головами смерть. Они узнали о томъ только тогда, когда въ мечеть упала бомба и когда гренадеры

заперли всѣ выходы, такъ что никто не могъ бѣжать. Бомбы скоро изрѣшетили мечеть, и окружавшіе ее кварталы были обращены въ груды развалинъ. Какъ и всегда, мусульманскіе представители явились съ повинной; но Бонапартъ принялъ сурово шейховъ, которые явились просить пощады городу. Хотя онъ былъ сильно раздраженъ смертью одного изъ адъютантовъ своихъ, однако приказалъ батареямъ на высотахъ прекратить огонь и согласился на то, чтобы шейхи пошли въ мечеть спросить отчаянныхъ фанатиковъ, хотятъ ли они сдаться? Тѣ отвѣчали ружейными выстрѣлами. Появленіе Клебера, прибывшаго изъ Александріи, доказало жителямъ, что берега находятся еще во власти Франціи. Съ другой стороны, мамелюки Мурада, сдерживаемые Дезе, не могли придти съ юга. Это доказало жителямъ Каира, что имъ нечего ожидать помощи ни сверху, ни снизу. Впрочемъ это не помѣшало въ кварталѣ мясниковъ людямъ, привыкшимъ пьянѣть отъ крови, продолжать отчаянную рѣзню. Кромѣ того, въ большой мечети многіе возставшіе, взобравшись на внутреннія балюстрады, которыя идутъ спиралью вокругъ зданія, продолжали еще стрѣльбу и производили убійства.

—Никогда еще, заключаетъ Мишле, въ мусульманской странѣ, послѣ такого человѣколюбиваго обращенія побѣдителей съ покоренными, не было видно такого неистоваго и безпричиннаго возмущенія; и потому, съ одной стороны, французскіе солдаты, потерявшіе такъ много товарищей, съ другой—копты и евреи, дома которыхъ были опустошены и семьи которыхъ были поруганы мусульманами, требовали сильныхъ карательныхъ мѣръ. Напрасно. Наполеонъ былъ непоколебимъ. Онъ уступилъ очень немного наиболѣе законнымъ требованіямъ мести. Французы въ

Каирѣ и самъ Бонапартъ, который въ войнѣ такъ мало щадилъ людей, были здѣсь настолько человѣчными, сколько можно быть человѣчными въ этой странѣ. Въ письмахъ, которыя онъ посылалъ изъ Каира, напримѣръ, генералу Ренье, находившемуся на берегу, онъ считаетъ полезнымъ преувеличивать строгость. Онъ говоритъ, что рубятъ по тридцати головъ въ день, но секретарь Бурьенъ, писавшій приказы, говоритъ только о двѣнадцати.

—Англійскій консулъ увѣрялъ, будто на второй день возмущенія мусульмане, войдя въ большую мечеть для молитвъ, *были изумлены*, увидѣвъ ее занятою и оскверненною французскими солдатами, которые расположились тамъ лагеремъ. А кто же осквернилъ мечеть болѣе тѣхъ, которые обратили ее въ мѣсто сраженія, въ крѣпость возстанія и такъ обильно полили ее человѣческою кровью?... Мишле не вѣритъ, чтобы во время возстанія погибло всего триста французовъ. Въ Каирѣ было дѣло иное, нежели при пирамидахъ и въ другихъ великихъ сраженіяхъ, гдѣ порядокъ и дисциплина служили защитой для французовъ Въ Каирѣ, въ этой уличной войнѣ и въ засадахъ переулковъ, проходовъ и т. п. выгода была на сторонѣ возставшей толпы. Сиріецъ Накула утверждаетъ, что французы потеряли тогда двѣ тысячи человѣкъ и какихъ людей! - Всѣ были дороги въ такомъ отдаленіи отъ родины, а многіе были замѣчательны по храбрости, по знанію, словомъ незамѣнимы. *)

Упомянемъ также, что и прошлогоднее (1901 г.) мусульманское возстаніе въ Алжирѣ, вызванное постепеннымъ обезземеливаніемъ туземцевъ, приняло *религіозный* характеръ и готовилось (какъ Андижанское возстаніе 1898 г.) быть

*) Мишле. Исторія XIX вѣка до 18 Брюмера. Томъ 2-й. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. С. Петербургъ, 1883 г. стр. 217 - 232.)

всеобщимъ. Оно подготовлялось дервишами, поддерживалось наиболѣе богатыми туземцами, дававшими средства на распространеніе волненій въ массѣ, и воспламенялось религіозными радѣніями мусульманъ... „Ужасныя, минуты!" писалъ очевидецъ Женудэ. Въ дѣлѣ принимали участіе его друзья и сосѣди, въ томъ числѣ и его собственный джигитъ... А лучшій знатокъ алжирскихъ дѣлъ, Реннъ, замѣчаетъ: Наше законодательство, быть можетъ, превосходное для французовъ, становится нелѣпымъ и ненавистнымъ, будучи приложено къ людямъ, отставшимъ отъ насъ въ умственномъ и соціальномъ отношеніяхъ на три или четыре столѣтія". Онъ же совершенно вѣрно высказалъ, что во всякомъ возстаніи мусульманъ во главѣ мятежниковъ всегда является дервишъ или ишанъ, котораго истинные вожаки возстанія всегда, въ психологическій моментъ, выдвигаютъ впередъ и за которымъ они искусно прятались, какъ во время самаго дѣйствія, такъ и въ часъ возмездія. *)

Въ нашемъ Андижанскомъ возстаніи такимъ двигателемъ былъ выставленъ Дукчи-ишанъ, который и былъ казненъ, а милліонеръ Атабекъ Бабаджановъ, дававшій средства мятежникамъ, былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Наконецъ, недавно умершій Абдуррахманъ, ханъ Афганскій, при всемъ стремленіи ввести европейскія знанія въ управляемую имъ полудикую страну, въ своей „Автобіографіи" неоднократно предостерегаетъ своихъ преемниковъ о необходимости строго и неуклонно держаться заповѣди Корана „*всѣ мусульмане—братья*" и помнить, что лучшая система и лучшіе принципы правленія указаны мусульманамъ самимъ Мухаммедомъ, примѣнявшимъ эти принципы

*] Bulletin de la Société de Géographie d' Alger, 1901 г: 2 trimestre, 190—200 (Турк, Вѣд. 1902 г.: № 8.

съ успѣхомъ въ Аравіи, ибо Мусульмане и храбростію отличались именно потому, что всегда строго держались своей религіи *)

Преемникъ Абдуррахмана, Хабибулла-Ханъ, слѣдуя завѣту своего отца, вскорѣ по вступленіи на Афганскій престолъ, подарилъ Муллѣ окр. Хадда, имѣющему множество муридовъ, сочиненія покойнаго хана, въ числѣ которыхъ два сочиненія написаны съ цѣлью возбужденія афганцевъ къ свящ. войнѣ съ невѣрными **), и Мулла этотъ поучаетъ своихъ муридовъ и вообще соплеменниковъ *быть вѣрными* новому афганскому правителю... Можно съ увѣренностью сказать, что наставленія Абдуррахмана-Хана не останутся безъ примѣненія къ дѣлу...

Не ясно ли послѣ всего сказаннаго, что русскимъ правителямъ мусульманъ слѣдуетъ хорошо знать, что такое Коранъ и чему учитъ исповѣдниковъ ислама эта вѣроучительная и законодательная книга?... поэтому мы предлагаемъ читателямъ возможно подробныя свѣдѣнія о происхожденіи Корана, исторіи его текста и ученіи.

Внѣшній видъ Корана.

Въ современномъ видѣ Коранъ имѣетъ форму книги отъ 30 до 35 печат. листовъ, размѣры которыхъ въ длину и ширину крайне разнообразны, что зависитъ сколько отъ вкуса издателей и переписчиковъ, столько-же и отъ назначенія Корана. Назначаемые для обыкновеннаго употребленія въ школахъ и дома экземпляры Корана списываются или печатаются въ листъ или въ четверть писчаго листа; назначаемые же для

---

*] См. томъ II, стр. 235, 248, 265, 270 и др.

**] См. Турк. Вѣдом. 1902 г. № 11, стр. 61.

употребленія въ мечетяхъ, особенно на Востокѣ, экземпляры Корана имѣютъ большіе размѣры. Въ самаркандской мечети Шахъ-Зинда мы видѣли въ 1878 году списокъ Корана огромныхъ размѣровъ. Любезности бывшаго судьи Самарканда, И. М. Оранскаго, мы обязаны слѣдующими свѣдѣніями объ этомъ экземплярѣ Корана: „въ 1271 году, въ мечети Биби-ханымъ утратился очень древній Коранъ, который лежалъ на большой каменной подставкѣ и читался по пятницамъ,—Коранъ истрепался, и листы его растерялись. Эмиръ Насрулла *) поручилъ муллѣ Хусаину написать новый экземпляръ Корана, за что уплатилъ писцу 800 бухарскихъ тенегъ **) и подарилъ дорогой халатъ. Новый Коранъ, положенъ былъ на каменную подставку въ Бибиханымской мечети, гдѣ и читался. Такъ какъ мечеть стала разрушаться, а исправить ее не собрались, то Коранъ перенесли въ мечеть Шахъ-Зинда. Здѣсь онъ сохранялся 25 лѣтъ, и рѣдко былъ въ употребленіи, вслѣдствіе своихъ большихъ размѣровъ. Было поползновеніе перенести сюда и каменную подставку, по размѣру которой написанъ Коранъ; но, убѣдившись, что для этого требуются неимовѣрныя усилія, Коранъ оставили въ Биби-ханымъ. Коранъ этотъ въ кожанномъ переплетѣ и сверху обтянутъ алачевой матеріей. Раскрываютъ его непремѣнно два человѣка и для чтенія кладутъ въ особую, для него приготовленную, подставку (ляухъ). Написанъ онъ на сартовской бумагѣ, склеенной по срединѣ, и содержитъ тридцать листовъ. Длина листа Корана 2 арш. 4 вершка, а ширина 1 арш. 6 верш. Текстъ Корана со всѣхъ сторонъ окаймленъ тремя цвѣтными графами; протяженіе каймъ въ длину 1 арш. 14 верш. и въ

*] Дѣдъ нынѣшняго бухарскаго эмира, 1854—1855 г.г.

**) Считая каждую теньгу въ 20 к., получится 160 р.

ширину 1 арш. 2 верш. Буквы величиною по $^3/_8$ вершка; разстояніе между строками по вершку; есть и немного менѣе. Каждый листъ Корана имѣетъ печать Эмира Насруллы. Въ серединѣ Корана два листа замѣнены послѣ и печати не имѣютъ. Въ позднѣйшее время, самаркандскимъ казіемъ была засвидѣтельствована подлинность этого Корана и при этомъ было изложено завѣщаніе мусульманамъ, чтобы они, послѣ чтенія Корана, поминали въ молитвахъ Эмира Насруллу и муллу Хусаина".

Какъ совершенную противоположность такимъ огромнымъ спискамъ Корана на Востокѣ въ прежнее время существовали и столь маленькіе списки, что невольно изумляешься искусству переписчика умѣть занять такъ мало мѣста для полнаго Корана *).

Не смотря на всѣ выгоды, представляемыя искусствомъ книгопечатанія, мусульмане, долго не хотѣли печатать Коранъ, потому что считали это грѣхомъ. **) Татары только въ началѣ прошлаго столѣтія (въ 1839 г.) воспользовались печатнымъ станкомъ Казанской университетской типографіи для изданія Корана. Но и теперь можно встрѣтить среди мусульманъ любителей-переписчиковъ Корана, не смотря на то, что Турція, Индія, Египетъ и Россія издаютъ ежегодно сотни тысячъ экземпляровъ Корана самой разнообразной формы ***).

---

*) Коранъ персид. шаха Аббаса-Великаго (пис. въ Ширазѣ въ 1010 г. гиджры—1601 г. по Р. Хр.] былъ величиною съ талеръ и толщиною въ пол-вершка. Шахъ Аббасъ носилъ этотъ Коранъ во время походовъ на правой рукѣ, повыше локтя. См. у Саблукова „Свѣдѣнія о Коранѣ" стр. 41.

**) Въ первый разъ арабскій текстъ Корана былъ изданъ въ 1694 г. въ Гамбургѣ, а въ С.-Петербургѣ въ 1792 г. См. у Саблукова стр. 46—52.

***) Въ Казани печатаются Кораны въ листъ и въ поллиста; въ Стамбулѣ придаютъ ему разные размѣры и печатаютъ на цвѣтной (желтой) бумагѣ; въ Бахчисараѣ изданъ въ 1316 году гиджры=1898 г. Коранъ въ два вершка на оч. тонкой бумагѣ.

По свойству арабскаго письма, идущаго отъ правой руки къ лѣвой, арабскій текстъ Корана начинается тамъ, гдѣ европейскія книги оканчиваются, и кончается тамъ, гдѣ европейскія книги начинаются. Виньетками, украшающими текстъ Корана, служатъ цвѣты и геометрическія фигуры, а въ рѣдкихъ случаяхъ—изображенія меккской и мединской мечетей. Это потому, что изображенія живыхъ существъ мусульманамъ воспрещаются.

Самый текстъ Корана раздѣленъ на главы, а главы на стихи. Всѣхъ главъ въ Коранѣ 114, которыя называются *сюра*'ми [1]), подобно тому, какъ у евреевъ обозначались 53 чтенія Пятикнижія словомъ *седиримъ*, а каждый изъ шести большихъ отдѣловъ Мишны былъ извѣстенъ подъ именемъ *седеръ*. Особенность Корана въ этомъ случаѣ составляетъ то, что главы его не имѣютъ между собою внутренней связи, а представляются самостоятельными частями, часто состоящими изъ нѣсколькихъ разнородныхъ отрывковъ, и въ томъ, что онѣ расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по внѣшнему ихъ объему. За исключеніемъ первой главы, состоящей изъ семи краткихъ стиховъ и служащей какъ-бы введеніемъ въ Коранъ, всѣ остальныя слѣдуютъ одна за другой по степени ихъ величины: сначала идутъ главы съ большимъ количествомъ стиховъ, а потомъ болѣе краткія. Такъ, 2-я глава Корана имѣетъ 286 стиховъ, 3-я глава—200 стиховъ, 4-я глава—175 стиховъ, 5-я глава—120 стиховъ, и т. д. концѣ Корана есть главы, напр 108-я и 110-я, въ которыхъ всего по три стиха, 112-я и 106-я главы по четыре стиха, 105-я и 113-я въ пять стиховъ. Но указанный

[1]] Это слово означаетъ рядъ камней въ стѣнѣ зданія, а въ Коранѣ—главу и даже отдѣльное поученіе (гл. 9, 65; гл. 24, 1).

способъ расположенія главъ въ Коранѣ, по ихъ величинѣ, строго не выдержанъ: въ Коранѣ встрѣчаются меньшія по числу стиховъ главы впереди большихъ сравнительно [1]). Вслѣдствіе такого способа расположенія частей Корана, первыя по времени своего появленія главы оказались въ концѣ книги, а почти послѣдняя, обнародованная въ Меккѣ, глава помѣщена въ самомъ началѣ. За ней слѣдуютъ главы мединскія, появившіяся уже во время пребыванія Мухаммеда въ Мединѣ, а затѣмъ снова мекксkія.

Отсутствіе строгой послѣдовательности въ распредѣленіи главъ Корана легко объясняется изъ исторіи его текста. При жизни Мухаммеда отдѣльныя части Корана, какія произносилъ онъ по разнымъ случаямъ своей жизни, не были собраны въ одно цѣлое, да и не могли представлять послѣдовательнаго систематическаго разсказа, подобно Пятикнижію Моисея и новозавѣтнымъ христіанскимъ писаніямъ. Собраніе наставленій и законовъ Мухаммеда въ одинъ сборникъ послѣдовало уже послѣ его смерти и было исполнено дурно. Собиратели Корана не могли привести находившіеся въ ихъ распоряженіи отрывки въ строгій хронологическій порядокъ, а въ иныхъ мѣстахъ не могли наблюсти и логической связи между отдѣльными частями этихъ отрывковъ, почему Коранъ читается такъ скучно, что не у каждаго любознательнаго достанетъ тѣрпѣнія прочитать эту книгу съ начала до конца, при чемъ не получится яснаго представленія о содержаніи ея. По выраженію А. Шпренгера, Коранъ представляетъ собою книгу съ семью печатями [2]), а по словамъ Карлейля, это—томитель-

[1]) Такъ. въ 6-й главѣ 205 ст., а въ 5-й—120 ст., въ 7-й—75 ст- а въ 9-й—130 ст.

[2]) Das Leben und Lehre des Mohammad. B. I. Forrede. s. XV.

ная, скучная книга, которую европеецъ читаетъ только по сознанію долга, какъ архивный матеріалъ, въ надеждѣ найти въ немъ данныя для характеристики личности ея автора[1]).

Распорядокъ всѣхъ 114 главъ въ османовскомъ экземплярѣ не основывался, какъ говотитъ Т. Нöльдеке[2]), на какомъ-либо принципѣ, за исключеніемъ первой главы (фатихи) и 113 и 114 главъ, извѣстныхъ по именемъ *мугаввазатани* и употребляемыхъ для талисмановъ[3]).

Дѣленіе главъ Корана стихи также строго не выдержанъ: въ нѣкоторыхъ стихахъ заключается нѣсколько отдѣльныхъ предложеній, даже цѣлыхъ стиховъ[4]), а нѣкоторые стихи состоятъ изъ одного выраженія, даже изъ одного слова [5]). Основаніемъ для такого дѣленія служатъ сходныя созвучія въ концѣ предложеній. Иногда Мухаммедъ присоединялъ къ рѣчи какое-либо имя Божіе, чтобы рѣчь его оканчивалась рифмой и чтобы пріятно звучала для арабскаго уха[6]). Кромѣ главъ и стиховъ, текстъ Корана раздѣленъ еще на 30 частей, подобно тому, какъ Псалтирь раздѣляется на 20 каѳизмъ. Такое дѣленіе сдѣлано для равномѣрнаго распредѣленія его текста между (чтецами при поминовеніи умершихъ, и въ дни Рамазана, такъ что 30 чтецовъ могутъ прочитывать весь Коранъ въ день безъ особаго труда. Эти отдѣлы обозначаются на поляхъ Корана, и по количеству стиховъ всѣ 30 частей равны одна съ другой

1) Интересующіеся подлинными выраженіями Томаса Карлейля могутъ прочитать ихъ въ его сочинѣнія „Герои и героическое въ исторіи". перев. съ англійскаго К. Яковлева (С.-Петербугъ, 1891 г. изд. 90—91).

2) Geschichte des Qorans. Gottingen 1860. Онъ дѣлитъ всѣ главы Корана на *мекскія* и *мединскія*, подраздѣля первыяя (меккскія) на три особыя группы, о чемъ сказано въ слѣд. главѣ.

3) Эти главы начинаются словами: „Ищу убѣжища у Бога" и потому такъ называются отъ араб. гл. *таза*.

4) Таковы во 2-й главѣ стихи 181, 183, 214, 231—234, 274, 282; въ 4-й главѣ стихи 12, 27—28; въ 74-й главѣ стихи 20-й.

5) См. главы 55, 56, 74, 75, 77—82, 84, 114.

6) Напримѣръ: Богъ знающій, мудрый (9, 107—111); Онъ всемогущъ (5, 120); Богъ прощающій, кроткій (2, 224) и мн. др.

У каждой главы Корана, есть особое названіе, которое служитъ какъ-бы заглавіемъ для главъ Корана, хотя рѣдко отвѣчаетъ содержанію всей главы. Чаще всего такимъ названіемъ служитъ отдѣльное выраженіе, находящееся въ главѣ, будетъ-ли оно въ началѣ или въ рединѣ, или-же ближе къ концу главы, въ родѣ: *корова*, *паукъ*, *пчелы*[1]). Эту особенность Корана можно объяснить такъ: одинъ стихъ извѣстной главы, изъ котораго заимствовано заглавіе, первоначально принадлежалъ опредѣленному отрывку, а послѣ, когда разные отрывки Корана были соединены въ одну главу, то отрывки, сохранившіе свое заглавіе, дали названіе цѣлой главѣ, въ составѣ которой они занимаютъ теперь иногда средину, а иногда и конецъ главы. Нѣкоторыя главы въ разныхъ спискахъ и изданіяхъ Корана имѣютъ разныя названія. Таковы, напримѣръ, главы 40, 47, 67, 70 и 112 [2]).

Обычай называть отрывки Корана по одному какому-либо слову напоминаетъ обычай евреевъ, называвшихъ извѣстный отдѣлъ книги по начальному ея слову. Такъ напр. книга Бытія извѣстна у евреевъ подъ названіемъ *Берешитъ*, т. е. *Въ началѣ* и т. п. Въ надписяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ значатся выраженія; *Не погуби*, *Аллилуіа* и т. п

Нѣкоторыя главы Корана имѣютъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ по два названія, и это съ вѣроятностію можно объяснить или соединеніемъ двухъ отрывковъ Корана, имѣвшихъ свои отдѣльныя названія, въ одну главу, или-же двумя различными списками, какими руководствовались редакторы Корана. Тоже самое извѣстно и относительно нѣкоторыхъ псалмовъ въ Библіи.

---

[1]) Главы: 20, 36, 38, 42. 50, 68, называются по буквамъ арабскаго алфавита, стоящимъ въ началѣ тѣхъ главъ.

[2]) 112 глава называется Исповѣданіемъ вѣры и Исповѣданіемъ единства Божія.

Сначала главы Корана отдѣлялись одна отъ другой только начальнымъ молитвинымъ выраженіемъ *бисмилля*". Такъ было въ османовскихъ экземплярахъ Корана. Отдѣльныя же названія главъ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе, какъ можно заключить изъ того, что въ разныхъ спискахъ однѣ и тѣ-же главы имѣютъ различныя названія, хотя нельзя, конечно, отрицать, что нѣкоторыя названія главъ Корана могли быть извѣстны еще во время Мухаммеда.

Кромѣ того, названія главъ Корана первоначально не были такъ кратки, какъ теперь, т. е. не состояли изъ одного слова, но надписывались полнымъ предложеніемъ, какъ напр.: „*Глава, въ которой упоминается корова*". Всѣ эти длинныя заглавія, встрѣчающіяся въ шіитскихъ комментаріяхъ Корана III-го столѣтія, были замѣнены потомъ современными краткими. Аль-Хиджаджъ запретилъ употреблять длинныя заглавія и ссылался въ этомъ на Ибнъ-Масгуда. Споры о названіяхъ главъ встрѣчаются уже въ концѣ 1-го и началѣ 2-го столѣтія; но, вѣроятно, тогда не было установлено всеобщаго правила, потому что полныя названія главъ Корана встрѣчались у мусульманъ и послѣ 2-го столѣтія. Эти споры доказываютъ, что надписи главъ Корана существовали уже въ концѣ 1-го столѣтія. У многихъ мусульманскихъ ученыхъ того времени упоминаются эти названія, какъ говоритъ объ этомъ Нöльдеке [1]).

Такъ какъ далѣе различныя главы Корана были обнародованы Мухаммедомъ или въ Меккѣ, или въ Мединѣ, то въ арабскихъ спискахъ Корана, послѣ выраженія, служащаго названіемъ главы, слѣдуетъ надпись о мѣстѣ ея появленія, съ прибавленіемъ указанія на число стиховъ главы. Надпись о мѣстѣ появленія главы обыкновенно выражена

1) Zeschichte des Qorans.

прилагательнымъ: *Мекканская* или *Мединская*. Но въ началѣ нѣкоторыхъ главъ поставлены оба эти прилагательныя, такъ какъ содержаніе такихъ главъ относится по мѣсту обнародованія къ обоимъ городамъ; въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Корана не указано мѣсто обнародованія 14, 19, 22, 40, 43, 112 и 114 главъ.

Послѣ названія главы и указанія города, въ которомъ она была обнародована, и числа содержащихся въ главѣ стиховъ слѣдуетъ краткое молитвенное выраженіе: „*Во имя Бога милостиваго, милосердаго*". Это выраженіе является въ началѣ рѣшительно всѣхъ книгъ и вообще писаній мусульманскаго происхожденія, точно также, какъ оно произносится мусульманами при началѣ каждаго дѣла [1]). Имѣя въ виду такое широкое распространеніе этого молитвеннаго воззванія, отвѣчающаго христіанскому: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа", которое наши предки ставили въ началѣ своихъ сочиненій и даже писемъ, можетъ казаться страннымъ, что одна только *девятая* глава Корана не имѣетъ такого выраженія. Нѣкоторые мусульманскіе толковники Корана приписываютъ это забвенію самого Мухаммеда, наведенному на него злымъ духомъ. Иные говорятъ, что въ этой главѣ упоминаются невѣрные (кяфиры), и по нечестію ихъ Богъ не повелѣлъ написать надъ ней формулу милосердія Божія. Вѣрнѣе думать, что эта глава составляла прежде одно цѣлое съ предыдущею главой и, по отдѣленіи, осталась безъ обычнаго молитвеннаго обращенія.

Обычай мусульманъ ставить въ началѣ своихъ книгъ и главъ Корана молитвенное воззваніе есть обычай общій у нихъ съ евреями и восточными христіанами

[1]) Всегда произносится она по арабски, хотя-бы произносящій совершенно не понималъ арабскаго языка. Читается она въ подлинникѣ такъ: „*Бисми-лляги-р-рахмани-р-рахимъ*", или-же сокращенно: „*Бисмилля*".

и пожалуй вообще съ восточными народами. Евреи въ началѣ своихъ книгъ ставятъ выраженіе: „*Во имя Бога*“ или „*Во имя Великаго Бога*“. Восточные христіане вмѣсто этого выраженія употребляютъ: „*Во имя Отца и Сына и Св Духа*“. Персидскіе маги начинали книги словами: „*Во имя Милосердаго Бога*“ [1]). Это послѣднее выраженіе всего больше подходитъ къ выраженію Корана, почему и можно допустить, что Мухаммедъ заимствовалъ его отъ персидскихъ маговъ, жившихъ въ его время въ Аравіи.

Изъ 114 главъ Корана 29 имѣютъ, кромѣ того, еще ту особенность, что въ началѣ ихъ стоятъ нѣкоторыя буквы арабскаго алфавита: одна, двѣ или болѣе. Напримѣръ: въ началѣ 2, 3, 29, 30, 31, 32 главъ стоятъ буквы: А. Л. М.; въ началѣ 7 главы А. Л. М. С.; въ началѣ 10, 11, 12, 14, 15 главъ: А. Л. Р.; въ началѣ 13 главы—А. Л. М. Р.; въ началѣ 19 главы—К. Г. П. Г. С. Эти буквы для нѣкоторыхъ главъ служатъ даже названіями; такъ напр. 20-я называется *тага*, 36-я —*я-синъ*, 38-я — *сатъ*, 50— *кафъ*[2]). Что означаютъ эти буквы, мусульманскіе толковники не объясняютъ рѣшительнымъ образомъ; но нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что эти буквы указываютъ на названія различныхъ свойствъ Божіихъ; нѣкоторые же думаютъ, что буквы эти указываютъ на органы ихъ произношенія; другіе утверждаютъ, что значеніе ихъ сводится къ числовымъ дан-

---

[1]) Алъ-коранъ Магомедовъ, переведенный съ арабскаго языка на англійскій... . Георгіемъ Сейлемъ.... Съ англійскаго на русскій перевелъ Алексѣй Колмаковъ. Спб 1792. Предисловіе, стр. XI-XII.

[2]) Въ русскомъ переводѣ Корана, сдѣланномъ г. Саблуковымъ, буквы эти читаются по ихъ названіямъ въ древней русской азбукѣ, на томъ основаніи, что мусульмане, во время чтенія Корана, произносятъ названія этихъ буквъ, какія имъ усвоены въ арабской азбукѣ. напр. *алифъ, ламъ, мимъ*, и т. д.

нымъ [1]). Вотъ для примѣра объясненіе буквъ А. Л. М. встрѣчающихся въ шести, а не въ пяти, какъ говоритъ г. Саль, главахъ Корана, именно во 2-й, 3-й, 29, 30, 31 и 32. Одни толковники разумѣютъ подъ этими буквами выраженія: *Аллахъ Лятифъ Маджидъ*, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: Богъ милосердый, преславный. Другіе читаютъ эти буквы такъ: *Ана ли минни*, т. е. Я, Мнѣ, отъ Меня. Въ отношеніи къ Богу это значитъ: „*Я есмь Богъ; Мнѣ принадлежитъ совершенство; отъ Меня происходитъ всякое благо*". Иные считаютъ эти буквы указаніями на слова: *Ана ллагу аълямъ*, т. е. *Я Богъ премудрый*.

Достойно замѣчанія въ этомъ приноровленіи буквъ къ сейчасъ приведенному выраженію остроумное соображеніе мухаммеданскихъ толковниковъ. Буква *а* занимаетъ *первое* мѣсто въ арабскомъ алфавитѣ и въ ряду этихъ буквъ; она-же стоитъ въ началѣ *перваго* слова, подразумѣваемаго подъ нимъ мѣстоименія *ана*. Буква *л* занимаетъ *среднее* мѣсто въ арабскомъ алфавитѣ; она-же занимаетъ *среднее* мѣсто въ *среднемъ*, подразумѣваемомъ подъ нимъ, выраженіи „*аллахъ*". Буква *м* занимаетъ послѣднее мѣсто въ числѣ буквъ, составляющихъ названіе главы; и въ подразумѣваемомъ выраженіи *аълямъ* эта буква занимаетъ послѣднее мѣсто.

Среди мусульманъ суннитскаго толка болѣе распространено мнѣніе, что подъ этими буквами разумѣются три имени: *Аллахъ*, *Гавріилъ* и *Мухаммедъ*, тѣсно связанныя съ представленіемъ о Коранѣ, именно: *Аллахъ*, какъ виновникъ откровенія, *Гавріилъ*, какъ посредникъ, и *Мухаммедъ*, какъ проповѣдникъ этого откровенія.

---

[1]) Г. Саль: Предварительныя замѣчанія къ переводу Корана, а также Refutata Аббата Людовика Марраччи, извлеченныя имъ изъ мусульманскихъ авторовъ и изложенныя въ его капитальномъ трудѣ „Refutatio Alcorani".

Въ объясненіе этихъ буквъ говорятъ также, что въ произношеніи звука, выражаемаго буквою *а*, участвуетъ отдаленная часть гортани, служащей органомъ человѣческаго голоса; въ произношеніи звука *л* участвуетъ внутренняя полость рта, составляющая средній органъ голоса; для произношенія звука *м* необходимо участіе губъ, послѣдней составной части голосоваго механизма; поэтому названныя буквы могутъ означать Бога, какъ начало, средину и конецъ всего, и что Ему мы обязаны воздавать хвалу въ началѣ, срединѣ и концѣ всѣхъ нашихъ словъ и дѣяній.

Наконецъ, если переложить эти буквы на числа, то выйдетъ число 71, означающее, что религія Мухаммеда распространилась и вполнѣ утвердилась въ мірѣ въ продолженіе именно этого числа лѣтъ.

Извѣстный оріенталистъ А. Шпренгеръ думаетъ, что: буквы эти были поставлены писцомъ Мухаммеда вмѣсто арабскаго выраженія: *„амира ли Мухаммедъ“*, что въ переводѣ означаетъ: „мнѣ повелѣлъ Мухаммедъ“, и что пять буквъ, стоящихъ въ началѣ 19-й главы, написаны были писцомъ Мухаммеда изъ іудеевъ и означаютъ въ переводѣ *„какъ приказано“*. Если-же поставленныя въ началѣ 19-й главы пять буквъ (к. г. и. г. с.) читать (какъ вырѣзки на арабскихъ печатяхъ) снизу кверху, то можно будто-бы переводить ихъ словами: *„Іисусъ назарянинъ царь іудейскій“*. Основаніе къ такому предположенію Шпренгеръ видитъ въ томъ, что эта глава составлена Мухаммедомъ подъ вліяніемъ разговоровъ его со своими послѣдователями объ Іисусѣ Христѣ и что въ такомъ случаѣ каждую букву нужно считать сокращеніемъ отдѣльнаго слова, какъ это допускается въ арабской скорописи [1]).

1) A. Sprenger, B 2, ss. 182--183, Anmerk. 1.

Другой авторитетный оріенталистъ Нёльдеке считаетъ возможнымъ признать за окончательно рѣшенное, что находящіяся въ началѣ нѣкоторыхъ главъ буквы не были внесены въ списки Корана по распоряженію Мухаммеда, потому что было-бы странно предполагать, что Мухаммедъ присоединялъ къ своимъ проповѣдямъ, назначеннымъ для всѣхъ, такіе непонятные знаки. Поэтому Нёльдеке предполагаетъ за вѣроятное, что отдѣльныя буквы и цѣлыя группы буквъ, находящіяся въ началѣ перечисленныхъ выше главъ Корана, первоначально служили знаками принадлежности извѣстнымъ лицамъ тѣхъ списковъ, которыми пользовался Зейдъ. при собраніи текста Корана, и что буквы эти, только по невнимательности издателей Корана, вошли въ окончательную его редакцію. Таковы, на примѣръ, главы 40, 41, 43, 44, 45 и 46 главы. Въ ряду этихъ главъ нѣтъ только 42 главы, которая имѣетъ свою группу буквъ. Нёльдеке не находитъ ничего невѣроятнаго предполагать, что эти буквы были первоначально только замѣтками, указывавшими на имя владѣтеля списка этихъ главъ. Согласно съ такимъ предположеніемъ, онъ и объясняетъ нѣкоторыя буквы слѣдующимъ образомъ: напр. буквы А. Л. Р. онъ считаетъ сокращеніемъ собственнаго имени *Аль-Зубайръ* (читать нужно: *Аз-Зубайръ*), который былъ однимъ изъ сотрудниковъ Зейда по редакціи текста Корана при халифѣ Османѣ; буквы А. Л. М. Р.—сокращеніемъ имени *Аль-Мугира*; буквы Т. Х.—сокращеніемъ имени *Тальха* и т. д. Объясненіе же, высказанное Шпренгеромъ относительно буквъ, стоящихъ въ началѣ 19-й главы, Нёльдеке считаетъ неудовлетворительнымъ вообще и кромѣ того замѣчаетъ, что Мухаммедъ нигдѣ не высказалъ своего знакомства съ исторіею осужденія Іисуса Христа на смерть и съ надписью.

сдѣланною на его крестѣ Пилатомъ; Мухаммедъ никогда не считалъ Іисуса Христа царемъ іудейскимъ, а если-бы онъ понималъ весь смыслъ этой ироніи, то не преминулъ-бы указать на это въ Коранѣ, въ обличеніе христіанъ.

Точно также должно казаться искусственнымъ и произвольнымъ объясненіе Шпренгера относительно значенія буквы Н., поставленной въ началѣ 68-й главы Корана. Онъ говоритъ, что эта буква поставлена здѣсь, вѣроятно, для опредѣленія рифмы, съ какой написаны первые 6 стиховъ 68-й главы [1]). Но въ такомъ случаѣ и всѣ буквы, поставленныя въ началѣ 29 главы, указывали-бы на рифму, чего однако-же въ текстѣ Корана не замѣтно. Самая единичность случая совпаденія буквы Н съ рифмою стиховъ 68-й главы Корана не ручается за истину, не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ нужно было-бы въ каждомъ случаѣ надписей главъ Корана видѣть особыя, совершенно отличныя отъ другихъ, побужденія и цѣли редакторовъ Корана, чего не допускаютъ и сами мусульмане, которые всѣ эти буквы считаютъ сокращеніемъ извѣстныхъ словъ. Такъ, наприм., Казы-Бяйзави говоритъ, что буква Н *(нунъ)* представляетъ сокращеніе араб. названія рыбы, какъ видно изъ эпитета пророка Іоны *„Дзу-н-нунъ“* что означаетъ „товарища рыбы“ [2]). Но должно замѣтить, въ 68-й гл. Корана о прор. Іонѣ не упоминается.

Объясненіе, или вѣрнѣе только пріемъ Нёльдеке, какой онъ считалъ болѣе приложимымъ къ объясненію таинственныхъ буквъ Корана, не признается однако окончательнымъ. Онъ говоритъ, что самая возможность читать различнымъ образомъ эти знаки дѣлаетъ все сомнительнымъ, ненадеж-

---

[1]) A. Sprenger, B. 1, s 308. Anmerk. 1

[2]) См. толков. на гл. 68.

нымъ [1]). Тѣмъ не менѣе объясненіе его заслуживаетъ вниманія, потому что буквы эти имѣли вліяніе на распредѣленіе главъ Корана.

Почитая текстъ Корана не просто священнымъ, но божественнымъ, мусульмане обращаютъ строгое вниманіе на правильное чтеніе каждой буквы этого текста, на долготу и краткость гласныхъ и на остановки. Въ этихъ видахъ арабскій текстъ Корана снабженъ соотвѣтствующими знаками, стоящими надъ строками, подъ строками и на поляхъ текста. Даже невольное нарушеніе этихъ правилъ составляетъ грѣхъ, для очищенія котораго, по прочтеніи Корана, читается особая молитва.

Руководимые тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія къ тексту Корана и изъ опасенія умышленнаго и даже не намѣреннаго искаженія его, мусульмане, подражая древнимъ евреямъ[2]), сосчитали не только количество стиховъ Корана, но и число словъ и отдѣльныхъ буквъ его. Изъ семи древнихъ списковъ Корана, въ первомъ мединскомъ спискѣ было 6000 стиховъ, во второмъ (мединскомъ же) 6214 стиховъ, въ третьемъ (меккскомъ) 6219 стиховъ, въ четвертомъ куфскомъ 6236 стиховъ, въ пятомъ басрскомъ) 6214 стиховъ, въ шестомъ (сирскомъ) 6226 стиховъ и въ седьмомъ 6225 стиховъ[3]). Всѣ эти списки Корана содержатъ въ себѣ, по вычисленію мусульманскихъ ученыхъ,

—

1) Geshichte des Qorans. § 215—216.

2) Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ по ихъ отношенію къ подлиннику и между собою. Христіанское чтеніе, 1874 года. Май, стр. 3.

3) См. предисловіе къ переводу Корана, сдѣланному Сейлемъ. На основаніи числа буквъ, половина текста Корана указывается подъ 20 ст. 18-й главы, а четверть Корана—въ концѣ 6-й главы, какъ это значится въ Казанскихъ изданіяхъ (Саблуковъ).

одно и тоже число словъ—77,639 и одно и тоже число буквъ—323,015[1]).

Происхожденіе Корана и обнародованіе его.

По вѣрованію мусульманъ, Коранъ есть истинное слово Божіе, предвѣчно написанное на небесной скрижали, тщательно сохраняющейся на небѣ [2]), подъ престоломъ Аллаха, и извѣстной подъ именемъ *Умму-ль-китабъ* [3]). Ангелы охраняютъ эту скрижаль со всѣхъ сторонъ, чтобы демоны не проникли въ тайны ея содержанія. Эта скрижаль такъ же длинна, какъ разстояніе неба отъ земли, и такъ же широка, какъ разстояніе между востокомъ и западомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ мусульманскихъ ученыхъ, скрижаль была первымъ твореніемъ божественнаго всемогущества и сдѣлана изъ драгоцѣннаго камня ослѣпительной бѣлизны.

Съ самаго верхняго (седьмого) неба архангелъ Гавріилъ низводилъ въ сознаніе Мухаммеда содержаніе Корана по частямъ, по мѣрѣ надобности, въ теченіе 23-лѣтней дѣятельности Мухаммеда въ Меккѣ и Мединѣ. Первое откровеніе Мухаммеду было въ 27-ю ночь мѣсяца Рамазана, извѣстную подъ именемъ „*ночи опредѣленій*“ [4]) 612 г. т. е. 31 іюля—1 августа.

Ученіе о томъ, что подлинникъ Корана хранится на небѣ, было высказано Мухаммедомъ по слѣдующему случаю: меккскіе язычники не хотѣли вѣрить, что Коранъ ниспосланъ отъ Бога, и думали, что ученіе, проповѣдуемое

[1]) Самое названіе стиховъ Корана словомъ *аятъ*—знаменіе, чудо соотвѣтствуетъ еврейскому *ойотъ*. Такое названіе дано стихамъ Корана потому-что они содержатъ въ себѣ знаменія Божія, явленныя чрезъ Коранъ человѣческому роду.

[2]) Коранъ, гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 76—77; гл, 80, ст. 13—15.

[3]) Буквально: „*мать книги*“, т. е. Корана.

[4]) Коранъ, гл. 2, ст. 181; гл. 44, ст. 2—3; гл. 29, ст. 1—5.

Мухаммедомъ, измышлено имъ самимъ (1) требовали явнаго, чудеснаго сошествія Корана съ неба (2), требовали явленія ангела (3) и разныхъ житейскихъ удобствъ для себя и для самого Мухаммеда (4).

Подобныя-же требованія, кромѣ меккскихъ язычниковъ предъявляли Мухаммеду и іудеи. „Они говорили: Богъ ни одному человѣку никогда не ниспосылалъ ничего свыше. Скажи, кто ниспослалъ писаніе, которое принесъ Моисей для просвѣщенія и руководства людямъ, которое вы пишете на хартіяхъ; которое показываете, а многое скрываете; которымъ научены вы тому, чего прежде не знали ни вы, ни отцы ваши? Скажи: Богъ! И послѣ того оставь ихъ въ этомъ омутѣ, въ которомъ купаться имъ любо" (5) Въ объясненіе этого стиха, въ мусульманскомъ преданіи говорится, что одинъ іудей, по имени Маликъ, пришелъ въ Мекку поспорить съ пророкомъ. Пророкъ сказалъ ему: „заклинаю тебя Богомъ, который далъ Моисею Законъ, скажи мнѣ: не написано-ли въ Законѣ (Тора), что нѣкоторые раввины разжирѣютъ". Маликъ, который былъ плотнаго тѣлосложенія, разсердился и сказалъ: „Богъ ничего не открывалъ человѣку". Когда іудеи услышали слова Малика, то порицали его и говорили: „какъ? развѣ Богъ не открылъ Моисею Тора? Какъ можешь говорить это?" Онъ отвѣтилъ: „Мухаммедъ разсердилъ меня, и я въ гнѣвѣ сказалъ эти слова". Тогда іудеи сказали: „если ты въ гнѣвѣ говоришь такія вещи, то ты недостоинъ раввинска-

1 Коранъ, гл. 10, ст. 39; гл. 25 ст. 5; гл. 32, ст. 2; гл. 6, ст. 105; гл. 16, ст. 105; гл. 44, ст. 13.

2] Коранъ, гл. 74, ст. 52.

3] Коранъ, гл. 6, ст. 8; гл. 11, ст. 15; гл. 15, ст. 7; гл. 25, ст. 8.

4) Коранъ, гл. 11, ст. 15; гл. 17, ст. 92—95; гл. 25. ст. 9.

5) Коранъ. гл. 6, ст. 91.

го званія", и низложили его, а на его мѣсто поставили другаго раввина. Ибнъ-Аббасъ говоритъ о томъ-же слѣдующее: „іудеи спросили пророка: ниспослалъ-ли Богъ тебѣ книгу съ неба? Онъ отвѣтилъ: да!—Они сказали: Богъ не ниспосылалъ никакой книги съ неба (Онъ только вдохновляетъ пророковъ)".—Этотъ споръ Мухаммеда съ іудеями, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ преданіи, показываетъ, что іудеи особенно возставали противъ ученія о божественномъ происхожденіи Корана и очень сильно и мѣтко возражали Мухаммеду. По свидѣтельству Таляби, они осмѣливались говорить: „о, если бы ему было ниспослано какое-либо сокровище, или сошелъ-бы вмѣстѣ съ нимъ ангелъ!" [1]).

Когда-же Мухаммедъ не могъ отвѣчать на хитрые вопросы своихъ противниковъ, тогда онъ сослался на то, что Богъ попускаетъ ему нѣчто забывать изъ откровеній, и что, вслѣдствіе забвенія, онъ не можетъ дать прямой отвѣтъ на предлагаемые ему вопросы [2]). Въ утѣшеніе себя онъ говорилъ: „Господи! Народъ мой считаетъ сей Коранъ пустословіемъ. Такъ, каждому пророку Мы (Богъ) ставили враговъ нечестивыхъ; но Господь твой достаточный для нихъ вождь и помощникъ. Невѣрующіе говорятъ: о если-бы Коранъ былъ ниспосланъ ему въ одномъ полномъ составѣ! Ну, такъ—для того, чтобы укрѣпить твое сердце,—мы раздѣлили его на отдѣлы" [3]).

Иногда-же Мухаммедъ, не находя въ своей головѣ отвѣта противникамъ, говорилъ, что Богъ потому не творитъ чуда, что арабы—невѣжды, что чудеса не образумили-бы

[1]) Коранъ, гл. 10, ст. 15.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 100; гл. 1, ст. 15; гл. 87, ст. 6–7.

[3]) Коранъ, гл. 25, ст. 32–34.

ихъ, что ангелы могли-бы быть ниспосланы на землю, если-бы на землѣ жили ангелы но, что это было-бы для людей гибельно и что, наконецъ, Богъ совершилъ-бы чудо, если-бы арабы увѣровали въ Коранъ [1]).

По преданію у Бохари. Мухаммедъ всегда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, но особенно въ мѣсяцъ Рамазанъ, когда ангелъ Гавріилъ посѣщалъ его каждую ночь, до конца мѣсяца, а Мухаммедъ передавалъ ему Коранъ, для сличенія съ небеснымъ его оригиналомъ. Въ другомъ преданіи говорится также, что дочь Мухаммеда, Фатима пошла однажды прогуливаться въ то мѣсто, гдѣ прогуливался и Мухаммедъ. Онъ поцѣловалъ ее, посадилъ около себя и разсказалъ ей одну тайну. Когда она услышала эту тайну, то заплакала. Потомъ онъ разсказалъ ей другую тайну, и она засмѣялась. Жена Мухаммеда, Айша сказала ей: „я никогда не видала радости, такъ близкой къ горю, какъ сегодня. Что разсказывалъ тебѣ пророкъ? Фатима отказалась передать тайну. Когда же пророкъ умеръ, Айша спросила Фатиму о тайнѣ, какую пророкъ разсказалъ ей въ упомянутомъ случаѣ. Фатима отвѣтила: „онъ открылъ мнѣ, что Гавріилъ ежегодно сличалъ съ нимъ Коранъ *однажды*, а въ этотъ годъ сличилъ его *дважды*. Изъ этого Мухаммедъ заключилъ, что приближается его смерть и что она (Фатима), будетъ первымъ сочленомъ его въ раю. Отъ этого Фатима заплакала, но Мухаммедъ прибавилъ: „развѣ ты недовольна тѣмъ, что будешь царицею райскихъ женщинъ (гурій) и женъ мусульманъ? Отъ этого я засмѣялась“, сказала Фатима.

1) Коранъ, гл 6, ст. 37, 109—111; гл. 27, ст. 96—97; гл. 6, ст. 8-9; гл. 43, ст. 32—34, и др

Нѣкоторые мусульмане думаютъ, что Коранъ не созданъ, но отъ вѣчности существовалъ вмѣстѣ съ Богомъ, а еретики *мотазалиты* обвиняли въ невѣріи тѣхъ, которые думали, что Коранъ не созданъ, ибо, говорили они, этимъ допускаются два вѣчныя существа. Но всѣ правовѣрные мусульмане согласно утверждаютъ, что Коранъ есть слово самого Аллаха.

Не такъ смотритъ на происхожденіе Корана современная наука. Одинъ изъ авторитетныхъ современныхъ оріенталистовъ по этому поводу говоритъ, что ни въ одной литературѣ нельзя найти такого процесса составленія книги, который-бы могъ дать достаточное представленіе о редакціи Корана. Это — не книга, написанная послѣдовательно; не опредѣленный текстъ, мало по малу доходившій до опредѣленности въ чтеніи; не редакція наставленій учителя, составленная по воспоминаніямъ его учениковъ... Это — сборникъ проповѣдей и, пожалуй, ежедневныхъ приказаній Мухаммеда, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣста, гдѣ они появились, и слѣды обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ.

Авторомъ Корана былъ самъ Мухаммедъ. Онъ родился въ Аравіи [1]), когда язычество, сабеизмъ, парсизмъ, іудейство и христіанство имѣли въ ней своихъ представителей [2]). Всѣ эти вѣрованія постепенно смѣшивались и древне-языческая святыня арабовъ, Кааба превратилась въ пантеонъ. Въ Каабѣ были собраны идолы арабскихъ племенъ, изображенія нѣкоторыхъ патріарховъ еврейскаго народа и Дѣвы Маріи съ божественнымъ Младенцемъ. Арабы вѣровали въ единаго Бога (Аллаха) и почитали Его творцомъ

---

[1]) Онъ родился въ Меккѣ, 20 Апрѣля 571 года по Рожд. Христовѣ. См. A. Sprenger. B. I, s. 138.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 59; гл. 5 ст. 73; гл. 22, ст. 17.

небесъ и земли, творцомъ человѣка, правителемъ и промыслителемъ міра, подающимъ людямъ все потребное для жизни. Но при такомъ представленіи о Богѣ, согласномъ съ еврейскимъ и христіанскимъ ученіемъ, нѣкоторые арабы вѣровали, что у Бога есть дѣти, существа женскаго пола, которыхъ они и называли дочерями Бога. Это такъ называемые геніи (джинъ), которыхъ поэтому арабы признавали достойными поклоненія; они думали, что геніи приближаютъ людей къ Богу и ходатайствуютъ за нихъ передъ Богомъ. Вмѣстѣ съ геніями, арабы признавали и бытіе ангеловъ, но опять считали нѣкоторыхъ изъ нихъ существами *женскаго* пола. Въ Коранѣ сохранились имена восьми божествъ, почитаемыхъ арабами мухаммедова времени: аль-Лага, аль-Узза, Мена, Ваддъ, Сувагъ, Ягусъ, Ягукъ и Насръ. Нѣкоторыя изъ этихъ божествъ имѣли видимыя изображенія (идолы), которыя были разрушены въ первые годы ислама.

Нравы современныхъ Мухаммеду арабовъ были также не высоки: они допускали кровосмѣшеніе, къ женщинѣ не всегда относились скромно, дочерей вообще не любили и убивали ихъ тотчасъ по рожденіи, зарывая живыми въ землю. Кромѣ того, среди арабовъ того времени были крайніе невѣры матеріалисты, думавшіе, что міръ сотворенъ безъ цѣли, по пустому; что люди сотворены для шутки, какъ игрушка; не вѣрили въ загробную жизнь, въ воскресеніе мертвыхъ и въ послѣдній судъ и считали это ученіе мечтою, вымысломъ [1]).

При всемъ этомъ религіозныя распри самыя разнообразныя и заблужденія, несообразныя съ здравымъ смысломъ,

---

[1]) См. Коранъ въ весьма многихъ мѣстахъ, по Указателю г. Саблукова, на стр. 16 - 19.

наполняли Аравію и заставляли разсуждающихъ и религіозныхъ людей задумываться надъ этимъ. Арабское язычество, безсильное само устоять твердо при такихъ обстоятельствахъ, не могло служить связующимъ началомъ разрозненныхъ политически арабскихъ племенъ. Словомъ, все требовало всесторонняго преобразованія жизни арабовъ.

Въ это-то время и выступилъ, въ качествѣ народнаго проповѣдника, Мухаммедъ, поучавшій арабовъ оставить свои религіозныя заблужденія и обратиться къ вѣрѣ праотца Авраама, къ вѣрѣ въ единаго Бога. Мухаммедъ былъ внукъ Абду-ль-Мутталиба, сынъ Абдаллы и Амины [1]), женившійся на купчихѣ вдовѣ Хадиджѣ [2]), по торговымъ дѣламъ которой онъ предпринималъ нѣсколько путешествій по Аравіи. Нервный, болѣзненно-впечатлительный, религіозный, наслушавшійся во время своихъ торговыхъ путешествій разныхъ религіозныхъ сказаній, онъ сталъ задумываться надъ состояніемъ своего отечества и удалялся на гору Хира для безпрепятственнаго занятія своими думами. Постъ способствовалъ развитію въ немъ нервозности. Въ 612-мъ году, на 40 году жизни, лѣтомъ, въ мѣсяцъ Рамазанъ, Мухаммедъ объявилъ себя посланникомъ Божіимъ, назначеннымъ возстановить вѣру Авраама въ Аравіи, и съ тѣхъ поръ до смерти своей (632 г.), подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей жизни, обращался къ своимъ соотечественникамъ съ разными увѣщаніями, сначала исключительно религіознаго характера, вступая въ религіозные споры съ своими противниками, а затѣмъ, въ Мединѣ, куда онъ долженъ былъ

---

[1]) Онъ родился въ Меккѣ 20 апрѣля 571 г. по Р. Хр. Sprenger, B. I, s. 138.

[2]) Хадиджа имѣла тогда 38 или 39 лѣтъ, тогда какъ Мухаммеду было всего 24 или 25 лѣтъ. Слѣдовательно Мухаммедъ былъ моложе ея на 15 лѣтъ. Sprenger, B. I, s. 150.

въ 622 году бѣжать, спасая свою жизнь отъ враговъ, выступилъ уже въ роли основателя теократическаго государства и, соотвѣтственно этому, постоянно объявлялъ своимъ послѣдователямъ религіозныя постановленія, касающіяся разныхъ сторонъ жизни и дѣятельности своихъ послѣдователей. Въ Мединѣ совершенно измѣнилось положеніе Мухаммеда. Въ Меккѣ онъ боролся почти исключительно съ грубымъ язычествомъ; въ Мединѣ противъ него возстали іудеи и христіане. Въ Меккѣ онъ терпѣлъ униженіе и преслѣдованія, а въ Мединѣ противъ своего ожиданія, сталъ главою сильной религіозно-политической общины. Въ Меккѣ онъ преимущественно изображалъ верховнаго владыку и судію всѣхъ тварей, указывалъ вездѣ и во всемъ проявляющуюся премудрость Божію; въ Мединѣ онъ на первомъ планѣ ставилъ свою личность, постоянно твердилъ о вѣрѣ въ посланника Божія и о повиновеніи ему. Въ Меккѣ онъ, полный болѣзненнаго сочувствія къ заблуждающимся, призывалъ къ вѣрѣ людей и даже джинновъ, во имя самой ихъ природы, созданной для служенія Богу [1]); въ Мединѣ образовавшаяся около него обширная партія вѣрующихъ какъ бы заслонила собою отъ него остальное человѣчество; онъ обращаетъ свои рѣчи исключительно къ нимъ, и, кажется, только опасная сила и вліяніе многочисленныхъ іудеевъ и христіанъ, или вообще „народа писаній“, вынуждали его на внимательность и воззванія къ нимъ. Въ Меккѣ окружали его немногіе вѣрующіе, по внутреннему расположенію. искренно подчинившіеся силѣ его слова; въ Мединѣ большею частію обращались къ исламу изъ боязни грубой физической силы, присоединялись къ его партіи лицемѣрно;

[1]) Коранъ, гл. 30, ст. 29; гл. 51, ст. 56.

да и самъ онъ сталъ далеко уже не тѣмъ пламеннымъ энтузіастомъ, который, чувствуя высоту и силу своей идеи, безпощадно поражалъ безотчетныя и грубыя мнѣнія окружающихъ его; здѣсь онъ значительно понижается къ уровню воззрѣній толпы, съ которою имѣетъ дѣло. Отсюда вмѣсто сильныхъ, исполненныхъ поэтическаго одушевленія обличеній противъ суевѣрныхъ язычниковъ, въ мединскихъ главахъ Корана мы находимъ тупую, натянутую, иногда безсильно злобную полемику противъ іудейства и христіанства. Какъ глава и повелитель ввѣрившихся ему людей, Мухаммедъ въ Мединѣ, предпочтительно предъ поученіями чисто нравственными, до утомительныхъ подробностей, излагаетъ обрядовую сторону своей религіи, издаетъ постановленія гражданскія, опредѣляетъ отношенія вѣрующихъ къ самому себѣ и между собою и, горькимъ тринадцатилѣтнимъ опытомъ дознавши недостаточность одной силы слова для внѣшней безопасности, извлекаетъ мечъ на защиту себя и своихъ, удовлетворяя тѣмъ и глубокому въ арабѣ чувству мести. Самая рѣчь его изъ свѣжей и живой переходитъ въ вялую и бездушную прозу, мысли излагаются сухо, а на концѣ стиховъ, для риѳмы, къ дѣлу и не къ дѣлу, повторяются слова: „*Богъ всесиленъ и премудръ*“; „*Богъ всевѣдущъ*“; „*Богъ всемогущъ*“; „*но вы этого не разумѣете*“, или: „*Неужели вы не вразумитесь*“ и т. п. Вообще, въ положительной сферѣ правителя и законодателя, Мухаммедъ становится уже не на своемъ мѣстѣ. Въ его словахъ сердце мало принимаетъ участія; вездѣ видна разсчитанная работа холоднаго разсудка; горячее чувство уступаетъ мѣсто холоднымъ, бездушнымъ софизмамъ. Поэтическое чувство вновь загорается почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ съ словами обличенія противъ лицемѣровъ.

Въ Меккѣ смѣялись надъ Мухаммедомъ, что онъ долго не выдумываетъ новыхъ главъ Корана, но онъ терпѣливо ждалъ минутъ одушевленія и восхищенія (экстаза): въ机Мединѣ онъ не задумывается надъ обнародованіемъ новыхъ откровеній; по поводу самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, даже грязныхъ домашнихъ сценъ въ заведенномъ имъ гаремѣ, онъ выдаетъ отъ имени Бога пригодныя къ случаю распоряженія; совѣты и внушенія другихъ онъ нисколько не затрудняется выдавать за божественныя откровенія. Словомъ, это уже не тотъ грѣшникъ, который наравнѣ съ другими смертными, нуждался въ неослабной помощи Божіей, но—самоувѣренный, самовластный владыка. Въ Мединѣ, между добрыми сторонами его характера, весьма замѣтно выступаютъ и слабости его восточной натуры [1]).

Такимъ образомъ, въ теченіе 23 лѣтъ, Мухаммедъ объявилъ своимъ послѣдователямъ много разнообразныхъ проповѣдей, рѣшеній и распоряженій, которыя у всѣхъ его послѣдователей были постоянно въ сознаніи, а у нѣкоторыхъ сохранялись въ памяти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ были произносимы имъ самимъ.

Но когда Мухаммедъ умеръ, закончились откровенія для муслимовъ [2]). Эти слова Шпренгера имѣютъ тотъ смыслъ,

---

1] Главныя мысли и духъ Корана. Соч. Θ. Гудѣвскаго. Казань, 1875 стр. 11—13. У Шпренгера (т. 3. стр. 61—87) приведены очень любопытныя данныя на тему о томъ, что Мухаммедъ, подъ вліяніемъ своей слабости къ женщинамъ, выдалъ за откровенія Божія мысли, внушенныя ему его чувствами, такъ что однажды Айша сказала ему (по поводу гл. 33, ст. 49) въ глаза: *„Твой Господь спѣшитъ изъявить свое согласіе на твои удовольствія"*. Читая Коранъ, дѣйствительно поражаешься тономъ и содержаніемъ особенно нѣкоторыхъ мѣстъ его, въ которыхъ идетъ рѣчь о женахъ Мухаммеда.

2) A. Sprenger, B. III, s. XXXVIII.

что смерть Мухаммеда была заключительнымъ моментомъ въ исторіи происхожденія Корана. Смерть Мухаммеда была для мухаммеданъ смертью не простаго человѣка, хотя и человѣка со властію, но смертью *пророка*, который одинъ имѣлъ право издавать, подъ именемъ *божественныхъ* откровеній, разныя повелѣнія, запрещенія, разсказы, нравоучительные примѣры и т. д. Одинъ Мухаммедъ могъ съ каждымъ днемъ пополнять содержаніе Корана новымъ матеріаломъ, и потому Коранъ, не смотря на свой законодательный характеръ, не могъ вмѣстить въ себѣ позднѣйшихъ предписаній преемниковъ Мухаммеда: халифовъ Абу-Бекра, Омара, Османа, Али и пр., потому что они не пользовались авторитетомъ посланниковъ Божіихъ, какимъ, по преимуществу, считалъ себя авторъ Корана, Мухаммедъ. Поэтому-то смерть Мухаммеда была въ одно и тоже время смертью пророка мухаммеданъ и смертью автора Корана. Послѣ этой невознаградимой для мухаммеданъ потери, законодательная ихъ книга не могла уже болѣе увеличиваться въ своемъ объемѣ и, по неизбѣжной необходимости, должна была заключиться въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ застигла ее смерть Мухаммеда.

Смерть Мухаммеда послѣдовала не совсѣмъ своевременно. Мухаммедъ, всю жизнь свою учившій о себѣ, какъ о простомъ смертномъ, жилъ, дѣйствовалъ и наконецъ умеръ также обыкновенно, какъ умираютъ всѣ великіе и не великіе люди. Умирая, онъ едва-ли зналъ, что смерть дѣлаетъ къ нему послѣдній и окончательный приступъ. Упоминаніе Мухаммеда о своей смерти ни мало не было пророчествомъ, въ собственномъ смыслѣ. Указывая на неизбѣжность своей смерти, Мухаммедъ говорилъ о себѣ тоже,

что на его мѣстѣ сказалъ-бы каждый изъ насъ [1], говорилъ въ подтвержденіе своего человѣческаго происхожденія, вслѣдствіе котораго ему необходимо было, подобно другимъ людямъ, умереть; но *когда* умереть—этого Мухаммедъ отнюдь не зналъ. Что онъ не зналъ о времени своей смерти, это видно изъ того, что онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій ни относительно своей власти, ни относительно закона, хотя ни та, ни другой не были еще окончательно утверждены ни въ жизни, ни въ сознаніи его послѣдователей.

Тѣмъ и доказывается больше всего несвоевременность Мухаммедовой смерти, что она лишила его послѣдователей возможности получать новыя предписанія съ именемъ божественныхъ откровеній, въ которыхъ арабы продолжали нуждаться. Новоучрежденное теократическое государство Мухаммеда, постепенно возрастая въ своемъ внѣшнемъ могуществѣ, постоянно создавало новыя общественныя и государственныя потребности. Интересы побѣдителей сталкивались съ интересами побѣжденныхъ, и потребность въ высшемъ внѣшнемъ авторитетѣ была теперь всего болѣе ощутительна. А такимъ именно авторитетомъ могъ быть только законъ Мухаммеда, освященный именемъ божественной книги. На этотъ-то законъ вниманіе мухаммеданскихъ правителей и было устремлено по смерти Мухаммеда. Когда былъ живъ самъ Мухаммедъ, его послѣдователямъ не было особенной нужды заботиться о Коранѣ. Каждый случай въ ихъ религіозной и общественной жизни, каждое недоумѣніе и сомнѣніе какого-бы рода они ни бы-

1] Коранъ, гл. 3, ст. 138; гл. 10. ст. 47; гл. 21, ст. 35; гл. 39, ст. 31; гл. 40, ст. 77.

ли, могли тотчасъ-же разрѣшаться живымъ словомъ самого Мухаммеда. Когда же не стало Мухаммеда, пророческій авторитетъ его всецѣло былъ перенесенъ на Коранъ: живое слово пророка, говорившаго по внушенію Аллаха, по необходимости должно было замѣниться писаннымъ словомъ — книгою. Но такой книги, строго говоря, не было тогда въ рукахъ послѣдователей Мухаммеда. Вейль, Нольдеке и Шпренгеръ согласно утверждаютъ, что при жизни Мухаммеда отдѣльныя части Корана не были собраны въ одну книгу. Шпренгеръ говоритъ, что ни самъ Мухаммедъ не имѣлъ въ виду оставить послѣ себя цѣльной книги, ни писцы его, которые записывали для памяти произносимыя имъ проповѣди, не думали объ этомъ; писцы заботились только о томъ, чтобы сохранить въ памяти поученія и распоряженія своего вѣроучителя и смотрѣли на свои записи, какъ на временныя памятныя замѣтки [1]) Нольдеке также замѣчаетъ,[2]) что при жизни Мухаммеда отрывки Корана не были собраны въ одно цѣлое, и считаетъ преданіе о собраніи Корана еще при жизни Мухаммеда не заслуживающимъ никакого вниманія. По его словамъ, Убайбенъ-Кагбъ, Мугадъ-бенъ-Ябилъ, Зяйдъ-бенъ Тсабитъ и Абу-Зяйдъ-аль-ансари при жизни Мухаммеда знали наизустъ большую часть Корана, что и было записано ими для памяти, для себя.

Справедливость такого предположенія ясна сама собою: если-бы Коранъ дѣйствительно бытъ собранъ еще при жизни Мухаммеда, то не было бы побужденій заботиться о собираніи его при халифахъ Абу-Бекрѣ и Османѣ. Къ тому же

---

[1]] Band III, s. XXXIX.

[2]] Geschiche des Qorans.

предположенію приводитъ и господствующее среди мусульманъ мнѣніе, что первый трудъ собранія разрозненныхъ отрывковъ Корана принадлежалъ Абу-Бекру, или же—Омару, въ правленіе Абу-Бекра

Исторія редакціи Корана.

О первомъ собраніи Корана свидѣтельствуетъ довольно пространное преданіе Зайда-бенъ-Тсабита, которое встрѣчается во многихъ мусульманскихъ сочиненіяхъ и всегда приводится въ выраженіяхъ, мало отличающихся одно отъ другого.

Въ правленіе перваго халифа происходили кровопролитныя войны мусульманъ съ врагами ислама, въ числѣ которыхъ особенно выдѣлялись два новыхъ пророка—Мусайляма (маленькій Моисей) и Тулейха, увлекшіе на свою сторону цѣлыя племена арабовъ, уже принявшихъ было исламъ[2]). Тогда Медина находилась въ очень опасномъ положеніи, и старые сподвижники Мухаммеда, съ Омаромъ во главѣ, обратились къ Абу-Бекру съ предложеніемъ уступокъ взбунтовавшимся арабамъ; но Абу-Бекръ отклонилъ эти предложенія и вскорѣ самъ перешелъ въ наступленіе и прогналъ одно скопище изъ Зуль-Кассы, а въ сентябрѣ 632 года разбилъ другихъ бунтовщиковъ на голову при Абракѣ. Затѣмъ извѣстному своей жестокостью Халиду было приказано усмирить скопище Тулейхи, а Икримѣ и Шурахбилю управиться съ Мусайлямой. Тулейху Халидъ разбилъ

2) Источникъ возстанія таился, пока былъ живъ Мухаммедъ, предъ силой котораго склонялись враги его; но лишь только извѣстіе о его смерти разнеслось по Аравіи, какъ тлѣвшія до тѣхъ поръ искры возстанія вспыхнули, съ быстротою степного вихря разнеслись по всѣмъ угламъ обширнаго Аравійскаго полуострова и въ короткое время охватили пять шестыхъ всей Аравіи. Главные очаги возмущенія были въ Іеменѣ (юго-востокъ) и область Бяну Асадъ (сѣверо-востокъ).

при Бузахѣ, а затѣмъ уничтожилъ Малика Ибнъ Ховейра, предводителя Ярбутовъ, среди которыхъ появилась пророчица Саджахъ. Послѣ того Халиду было приказано принять начальство надъ войсками, неуспѣшно дѣйствовавшими противъ Мусайлямы. При Акрибѣ, на границѣ Іемена, произошло кровопролитное сраженіе. Самъ Мусайляма палъ подъ дротикомъ, а съ Мусайлямой погибли первенцы его народа. Самое мѣсто битвы получило названіе „садъ Смерти".

Побѣда мусульманъ стоила имъ большихъ жертвъ: около 700 человѣкъ пало однихъ ансаровъ и товарищей Мухаммеда по бѣгству въ Медину; въ этой битвѣ нашелъ смерть Зяйдъ, братъ Омара, и значительное число старѣйшихъ сподвижниковъ Мухаммеда (асхабовъ), которые были лучшими знатоками Корана[3]) и были извѣстны подъ именемъ „носителей Корана"[4]). Омаръ прежде всѣхъ другихъ послѣдователей Мухаммеда сознавалъ всю опасность для ислама отъ такой потери. По преданію, онъ просилъ однажды прочитать одинъ важный для него стихъ Корана, а ему отвѣтили, что этотъ стихъ зналъ такой-то, но его уже нѣтъ въ живыхъ. Тогда онъ, опасаясь, чтобы нѣкоторыя части Корана не исчезли, такъ какъ лица, знавшія Коранъ на память, могли умереть, — отправился къ Абу-Бекру и сталъ склонять его къ собранію частей Корана. Абу-Бекръ сначала не соглашался, такъ какъ предложеніе Омара не только казалось ему дѣломъ новымъ, но и не согласовалось съ мыслями самого Мухаммеда, который ни прямо, ни косвенно не говорилъ объ этомъ при жизни.... Но настойчивый Омаръ склонилъ наконецъ разсудительнаго Абу-Бекра приняться за это важное дѣло, и оно было поручено спо-

3) А. Мюллеръ. Исторія ислама (Спб. 1895). Томъ 1, стр. 193 — 203.

4) حملة القران

собному молодому арабу Зяйду-бенъ-Тсабиту[5]), еще при жизни Мухаммеда состоявшему писцомъ его. Зяйдъ принялъ это предложеніе не безъ нѣкотораго смущенія и колебанія[6]). Онъ сознавалъ, что возлагаемая на него работа была почти невыполнима: по собственному его выраженію, ему гораздо легче было-бы сдвинуть гору съ ея мѣста, нежели выполнить то, что требовали отъ него.

Затрудненіе состояло именно въ томъ, что при жизни Мухаммеда обнародованныя имъ проповѣди и распоряженія были записаны безъ всякой связи и послѣдовательности. Разные отрывки Корана были записаны, по недостатку письменныхъ матеріаловъ, на лоскуткахъ необдѣланныхъ кожъ животныхъ и на пергаментѣ, на плечевыхъ костяхъ

---

5) Зяйду было тогда 21 годъ. Онъ былъ родомъ изъ Медины. Его отецъ Тсабитъ былъ убитъ въ сраженіи за пять лѣтъ до Гиджры. Когда Мухаммедъ вступилъ въ Медину, Зяйду было всего 11 лѣтъ, но онъ уже зналъ тогда 17 главъ Корана. По причинѣ своей молодости, онъ не могъ участвовать въ Бедрскомъ походѣ; неизвѣстно также, былъ-ли онъ въ битвѣ при Оходѣ; но при осадѣ Медины, въ пятомъ году Гиджры, Мухамедъ вручилъ 17-ти лѣтнему Зяйду знамя мединцевъ, а по заключеніи перемирія подарилъ ему плащъ изъ египетской штофной матеріи. Послѣ того Мухаммедъ пользовался имъ, какъ своимъ личнымъ секретаремъ, По желанію Мухаммеда, Зяйдъ изучилъ, какъ думаетъ Шпренгеръ еврейское письмо, но не самый языкъ, такъ какъ Зяйдъ употребилъ на этотъ трудъ всего двѣ съ половиною недѣли. Но можно предположить, что Зяйдъ зналъ еврейскій языкъ до этого времени, такъ какъ евреевъ было много въ Аравіи и особенно въ Мединѣ, и способному молодому человѣку при ежедневныхъ сношеніяхъ съ евреями не трудно было ознакомиться съ языкомъ евреевъ, по близкому родству его съ арабскимъ.

Научившись читать еврейскія письмена, Зяйдъ докладывалъ Мухаммеду письма арабскихъ евреевъ къ Мухамеду. Несомнѣнно, что онъ при жизни Мухаммеда пріобрѣлъ большой личный авторитетъ и потому при преемникахъ Мухаммеда былъ казіемъ (судьей) въ Мединѣ, и умеръ въ 45 году Гиджры (665—666 г. по Р. Х.).

6) Это было въ 634 г., т. е. въ 13 году гиджры, на второмъ году по смерти Мухаммеда.

животныхъ[7]), на пальмовыхъ листьяхъ и на плоскихъ каменныхъ плиткахъ. Всѣ эти вещественные остатки проповѣднической дѣятельности Мухаммеда были сложены въ кучу и лежали безъ всякаго порядка, а Зяйдъ-бенъ-Тсабитъ разсортировалъ ихъ по своему усмотрѣнію и соединилъ въ одно цѣлое. Но такъ какъ собранные имъ матеріалы не представляли еще полнаго текста Корана (потому что нѣкоторые отрывки не попали въ эго первое редакціонное собраніе), то Омаръ приказалъ мусульманамъ сообщить, кто что зналъ наизусть изъ Корана, или кто что имѣлъ записаннымъ. А такъ какъ подобное распоряженіе не представляло никакой гарантіи за подлинность священной книги, то Омаръ, по настоянію нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, издалъ тогда же другой приказъ, чтобы каждый мусульманинъ, предъявлявшій одинъ или нѣсколько стиховъ Корана, представилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельство въ доказательство ихъ подлинности.

Безъ сомнѣнія, Омаръ, Абу-Бекръ и многіе другіе ихъ современники знали очень хорошо подлинный текстъ Корана, т. е. могли безъ затрудненій опредѣлить подлинность различныхъ отрывковъ его, хотя, можетъ быть, ихъ и не могли читать наизусть: но, вѣроятно, и для нихъ подлинность нѣкоторыхъ стиховъ была сомнительна, почему и возникло постановленіе о необходимости свидѣтельства другихъ лицъ, подтверждающихъ подлинность предъявляемыхъ стиховъ Корана Изъ этого правила было, однако же, допущено исключеніе: когда Зяйдъ хотѣлъ закончить девятую главу Корана; то вспомнилъ, что къ ней принадлежали еще два стиха, какъ объ этомъ замѣчаетъ Обай; тогда же

---

7) По Шпренгеру—на верблюжьихъ лопаткахъ.

стали наводить справки о чтеніи этихъ стиховъ, при чемъ оказалось, что только одинъ Абу-Хузайма зналъ эти два стиха. И не смотря на это забытые стихи были приняты въ текстѣ Корана на томъ основаніи, что самъ Мухаммедъ считалъ свидѣтельство Абу-Хузайма равнымъ свидѣтельству двухъ лицъ.

При помощи такихъ средствъ Зяйду-бенъ-Тсабиту удалось привести въ порядокъ разрозненные отрывки Корана въ одну книгу, которую онъ передалъ Абу-Бекру. По смерти Абу-Бекра, собранный Зяйдомъ Коранъ перешелъ къ Омару, а отъ послѣдняго къ его дочери Хавсѣ, вдовѣ Мухаммеда.

Трудно сказать, какой видъ имѣлъ первый собранный Зяйдомъ Коранъ, но преданіе утверждаетъ, что Зяйдовъ сборникъ былъ совершенно сходенъ со вторымъ офиціальнымъ текстомъ, обнародованнымъ въ правленіе третьяго халифа Османа. По предположенію Нольдеке, первый трудъ собиранія Корана былъ порученъ именно Зяйду не потому, что онъ, какъ утверждаютъ мусульмане, зналъ еще при жизни Мухаммеда весь Коранъ наизусть, а потому, что онъ своевременно записывалъ произносимыя проповѣди и распоряженія своего пророка и тѣмъ заслужилъ среди современниковъ уваженіе, какъ человѣкъ близкій къ Мухаммеду и притомъ грамотный. Это становится вполнѣ понятнымъ, такъ какъ при жизни Мухаммеда искусство писанія было еще мало распространено въ Аравіи и потому отъ Зяйда, молодого, способнаго и грамотнаго человѣка, скорѣе всего можно было ожидать успѣшнаго исполненія воли халифа Абу-Бекра. Главный надзоръ за этой работой имѣлъ энергичный Омаръ, о которомъ Ибнъ-Саидъ и говоритъ,

что онъ первый собралъ Коранъ и свитки[8]). Надзоръ Омара за собираніемъ Корана состоялъ въ томъ, что онъ не допускалъ въ сборникъ ничего не записаннаго прежде и неудостовѣреннаго свидѣтельствомъ двухъ лицъ. Въ преданіяхъ упоминается также, что Зайдъ приготовилъ копію съ собраннаго имъ кодекса, которая была написана, по однимъ,—на пергаментѣ, а по другимъ,—на парусинѣ. Но послѣднее кажется невѣроятнымъ Шпренгеру, потому что въ то время папирусъ едва-ли былъ въ употребленіи въ Аравіи. По Ибнъ-Дауду, Зайдовъ списокъ Корана образовалъ собою томъ (масхафъ), а по Омару Бенъ-Газія—длинный свитокъ.

Достоинство работы Зайда Шпренгеръ полагаетъ въ томъ, что онъ привелъ въ порядокъ разрозненные отрывки Корана и переписывалъ заново нечеткіе или написанные на плохомъ матеріалѣ стихи и при этомъ имѣлъ въ виду одну цѣль—записать Коранъ весь сполна. При такомъ стремленіи, Зайдъ тотчасъ же заносилъ на пергаментъ всѣ неизвѣстные ему стихи, какіе онъ слышалъ отъ мусульманъ и присоединялъ ихъ къ своему сборнику. Онъ же, вѣроятно, производилъ и самое дѣленіе стиховъ Корана на главы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не было вполнѣ установлено; но дѣлалъ онъ это безъ особыхъ раз-

---

[8]] Свитки сухуфъ صحف. Въ арабскомъ языкѣ глаголъ *сахафа* первоначально означалъ *рыть*, потомъ—гравировать, а затѣмъ—писать. Въ эфіопскомъ діалектѣ *сахаф* значитъ писать, откуда *масхафъ* книги. Арабы заимствовали это слово или изъ химьяритскаго, или изъ эфіопскаго языка; оно встрѣчается уже у Амрулькайса (Шпренгеръ). Въ Коранѣ выраженіе *„свитки"* встрѣчается много разъ: свитки свящ. писанія [20, 133), свитки Аврама и Моисея (59, 37—39; 87, 18 19). свитки небеснаго Корана (80, 13), свитки Мухаммеда (98, 2). См. у Саблукова въ приложеніяхъ къ переводу Корана.

мышленій надъ текстомъ, а просто присоединялъ небольшія группы стиховъ къ большимъ отрѣзкамъ, если только смыслъ соединяемыхъ мѣстъ сколько-нибудь дозволялъ это. За вѣроятность такого способа составленія первой редакціи Корана говоритъ преданіе о послѣднихъ стихахъ девятой главы, которые онъ присоединилъ къ тексту. Абу-Зобаиръ разсказываетъ слѣдующее: когда Абу-Хузайма представилъ два стиха Корана, которыхъ кромѣ него никто не зналъ, Зяйдъ или Омаръ сказалъ, что если бы этотъ отрывокъ состоялъ не изъ двухъ, а изъ трехъ стиховъ, то изъ нихъ онъ составилъ бы особую главу.

Нольдеке думаетъ, что Зяйдъ не придалъ никакого опредѣленнаго расположенія главамъ Корана, на что указываетъ съ одной стороны самое названіе Корана—*Сухуфъ*, т. е. отдѣльные свитки, а съ другой стороны преданіе о томъ, что Зяйдъ послѣ большихъ усилій собралъ Коранъ *безъ распорядка главъ*. Поэтому не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія тѣмъ преданіямъ, которыя приписываютъ Зяйдову сборнику такую же систематичность, какую имѣли позднѣйшіе сборники. Утвержденіе же о систематическомъ видѣ Зяйдова сборника основывается болѣе на вѣрованіи мусульманъ, что совершенный видъ Корана не долженъ разниться отъ первоначальнаго его вида, какой придалъ ему самъ Богъ и что сподвижники *(асхабы)* Мухаммеда не могли измѣнить его основного вида.

Нельзя утвердительно сказать, былъ-ли сборникъ Зяйда полнѣе современнаго текста Корана или менѣе его. Послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что при второмъ собраніи (редакціи) Корана при халифѣ Османѣ пользовались и другими списками, кромѣ Зяйдова экземпляра Трудно допустить, чтобы Зяйдъ могъ вписать въ

свой экземпляръ всѣ рѣчи Мухаммеда, такъ какъ, кромѣ тѣхъ стиховъ Корана, которые могъ забыть самъ Зяйдъ, могли быть и такіе, которые не были своевременно записаны самовидцами Мухаммеда, или не сохранены ими въ памяти. Могло случиться, наконецъ, что нѣкоторые отдѣльные стихи Корана хранились исключительно въ памяти старѣйшихъ асхабовъ и могли быть забыты ими, или же могли исчезнуть совсѣмъ со смертью этихъ лицъ, а въ правленіе Абу-Бекра исламъ лишился многихъ авторитетныхъ, по своему возрасту и близости къ Мухаммеду, лицъ во время кровопролитныхъ войнъ съ разными бунтовщиками и новыми пророками Аравіи, какъ объ этомъ замѣчено выше. Въ преданіяхъ встрѣчаются упоминанія о преждевременной смерти многихъ такихъ лицъ.

Нельзя также съ точностью утверждать, что въ Зяйдовомъ Коранѣ не встрѣчались нѣкоторыя разночтенія, сравнительно съ первоначальной формой текста, обнародованнаго Мухаммедомъ. Разности эти могли произойти или вслѣдствіе ошибокъ памяти, или же вслѣдствіе описокъ переписчиковъ; но во всякомъ случаѣ такихъ разностей не могло быть много, потому что Зяйдово собраніе Корана происходило вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда, когда разности въ текстѣ его могли быть легко замѣчены и исправлены, особенно при строгомъ вниманіи къ этому важному дѣлу со стороны набожнаго Омара.... Еще менѣе возможно предположеніе, что самъ Зяйдъ, Омаръ или Абу-Бекръ намѣренно измѣнили что-нибудь въ Коранѣ. Прежде держался этого предположенія Сильвестръ де-Саси, а потомъ повторилъ его Вейль.

Основаніемъ къ такому предположенію для Вейля служило преданіе, что Омаръ, когда услышалъ о смерти Мухам-

меда, то не хотѣлъ этому вѣрить, такъ какъ считалъ Мухаммеда не подлежавшимъ смерти, и не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока Абу-Бекръ не убѣдилъ его въ дѣйствительности прискорбнаго факта, подтвердивъ возможность и неизбѣжность смерти стихами Корана: „Мухаммедъ—только посланникъ (Божій). Нѣтъ уже теперь (въ живыхъ) посланниковъ, которые были нѣкогда, прежде него; если и онъ умретъ, или будетъ убитъ [1]), то неужели вы обратитесь вспять... Всякому, имѣющему душу, должно будетъ умереть не иначе, какъ по волѣ Бога, сообразно книгѣ, въ которой опредѣлено время жизни" (3, 138, 139). По другому преданію, Абу-Бекръ убѣдилъ Омара въ смерти Мухаммеда, напомнивъ ему стихъ Корана: „Дѣйствительно, ты умрешь, и они умрутъ; потомъ въ день воскресенія вы будете вести тяжбу между собою предъ Господомъ вашимъ" (39,31—32). Только послѣ произнесенія этихъ стиховъ, Омаръ и другіе мусульмане повѣрили извѣстію о смерти Мухаммеда, какъ будто до этого времени они никогда не слыхали такихъ словъ....

Нольдеке проще объясняетъ этотъ важный моментъ въ исторіи ислама: пока Мухаммедъ былъ живъ, его послѣдователи не думали объ этихъ стихахъ, тѣмъ болѣе, что онъ не одинъ разъ подвергалъ опасности свою жизнь и не умиралъ. Къ тому же, незадолго до смерти, Мухаммедъ вдругъ почувствовалъ замѣтное улучшеніе своего здоровья и даже сталъ выходить изъ дома, почему Алій,

1) Стихъ этотъ относится къ Оходской битвѣ, когда Мухаммеду выбили зубы и когда, при видѣ его окровавленнымъ, разнесся слухъ, что онъ умеръ.... Тогда нѣкоторые малодушные стали колебаться въ вѣрѣ и подумывали возвратиться къ прежней своей языческой вѣрѣ. Но Мухаммедъ укоризненно сказалъ о нихъ: «Если кто и возвратится вспять, то никакого вреда не причинитъ Богу, а Богъ наградитъ благородныхъ».

ближе всѣхъ знавшій Мухаммеда, вѣрилъ въ его выздоровленіе и говорилъ, что Богъ исцѣлилъ Мухаммеда. Только осторожный и разсудительный Аббасъ говорилъ: „Клянусь Богомъ,—я узнаю смерть на лицѣ посланника Божія!“.

При такой всеобщей увѣренности послѣдователей Мухаммеда въ возможности продолженія его жизни, извѣстіе о его смерти, конечно, должно было подѣйствовать на нихъ подобно громовому удару. Особенно же это роковое извѣстіе могло показаться невѣроятнымъ для пылкой души Омара, и потому нисколько не удивительно, если приведенные выше стихи Корана, предсказывающіе смерть Мухаммеда, показались Омару и другимъ мусульманамъ какъ бы никогда дотолѣ не слышанными[1]). Къ этому нужно прибавить, что многіе могли забыть эти стихи, такъ какъ они были обнародованы еще за 7 лѣтъ до смерти Мухаммеда и могли не быть повторяемы, потому что содержаніе ихъ

1) Въ «Исторіи ислама» А. Мюллера описанный моментъ представляется естественнѣе: для Омара было всего важнѣе помѣшать распространенію печальнаго извѣстія, пока не соберутся около него Абу-Бекръ и значительное число сподвижниковъ Мухаммеда. Поэтому онъ объявилъ оставшимся возлѣ мечети мусульманамъ, что только лицемѣрамъ могла прійти въ голову мысль, что посланникъ Божій скончался. Это - завѣдомая ложь: пророкъ, подобно Моисею, удалился отъ своего народа на 40 дней и затѣмъ вернется и накажетъ смертью всѣхъ, кто выдумалъ, что онъ умеръ.... Но подошелъ Абу-Бекръ, вошелъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло Мухаммеда, и облобызалъ холодное и блѣдное чело его, съ сердечнымъ выраженіемъ своей скорби. Затѣмъ онъ спѣшно вышелъ къ толпѣ, властно приказалъ Омару замолчать и, прочитавъ упомянутые выше стихи Корана, сказалъ: «Кто желаетъ поклониться Мухаммеду, пусть знаетъ, что онъ же мертвъ. Поклоняйтесь Господу: Богъ живъ и не умретъ во вѣки!». Вѣрилъ или нѣтъ самъ Омаръ въ истину того, что говорилъ,—рѣчь его, по словамъ Мюллера, не произвела ожидаемаго впечатлѣнія, а печальная вѣсть о смерти Мухаммеда съ быстротой молніи разнеслась по всѣмъ кварталамъ Медины. Тогда стали образовываться партіи, на случай предстоящаго избранія преемника Мухаммеду. Ловкій маневръ Абу-Бекра остановилъ выборъ на немъ самомъ, и онъ сталъ халифомъ (томъ 1, стр. 232—235).

было исключительное и не особенно пріятное для послѣдователей Мухаммеда. Если принять такое объясненіе, то предположеніе Вейля о внесеніи въ Коранъ прочитанныхъ Абу-Бекромъ стиховъ лишится главной своей опоры. Вейлю этотъ единственный примѣръ могъ казаться неоспоримымъ доказательствомъ вѣрности его предположенія, но приведенное преданіе находится въ противорѣчіи съ нѣкоторыми другими преданіями, касающимися того же вопроса, и потому объясненіе Нольдеке кажется болѣе удовлетворительнымъ. Если же Вейль, какъ на одно изъ сильныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, ссылается на то, что даже Абу-Хурейра не зналъ этихъ стиховъ Корана, то и эта ссылка мало убѣдительна: Абу-Хурейра, хотя и считается авторитетомъ относительно достовѣрности многихъ мусульманскихъ преданій, но въ самые лучшіе знатоки Корана онъ произведенъ только Вейлемъ, ибо и сами мусульмане не приписываютъ ему въ этомъ отношеніи особеннаго значенія.

Съ именемъ Абу-Хурейры связано много экзегетическихъ или вообще къ знанію Корана относящихся преданій. Кромѣ того, онъ принялъ исламъ только въ седьмой годъ гиджры и потому естественно могъ не знать болѣе древнихъ стиховъ Корана, равно какъ и тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. По словамъ Нольдеке, должны быть вообще болѣе сильныя основанія для такого невѣроятнаго предположенія. Вейль думаетъ, что Мухаммеда, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы его жизни — его послѣдователи считали безсмертнымъ, хотя не допускаетъ мысли, чтобы самъ Мухаммедъ считалъ себя безсмертнымъ.... Какимъ же, спрашивается, образомъ могла распространиться вѣра въ его безсмертіе? Считая себя смертнымъ, Мухаммедъ могъ пред-

видѣть, что его смерть произвела бы убійственное впечатлѣніе на его послѣдователей, если бы только среди нихъ была распространена вѣра въ его безсмертіе..... Но помимо этого соображенія, въ Коранѣ есть много такихъ стиховъ, въ которыхъ говорится, что всякая душа испытаетъ смерть, что всѣ вообще смертны и что Мухаммедъ - такой же человѣкъ, какъ и другіе [1]).

Всѣ подобные стихи Корана находятся въ логической связи съ предшествующими и послѣдующими стихами; въ особенности же мысль о смертности Мухаммеда ясно выражена въ гл. 3 ст. 138 Корана и др., гдѣ самъ Мухаммедъ высказывается о неизбѣжности смерти для себя. Неужели же можно предполагать, что Абу-Бекръ выдумалъ или подмѣнилъ всѣ такіе стихи? А если онъ допустилъ поддѣлку въ одномъ мѣстѣ Корана, то можно было бы заподозрить фальсификацію и по отношенію къ другимъ стихамъ. Но выдумывать много новыхъ стиховъ Корана и подставлять ихъ въ соотвѣтствующія мѣста было невозможно, чтобы не быть изобличеннымъ кѣмъ-нибудь изъ знатоковъ Корана. Да и для чего было бы Абу-Бекру навлекать на себя подозрѣніе въ такомъ серьезномъ обманѣ, за который можно было поплатиться даже жизнью? Въ смерти Мухаммеда самые пылкіе послѣдователи его могли легко увѣриться безъ всякаго со стороны Абу-Бекра умышленнаго старанія внести въ Коранъ такіе стихи, въ которыхъ говорится о смерти Мухаммеда. Наконецъ, самый характеръ Абу-Бекра, признаннаго *правдивымъ* (сыддыкъ), не допускаетъ возможности считать его способнымъ на об-

---

1) Гл. 10, ст. 47; гл. 21, ст. 35; гл. 40, ст. 77. Въ главѣ 39, ст. 31 положительно говорится: «Дѣйствительно, ты умрешь, и они (арабы) умрутъ».

мапъ въ такомъ важномъ вопросѣ и въ такое рѣшительное время.

Въ 46-ой главѣ Корана есть слѣдующій стихъ: „Человѣку Мы заповѣдали дѣлать добро своимъ родителямъ. Мать его носитъ его во чревѣ съ трудомъ и рождаетъ его съ трудомъ: ношеніе его во чревѣ и кормленіе его грудью — тридцать мѣсяцевъ. А со временемъ, когда онъ достигаетъ полнаго своего возраста, когда онъ достигаетъ сорока лѣтъ, то говоритъ: Господи! внуши душѣ моей быть благодарнымъ за Твои благодѣянія, которыми облагодѣтельствовалъ Ты меня и моихъ родителей, и дѣлать доброе, угодное Тебѣ; даруй счастіе мнѣ въ моемъ потомствѣ. Я съ покаяніемъ обращаюсь къ тебѣ, и я одинъ изъ покорныхъ Тебѣ" (ст. 14) —Вейль думаетъ, что, по крайней мѣрѣ, вторая половина этого стиха направлена въ пользу Абу-Бекра; но если принять во вниманіе преданіе, утверждающее это, то нужно соединить этотъ стихъ съ 16-мъ стихомъ, который относится не къ самому Абу-Бекру, а къ его сыну Абдурахману, долгое время не соглашавшемуся принять исламъ: „есть и такой, который говоритъ своимъ родителямъ: „фу на ваши предвѣщанія, что я буду воскрешенъ! вѣдь, нѣтъ теперь тѣхъ поколѣній, которыя были прежде меня". Они оба, прося милости ему у Бога, говорятъ: „горе тебѣ! будь вѣрующимъ; потому что обѣтованіе Божіе истинно: а онъ говоритъ: это—однѣ сказки прежнихъ людей".—Если допустить, что и этотъ стихъ былъ подставленъ Абу-Бекромъ, то мы придемъ къ странному заключенію, что отецъ дозволяетъ себѣ рѣзко издѣваться надъ своимъ сыномъ, давно уже состоявшимъ въ числѣ вѣрующихъ. Невѣроятно, чтобы Абу-Бекръ для своихъ цѣлей не могъ выбрать изъ Корана другихъ, болѣе подходящихъ стиховъ; онъ могъ бы

найти болѣе ясныя мѣста въ доказательство своихъ правъ на преемство Мухаммеду. Но въ этомъ не было нужды, такъ какъ въ продолженіе правленія Абу-Бекра никто не сомнѣвался въ его правахъ на преемство власти Мухаммеда. Только уже позднѣе подобныя сомнѣнія стали появляться среди сторонниковъ Алія, чтобы доказать большія права его на занятіе халифата.

Наконецъ, Вейль отрицаетъ подлинность перваго стиха 17-ой главы Корана: „Хвала Тому, кто въ нѣкоторую ночь содѣйствовалъ рабу своему совершить путь отъ запретной мечети къ отдаленной мечети, которой окрестности Мы благословили, для того, чтобы показать ему нѣкоторыя изъ нашихъ знаменій. Истинно, Онъ слышащій, видящій", отрицаетъ на томъ основаніи, что и самъ Мухаммедъ не настаивалъ на реальности своего ночного путешествія къ Іерусалимскому храму. Вейль думаетъ, что этотъ стихъ былъ ошибочно присоединенъ къ Корану въ правленіе Абу-Бекра. Но для такого предположенія нѣтъ серьезныхъ основаній: многіе послѣдователи Корана считали ночное путешествіе Мухамеда только сновидѣніемъ его, а изъ этого еще не слѣдуетъ заключить, что упоминаніе Корана объ этомъ путешествіи не подлинно.

Кромѣ приведенныхъ возраженій, Вейль не высказываетъ ничего другого противъ внутреннихъ достоинствъ Зяйдова сборника Корана. Что же касается самихъ мусульманъ, то они относятся съ почтеніемъ къ этому сборнику, какъ къ первому опыту редакціи ихъ священной книги. Трудъ Зяйда не только пользовался вниманіемъ современниковъ, но и заслужилъ благодарную память послѣдущихъ поколѣній. Правда этотъ сборникъ не былъ призпанъ оффиціальнымъ текстомъ священной книги мусульманъ и въ

правленіе Абу-Бекра и Омара сохранялъ частный характеръ, однако же пользовался столь большимъ уваженіемъ среди мусульманъ, что въ правленіе третьяго халифа, Османа былъ принятъ за основаніе оффиціальнаго и, такъ сказать, каноническаго текста Корана.

Послѣдній вопросъ относительно перваго собранія Корана касается времени, въ какое время оно было произведено. И отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть положительно рѣшенъ, потому что мусульманскія преданія даютъ основаніе для двухъ различныхъ предположеній. На основаніи однихъ преданій, Зяйдово собраніе Корана относится ко времени правленія Абу-Бекра [1]), а на основаніи другихъ преданій—къ Омарову правленію. Господствующее мнѣніе относитъ это дѣло ко времени Абу-Бекра, а противники этого мнѣнія указываютъ на то, что собранный Зяйдомъ Коранъ былъ переданъ на храненіе не дочери Абу-Бекра, а дочери Омара. Но споръ этотъ, по существу, не заслуживаетъ вниманія; видимыя разногласія устраняются сами собою при мысли о томъ, что собраніе Корана было начато при Абу-Бекрѣ [2]), а окончено при Омарѣ, почему и было передано Хавсѣ, дочери Омара, а не дочери Абу-Бекра, Айшѣ.

Шпренгеръ думаетъ, что сборникъ Зяйда имѣлъ оффиціальный характеръ, но этому предположенію противорѣчитъ самый фактъ передачи Корана Хавсѣ: Омаръ не могъ бы сдѣлать этого, если бы не считалъ Зяйдовъ сборникъ своею частною собственностью. Впрочемъ, едва ли возможно го-

1) Выше было упомянуто, что Зяйдъ принялся за собираніе Корана въ 634 году, въ правленіе Абу-Бекра.

2) Абу-Бекръ правилъ съ 8 іюня 632 г. по 22 августа 634 г., а Омаръ съ 22 августа 634 г. по 3 ноября 644 г.

ворить объ этомъ въ наше время. Намъ кажется вполнѣ умѣстною передача священной книги на храненіе вдовѣ Мухаммеда, Хавсѣ: ибо естественно, что Омаръ-отецъ отличилъ свою дочь отъ прочихъ женъ Мухаммеда. Вѣроятно, и Абу-Бекръ сдѣлалъ бы тоже самое для своей дочери Айши, если бы священная книга была въ его рукахъ, и Омаръ не сталъ бы противорѣчить халифу. Значитъ, еще разъ нужно предположить, что Зяйдъ окончательно сдалъ свою работу уже Омару, по смерти Абу-Бекра.

Зяйдова редакція закончилась раздѣленіемъ Корана на главы. Разсказъ о томъ, какъ Омаръ приписывалъ себѣ право составить отдѣльную главу даже изъ трехъ стиховъ, показываетъ, что во время Зяйдовой работы надъ собираніемъ Корана мусульмане считали себя въ правѣ соединять въ главы разные отдѣльные отрывки по произволу; но этотъ произволъ самъ собою прекратился при третьемъ халифѣ Османѣ, когда внѣшній видъ Корана былъ окончательно установленъ.

Первое (Зяйдово) собраніе Корана имѣло своею ближайшею цѣлью сохранить потомству всѣ изрѣченія Корана, какія были обнародованы Мухаммедомъ, и устранить такимъ образомъ возможность утраты или искаженія даннаго арабамъ Закона Божія. Это ясно видно изъ распоряженія Омара, передавшаго Зяйдовъ сборникъ своей дочери Хавсѣ на храненіе, а не считавшаго нужнымъ распространять списокъ этого сборника среди мусульманъ разныхъ мѣстностей Аравіи. Очевидно, въ первые годы Омарова правленія послѣдователи Мухаммеда не чувствовали еще настоятельной нужды въ писанномъ Коранѣ, потому что вездѣ находились благочестивые мусульмане, знакомые съ содержаніемъ преподаннаго имъ Ученія Божія. Тогда, по словамъ Шпренгера,

послѣдователи Мухаммеда держались еще основного убѣжденія, что слово Божіе должно жить въ сердцахъ вѣрующихъ и не быть предметомъ споровъ. Каждый мусульманинъ заучивалъ на память или записывалъ для себя столько стиховъ или главъ изъ Корана, сколько требовали этого его духовныя нужды И большая часть первыхъ мусульманъ довольствовались читаемыми при богослуженіи отрывками, которые безъ особеннаго труда заучивались наизустъ. Естественно установился обычай, что знавшіе на память большую часть Корана становились во время общественной молитвы впереди, были предстоятелями (имамъ) въ ряду молящихся и читали вслухъ извѣстные имъ отрывки изъ Корана, а остальние благоговѣйно внимали этому чтенію.

Такой обычай побуждалъ предстоятелей (имамовъ) относиться серьезно и съ благоговѣніемъ къ заучиваемому священному тексту,—не только къ самымъ его выраженіямъ, но и къ правильному произношенію заучиваемаго А для этого необходимо было провѣрять заучиваемый текстъ при помощи дрргихъ знатоковъ Корана. Затѣмъ, уже заученный на память отрывокъ могъ быть записанъ, чтобы лучше сохранить священный текстъ на будущее время. Но такой порядокъ не могъ долго держаться въ первоначальной мусульманской общинѣ: постепенно стали возникать разночтенія священной книги, что вызвало обнародованіе священнаго текста ко всеобщему употребленію.

Ори всѣхъ своихъ достоинствахъ Зяйдово собраніе Корана, какъ первый опытъ столь труднаго и отвѣтственнаго дѣла, естественно должно было имѣть и недостатки и для офиціальнаго употребленія не годилось. Шпренгеръ ставитъ въ вину Зяйду его недостаточную

разборчивость въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. к. Зяйдъ раздѣлялъ стихи, близкіе по содержанію, и соединялъ въ одинъ стихъ разнородные стихи, а иногда повторялъ одни и тѣ же стихи въ разныхъ главахъ Корана. На примѣръ 7 гл. 161 ст.=2 гл. 55 ст.; 7 гл. 162 ст.=2 гл. 56 ст.; но 160 ст. 7 гл. раздѣленъ и соотвѣтствуетъ 54 и 57 ст. 2 гл. При этомъ Шпренгеръ оговаривается, что только немногія повторенія, встрѣчающіяся въ Коранѣ, можно приписать Зяйду, такъ какъ и самъ Мухаммедъ не рѣдко примѣнялъ обнародованныя имъ ранѣе поученія къ новымъ случаямъ жизни и не рѣдко вводилъ ранніе стихи Корана въ позднѣйшія свои рѣчи [1]). Зяйдъ, знавшій наизустъ большую часть Корана, могъ также повторять во время общественной молитвы извѣстные ему стихи Корана.

Отсутствіе порядка въ распредѣленіи главъ Корана объясняется тѣмъ, что отдѣльные отрывки его не были перенумерованы, и потому каждая глава могла быть первою и послѣднею. Поэтому на вопросъ Мухаммед-бенъ-Сприн'а: „будетъ-ли Коранъ составленъ хронологически, какъ онъ былъ ниспосланъ?“, Икрима могъ справедливо отвѣтить: „если-бы соединились джинны (духи) и люди для того, чтобы составить Коранъ такимъ образомъ, то не были-бы въ состояніи сдѣлать этого“.—Вообще критическій принципъ, какого слѣдовало-бы держаться собирателямъ Корана, былъ совершенно чуждъ мусульманамъ того времени; поэтому издатели и ограничились чисто внѣшнимъ принципомъ, распредѣливъ главы по количеству стиховъ: самыя длинныя главы были поставлены въ началѣ сборника, а самыя короткія въ концѣ. Но и эта простая система въ распре-

[1]) Повторенія см. по Указателю Г. Саблукова.

дѣленіи главъ Корана не была строго выдержала Зяйдомъ, такъ какъ по числу стиховъ не всѣ предыдущія главы короче своихъ послѣдующихъ.

Ибнъ-Мазгудъ раздѣлилъ главы Корана на группы, причемъ также принималъ во вниманіе количество стиховъ. Первую группу, въ которой заключались 2—7 и 10-я главы, онъ назвалъ *длинною;* вторую группу, состоявшую изъ 9, 11, 12, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 26 и 27 главъ, онъ назвалъ *сотенною*, потому-что самая краткая изъ этихъ главъ имѣла 110 стиховъ. Потомъ у него слѣдовали *двойныя* главы, или повторяемыя: 8, 12, 14, 15, 19, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 33 — 39 и 47. Самая длинная изъ этихъ главъ имѣла 99 краткихъ стиховъ, а самыя краткія — 34 долгихъ стиха. Затѣмъ слѣдовала особая группа главъ, почти равныхъ между собой и начинавшихся съ буквъ Га-Мимъ и потому называвшихся „*Гамсуры*". Главы слѣдующей группы назывались „*Мумтаханъ*", т. е. испытанныя главы, именно: 32, 48, 49, 58—68, 71—72. эти главы были короче предыдущихъ. Затѣмъ слѣдовали главы „*Муфассалъ*": 51—56, 69, 70, 74—112. Въ этой группѣ были выдѣлены главы „*Назаэръ*", изъ которыхъ самая короткая состоитъ только изъ трехъ стиховъ.

По словамъ Шпренгера, сборникъ Зяйда былъ охотно принятъ современниками и употреблялся при общественныхъ молитвахъ въ мечетяхъ, почему носилъ названіе: *Алъ-Масхафуль-Мухтаръ*, т. е. признанный или офиціальный сборникъ, хотя это названіе, по словамъ того же Шпренгера, болѣе приличествовало позднѣйшему сборнику Корана, обнародованному въ правленіе халифа Османа Но другой изслѣдователь исторіи редакціи Корана, Нольдеке

не придаетъ Зяйдову сборнику никакого официальнаго значенія [1]).

Всѣ изложенныя выше данныя, касающіяся *перваго* собранія отдѣльныхъ отрывковъ Корана, основаны на показаніяхъ мусульманъ-суннитовъ, которые соединяютъ исполненіе этой важной работы съ именемъ Зяйда. Но мусульмане-шіиты, относясь съ особымъ благоговѣніемъ къ памяти четвертаго халифа Алія, не соглашаются съ такимъ мнѣніемъ и считаютъ Алія *первымъ* собирателемъ Корана. Шіиты утверждаютъ, что Алій еще при жизни Мухаммеда собралъ воедино отрывки Корана, записанные на листьяхъ и лоскуткахъ шелковой матеріи, которые хранились подъ подушкой Мухаммеда. При этомъ Алій далъ, будто-бы, обѣтъ не выходить изъ дома, пока порученное ему дѣло не будетъ доведено имъ до конца. Другіе, болѣе умѣренные, разсказываютъ, что Алій собралъ Коранъ уже по смерти Мухаммеда, находился въ мирѣ съ первыми халифами и не домогался чести и власти, будучи занятъ столь богоугоднымъ дѣломъ. Но, очевидно, что мнѣніе шіитовъ сложилось не на основаніи дѣйствительнаго факта, а изъ тенденціи возвысить Алія надъ его предшественниками—Абу-Бекромъ, Омаромъ и Османомъ, которыхъ шіиты считаютъ узурпаторами халифата. Нольдеке считаетъ такое увѣреніе шіитовъ подозрительнымъ до смѣшного и противорѣчащимъ общемусульманскому вѣрованію.

Причины, вызвавшія первое собраніе Корана, продолжали существовать: число знатоковъ Корана постепенно уменьшалось, а въ то же время большая часть послѣдова-

---

[1]) По нѣкоторымъ преданіямъ, первые мусульмане и послѣ собранія Корана, сдѣланнаго Зяйдомъ, продолжали читать Коранъ наизусть, кто какъ запомнилъ.

телей Мухаммеда не столько заботились объ изученіи Корана, сколько мечтали о войнахъ и военной добычѣ. Какъ мало распространено было знаніе Корана между мусульманами перваго времени, видно изъ слѣдующаго преданія: „послѣ сраженія при Кадесіа, Омаръ написалъ военачальнику Саиду-бенъ-Аби Ваккасу, чтобы онъ подѣлилъ большіе остатки военной добычи между знатоками Корана. Исполняя приказаніе халифа, Саидъ позвалъ къ себѣ Амра-бенъ-Магди-бенъ-Кариба. Но когда пришелъ Амръ, то на вопросъ: въ какой степени онъ знаетъ Коранъ? отвѣчалъ, что сдѣлался мусульманиномъ въ Еменѣ и съ тѣхъ поръ почти все время провелъ въ священнай войнѣ, такъ что ему и некогда было заучивать Коранъ наизустъ. Саидъ ничего не назначилъ Амру изъ военной добычи. Потомъ пришелъ Биширъ изъ Таифа и на предложенный ему Саидомъ вопросъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ изъ Корана одно „Бисмиляги-р-рахмани-р-рахимъ“ [1]). Присутствовавшіе при этомъ разсмѣялись, и Биширъ также не получилъ ничего изъ военной добычи [2]).

Но были и такіе послѣдователи Мухаммеда, которые знали Коранъ и потому пользовались уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ. Къ такимъ лицамъ мусульмане относились съ довѣріемъ и часто предлагали имъ быть руководителями (имамъ) во время общественной молитвы. Таковъ, напримѣръ, былъ Муджаммигъ, молодой арабъ, служившій имамомъ у такъ-называемыхъ *лицемѣровъ*.

Во главѣ этой партіи стоялъ нѣкто Абу-Амръ, который еще до прибытія Мухаммеда въ Медину вѣрилъ въ

---

[1]) Т. е. «Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго». (Молитвенное обращеніе, которымъ начинается каждая глава Корана, кромѣ девятой главы).
[2]) Нольдеке 203, 204.

воскресеніе мертвыхъ, велъ аскетическую жизнь, носилъ покаянную одежду и за все это пользовался большимъ уваженіемъ. При первой встрѣчѣ съ Мухаммедомъ, Абу-Амръ спросилъ его: „Какой вѣрѣ ты учишь"? Мухаммедъ отвѣчалъ: „Я учу религіи Авраама". Абу-Амръ сказалъ: „И я слѣдую этой же религіи". Но Мухаммедъ отвѣтилъ: „Твоя вѣра—не религія Авраама". Абу-Амръ возразилъ; „Нѣтъ; я всегда исповѣдывалъ эту религію, а ты ввелъ новое ученіе, чуждое вѣрѣ Авраама, между тѣмъ, какъ я не выдумывалъ ничего новаго, а проповѣдую религію Аврамма въ ея совершенной чистотѣ".

Этотъ-то Абу-Амръ простеръ свои притязанія до того, что приказалъ построить для своихъ приверженцевъ особую мечеть, чтобы такимъ образомъ противодѣйствовать вліянію Мухаммеда. Когда же положеніе Мухаммеда упрочилось въ Мединѣ, тогда приверженцы Абу-Амра потеряли присутствіе духа и послали сказать Мухаммеду; „Мы построили мечеть для бѣдныхъ и нуждающихся, чтобы дать имъ убѣжище въ этой мечети въ ненастную погоду. Приходи къ намъ и освяти нашу мечеть своею молитвою". Мухаммедъ не повѣрилъ ихъ искренности и, призвавъ четырехъ приближенныхъ къ себѣ арабовъ, приказалъ имъ сжечь мечеть лицемѣровъ и разрушить ее до основанія... Но пока эта мечеть существовала, въ ней лицемѣры отправляли свое богослуженіе, и Муджаммигъ былъ въ ней имамомъ [1]). Въ правленіе Омара Муджаммигъ признался строгому халифу, что онъ былъ только орудіемъ своей партіи. Ибнъ-Исхакъ разсказываетъ: когда Омару донесли что Муджаммигъ былъ предстоятелемъ (имамомъ) на молитвѣ у Бену-Амръ бенъ-Ауфъ, то воскликнулъ: „Какъ!

[1]) Sprenger, 3,409.

Развѣ онъ не былъ *имамомъ лицемѣровъ* въ ихъ мечети"?! Тогда Муджаммигъ сказалъ: „Повелитель вѣрующихъ! Клянусь единымъ Богомъ, что мнѣ ничего не было извѣстно объ ихъ стремленіяхъ. Я былъ тогда молодымъ человѣкомъ и старался заучить наизусть поученія Корана, а они сами ничего не знали изъ священной книги и потому пришли ко мнѣ и просили меня быть у нихъ имамомъ. Я довѣрился ихъ предложенію и считалъ ихъ намѣренія совершенно чистыми..." Послѣ этого Омаръ позволилъ ему быть имамомъ у своего племени Бену-Амръ-бенъ-Ауфъ. Но Шпренгеръ замѣчаетъ по поводу этого преданія, что такъ обыкновенно разсказывается о первыхъ мусульманахъ; нѣкоторые біографы утверждаютъ даже, что Омаръ послалъ Муджаммига имамомъ въ Куфу.

Этотъ Муджаммигъ, когда былъ еще „имамомъ лицемѣровъ", собралъ очень большую часть изреченій Корана и послѣ того, какъ мечеть лицемѣровъ была разрушена по приказанію Мухаммеда, а приверженцы Муджаммига вынуждены были принять господствующее исповѣданіе, — продолжалъ еще обращать вниманіе на Коранъ и ко времени смерти Мухаммеда въ сборникѣ Муджаммига не доставало тольсо двухъ или трехъ главъ, а по другимъ преданіямъ—даже одной только главы Корана. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, замѣчаетъ Шпренгеръ, что Муджаммигъ былъ человѣкъ съ критическимъ направленіемъ и предпринялъ собираніе Корана съ цѣлью убѣдиться въ истинности или ложности стремленій Мухаммеда. Поэтому-то его сборникъ былъ единственнымъ сборникомъ, который могъ-бы оказать услугу редакціоннымъ работамъ позднѣйшаго времени, и хотя сборникъ этотъ былъ уничтоженъ въ правленіе Османа, все же онъ имѣлъ вліяніе на

Зайдовъ сборникъ. Отъ Муджаммига, при его пытливости и скептическомъ отношеніи къ личности пророка, не могли остаться незамѣченными тѣ изреченія, которыя самъ Мухаммедъ хотѣлъ предать забвенію.

Кромѣ Муджаммига, и нѣкоторые другіе благочестивые мусульмане занимались собираніемъ изреченій Корана, имѣя при этомъ единственное желаніе—знать наизустъ и обладать такой книгой, которую они называли *„фурканъ"*, т. е. спасеніе [1]). Но пока былъ живъ Мухаммедъ, никто изъ его послѣдователей не былъ обязанъ знать Коранъ наизустъ, потому что среди нихъ находился самъ проповѣдникъ Корана; послѣ же его смерти, мусульмане начали собирать отдѣльные отрывки священной книги: одни, какъ любители; другіе собирали только тѣ отрывки, которые были нужны имъ для чтенія во время богослуженія. Говорятъ также, что Салимъ, воспитанникъ Абу-Хузяйфы былъ первымъ собирателемъ Корана по смерти Мухаммеда и составилъ цѣлую книгу изъ отдѣльныхъ изреченій Корана. Но это мнѣніе основывается на единственномъ преданіи и потому не можетъ быть признано достовѣрнымъ. Впрочемъ Салимъ превосходилъ Абу-Бекра и Омара въ знаніи Корана и такъ хорошо могъ читать его, что самъ Мухаммедъ хвалилъ его. Извѣстно также, что Ибнъ-Масгудъ занимался собираніемъ Корана, а среди мединцевъ—Обайбенъ-Маликъ [2]), умѣвшій писать и состоявшій въ должности секретаря Мухаммеда. Онъ ввелъ нѣкоторыя особенности въ формѣ дѣловыхъ бумагъ, которыя сначала надписывались

---

[1]) Араб *„фурканъ"* буквально означаетъ различеніе т.е. истины отъ лжи, истиннаго богопочтенія отъ ложнаго.

[2]) Онъ именно предложилъ Мухаммеду бѣжать для спасенія изъ Мекки въ Медину.

„*Отъ Мухаммеда—такому-то*“, послѣ чего писался самый текстъ бумаги. Обай сталъ скрѣплять дѣловыя письма своею надписью: „*писалъ такой-то. сынъ такого-то*“. Въ каждые восемь дней Обай прочитывалъ весь Коранъ, и Мухаммедъ хвалилъ его за знаніе Корана. Сборники Ибнъ-Масгуда и Обая были въ обращеніи у мусульманъ въ правленіе Абу-Бекра и Омара.

Такимъ образомъ, по смерти Мухаммеда было нѣсколько сборниковъ Корана, которые отличались своими особенностями, касавшимися чтенія нѣкотоеыхъ мѣстъ, и потому руководители общественной молитвы (имамы разныхъ мѣстностей), имѣя въ рукахъ разные сборники, не сходились въ чтеніи однихъ и тѣхъ же стиховъ своей священной книги. Такое разногласіе было тѣмъ болѣе естественно, что собранный Зяйдомъ Коранъ не былъ еще обнародованъ. Поэтому скоро стали чувствовать потребность въ неотложномъ исправленіи дѣла. Въ большихъ городахъ, если кто и соблазнялся разностями въ чтеніи Корана, могъ еще какъ-нибудь разрѣшить свои недоумѣнія и сомнѣнія: въ такихъ городахъ были люди, знающіе Коранъ, которые могли разъяснить сомнѣнія спрашивающему. Совсѣмъ не то было въ провинціяхъ. Въ преданіи Ибнъ-Саида разсказывается, что Омаръ, во время своего управленія халифатомъ получилъ однажды отъ сирійскаго намѣстника письмо слѣдующаго содержанія: „Арабы умножились въ этой странѣ и наполнили собою города, но они не имѣютъ наставника въ религіи. Помоги мнѣ, повелитель вѣрующихъ, и пришли намъ учителей“. Омаръ призвалъ къ себѣ арабовъ, хорошо знавшихъ Коранъ, и спросилъ ихъ, хотятъ ли они отправиться въ Сирію. Двое изъ нихъ, Абу-Айюбъ и Обай отказались—первый по старости, а второй по

болѣзни, и въ Сирію отправились трое, именно: Абдъ-бенъ-Салманъ, который потомъ и остался тамъ; Мугаджъ, который отправился оттуда въ Палестину, и Абу-Дардъ, ушедшій въ Дамаскъ. И въ другія провинціи посланы были такіе же наставники въ вѣрѣ. Но если подобные люди, живя въ одномъ мѣстѣ, не согласовались въ чтеніи Корана, то, когда они разошлись по разнымъ странамъ, и разногласія въ чтеніи священной книги увеличились. Слѣдствіемъ этого было то, что Коранъ въ однихъ мечетяхъ читался такъ, а въ другихъ—иначе. Разности въ чтеніи нѣкоторыхъ стиховъ Корана замѣчались и при жизни Мухаммеда, но не могли оказывать тогда вреднаго вліянія на внутреннее развитіе ислама. Тогда, въ случаѣ нужды, самъ Мухаммедъ могъ возстановить правильное чтеніе извѣстнаго мѣста Корана, а теперь проповѣдникъ Корана уже безмолвствовалъ и не могъ ничего представить въ защиту истиннаго чтенія. Между тѣмъ, по поводу разногласій въ чтеніи Корана, могли возникнуть серьезные споры, которые чувствительно отозвались бы на религіозной жизни мусульманъ. Въ преданіи разсказывается, что во время войны съ Арменіею и Адербейджаномъ [1]), воины Ирака и Сиріи спорили изъ-за правильнаго чтенія Корана. Худайфа-бенъ-аль- Яманъ, находившійся въ то время при войскѣ и основательно опасавшійся повторенія подобнаго же спора, нашелся вынужденнымъ отправиться въ Медину и посовѣтывать тогдашнему халифу Осману предпринять новое полное и основательное собраніе Корана, чтобы тѣмъ устранить на будущее время возможность подобныхъ разногласій священнаго текста. Явившись къ халифу Осману,

---

[1]) По мнѣнію большинства, эта война относится къ 30-му году гиджры, и лишь одинъ Ибнъ-Хиджаръ относитъ ее къ 25-му году.

Худайфа сказалъ: „Повелитель вѣрующихъ! уничтожь это зло въ нашей религіи, прежде чѣмъ увеличатся спорныя мнѣнія относительно Корана и прежде чѣмъ эти споры уподобятся спорамъ іудеевъ и христіанъ". Халифу понравился этотъ совѣтъ, и онъ поручилъ это дѣло Зяйду-бенъ-Тсабиту и нѣкоторымъ корейшитамъ. Зяйдъ и корейшиты собрали и сличили всѣ существовавшіе тогда сборники Корана и въ основаніе новаго изданія положили собраніе Абу-Бекрово. Послѣ того, какъ новый списокъ Корана былъ готовъ, Османъ приказалъ всѣ прежніе экземпляры уничтожить [1]) Новые списки Корана Калифъ послалъ въ разныя провинціи, съ тѣмъ, чтобы они служили тамъ главнымъ руководительнымъ кодексомъ въ жизни послѣдователей Мухаммеда. И экземпляръ Хавсы, пощаженный халифомъ, недолго продолжалъ свое существованіе: вскорѣ послѣ того этотъ списокъ былъ уничтоженъ градоначальникомъ Медины, Мерваномъ.

Новая редакція Корана была предпринята Османомъ болѣе по политическимъ соображеніямъ, чѣмъ по религіознымъ, все равно кому бы ни принадлежала иниціатива дѣла, самому ли Осману, или Худайфѣ бенъ-аль-Яману. Новое изданіе Корана могло окончательно установить единство во всѣхъ отрасляхъ политико-религіозной жизни мусульманъ, что болѣе всего было нужно въ правленіе слабаго и со всѣхъ сторонъ преслѣдуемаго Османа. Что обнародованіе Османовскаго сборника вызвано было не однимъ только сознаніемъ нужды въ оффиціальномъ тек-

[1]) По однимъ преданіямъ, онъ приказалъ сжечь, а по другимъ, разорвать на клочки всѣ другіе сборники, кромѣ Абу-Бекрова, который былъ возвращенъ Хавсѣ. Очевидно, Османъ въ ея лицѣ сдѣлалъ исключеніе для вдовы Мухаммеда, дочери Омара, которому былъ много обязанъ. Хавса умерла въ 41—45 гг. гиджры (661—665 г. по Р Хр.).

стѣ Корана, но и политическимъ разсчетомъ, это допускаетъ и Ренанъ, говоря: „въ наше время Вейль держится того мнѣнія, что изданіе Османа не было чисто граматическою работой, какъ, вѣроятно, и утверждаютъ арабы, но несомнѣнно, что на это изданіе имѣла вліяніе и политика того времени“ [1]). Съ этой цѣлью Османовскіе списки Корана были распространены по всѣмъ провинціямъ, и чтобы единство въ законѣ не нарушалось существовавшими разностями въ другихъ спискахъ Корана, Османъ, очень невыгодно для позднѣйшей критики текста Корана, распорядился уничтожить всѣ другіе сборники, отличные отъ его изданія. Вѣроятно, подобную опасность предвидѣлъ и правитель Медины Мерванъ, когда рѣшилъ посягнуть даже на собственность вдовы Мухаммеда, Хавсы, хотя неизвѣстно, когда уничтоженъ былъ хранившійся у нея сборникъ, т. е. при жизни ея, или уже послѣ ея смерти

Нѣтъ сомнѣнія, что столь важное дѣло, какъ собраніе Корана, было предпринято съ согласія, по крайней мѣрѣ, многихъ старыхъ асхабовъ Мухаммеда, такъ какъ извѣстно, что ни одинъ халифъ не смѣлъ, при жизни асхабовъ предпринять что-нибудь важное безъ согласія многихъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не заподозрить въ тенденціозности, направленной къ выгодамъ Османа, другого преданія, по которому всѣ рѣшительно асхабы Мухаммеда, находившіеся тогда въ Мединѣ, одобрили Османовъ списокъ Корана и осудили на сожженіе всѣ остальные экземпляры его, и что Алій, будто бы, сказалъ, что и онъ поступилъ бы точно также, если бы былъ халифомъ. Важно при этомъ знать, кому поручилъ

---

[1]] Etudes, p. 292.

Османъ просмотръ своего списка. Если бы халифъ обращалъ вниманіе на людей, знающихъ Коранъ, то долженъ бы былъ поручить это дѣло главнымъ образомъ Ибнъ-Масгуду; но въ лицѣ Ибнъ-Масгуда халифъ встрѣтилъ бы упорнаго человѣка, который ни за что не захотѣлъ бы отступить отъ своего чтенія. Поэтому Османъ и не ввѣрилъ Ибнъ-Масгуду этого дѣла, а поручилъ главную работу тому Зяйду-Ибнъ-Тсабиту, который исполнялъ и первое собраніе Корана и который, притомъ, былъ приверженцемъ Оммаядомъ, держался на сторонѣ Османа, вооружался противъ его враговъ и былъ его казначеемъ. Зяйду, при такихъ отношеніяхъ, жилось хорошо, вслѣдствіе чего послѣ его смерти, послѣдовавшей въ правленіе Моавіи, въ 45 году Гиджры, осталось очень большое состояніе.

Въ этой *второй* редакціи Корана участвовали и другія лица, кромѣ Зяйда, но объ ихъ именахъ существуютъ различныя показанія. Обыкновенно, на основаніи преданія Анаса-бенъ-Малика, называютъ слѣдующихъ лицъ; Абдаллу-бенъ-аз-Зубаира, Саида-бенъ-аль-Аса, Абдуррахмана-бенъ-аль-Кариса-бенъ-Хишама. Изъ нихъ Саидъ-бенъ-аль-Асъ самъ происходилъ изъ рода Оммайядовъ и притомъ былъ любимцемъ стараго халифа, который съ величайшимъ трудомъ принудилъ себя уступить бурнымъ притязаніямъ куфійцевъ, требовавшихъ отъ Османа, чтобы онъ удалилъ Саида отъ управленія городомъ. Куфійцы ненавидѣли Саида за его скупость, или. вѣрнѣе, за бережливость, такъ какъ извѣстно, что онъ, напримѣръ, сократилъ содержаніе женамъ. Каждому, даже немного знакомому съ исторіей города Куфы, можетъ, по словамъ Нольдеке, [1]) показаться яснымъ, какъ не трудно было Саиду заслужить отъ

[1]) Geschichte des Qorans, S. 207, anm. 6. 7.

этихъ вѣчномятежныхъ людей подобное обвиненіе. Куфійцы ненавидѣли Саида и за его корейшитское происхожденіе, которое онъ всегда противопоставлялъ религіозному авторитету *старыхъ* асхабовъ Мухаммеда, между тѣмъ какъ самъ родился вскорѣ послѣ Гиджры и ему, слѣдовательно, тогда никакъ не могло быть и 30-ти лѣтъ.

Абдуррахманъ-бенъ-Харисъ-бенъ-Хишамъ происходилъ изъ знатнѣйшаго рода Бяну-Махзумъ и родился за 10 лѣтъ до смерти Мухаммеда; ему, слѣдовательно, во время изданія Османовскаго Корана было только 30 лѣтъ. А такъ какъ онъ былъ воспитанъ Омаромъ, то и можно полагать, что онъ былъ добрымъ мусульмининомъ. Принадлежалъ ли онъ къ партіи оммайядовъ,—не извѣстно, но одинъ разъ онъ высказался, какъ противникъ Алія.

Самымъ знаменитымъ сотрудникомъ при изданіи Османовскаго Корана былъ Абдалла-бенъ-аз-Зубаиръ. По возрасту онъ былъ почти равенъ своимъ товарищамъ, такъ какъ родился вскорѣ послѣ бѣгства Мухаммеда въ Медину. О его жизни до умерщвленія Османа многаго неизвѣстно; но изъ того, что онъ былъ сыномъ предводителя партіи, который позднѣе самъ выступалъ въ качествѣ претендента на халифатъ,—можно за вѣрное полагать, что онъ не принадлежалъ къ безусловнымъ приверженцамъ Оммайядовъ.

Преданіе Мукнига не упоминаетъ о Саидѣ-бенъ-аль-Асѣ, а вмѣсто него называетъ Абдаллу-бенъ-Амра-бенъ-аль-Аса, который родился почти за 5 лѣтъ до гиджры и который, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, принадлежалъ къ партіи Оммайядовъ. Вмѣстѣ съ этимъ Абдаллой называется другой Абдалла-бенъ-Аббасъ, который, какъ Хашимидъ, очевидно, поставленъ не на свое мѣсто и названъ только по своей извѣстности, какъ толковникъ Корана

Позднѣйшіе источники присоединяютъ къ этимъ четыремъ издателямъ Османовскаго сборника еще Убая-бенъ-Кагба, извѣстнаго знатока Корана, который имѣлъ свое собственное чтеніе и названъ здѣсь, вѣроятно, для того, чтобы показать, что въ Османовскомъ изданіи участвовали и другіе чтецы Корана, за исключеніемъ Ибнъ-Магсуда. Нольдеке считаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что Убайбенъ-Кагбъ умеръ до начала этого предпріятія, хотя преданія о его смерти разногласятъ. Такъ, напримѣръ, Аль-Вакиди слышалъ отъ своей семьи, что Убай умеръ въ 22-мъ году гиджры; другіе относятъ время его смерти къ 19-му или 20-му году, а нѣкоторые даже къ 30-му году гиджры, т. е. къ тому именно году, въ которомъ производилось второе изданіе Корана. Въ числѣ преданій о числѣ лицъ, участвовавшихъ въ изданіи Османова сборника, есть одно такое, которое насчитываетъ до 12 издателей. Имена ихъ однако неизвѣстны. Да и вообще невѣроятно, чтобы къ этому дѣлу было приставлено столько рабочихъ рукъ. Всѣмъ этимъ преданіямъ, разногласящимъ между собою, еще болѣе противорѣчитъ то преданіе, по которому Зяйдъ исполнилъ эту работу, при помощи только одного корейшита. Табари, кромѣ этого корейшита, называетъ еще только Абакъ-бенъ-Саида-бенъ-аль-Аса оммайяда. Есть также преданіе, по которому Османъ спросилъ будто бы асхабовъ Мухаммеда, кто изъ нихъ лучше понимаетъ по-арабски и кто лучше умѣетъ писать... Самымъ лучшимъ знатокомъ арабскаго языка былъ признанъ Саидъ-бенъ-аль-Асъ, а самымъ лучшимъ каллиграфомъ—Зяйдъ-бенъ-Тсабитъ. Поэтому первый диктовалъ текстъ Корана, а послѣдній писалъ. Но это преданіе, вѣроятно, было составлено уже въ позднѣйшее время и притомъ имѣло въ виду представить, что

Османовское изданіе Корана своимъ появленіемъ было болѣе обязано асхабамъ Мухаммеда, чѣмъ самому Осману. Нольдеке считаетъ невѣроятнымъ въ этомъ преданіи вопросъ Османа о томъ, кто лучше понимаетъ арабскій языкъ, какъ будто арабскій языкъ уже тогда былъ предметомъ изученія, и что одни понимали его лучше, чѣмъ другіе...

Изъ всѣхъ этихъ преданій самымъ достовѣрнымъ и самымъ вѣроятнымъ, по мнѣнію Нольдеке, должно быть признано то, которое называетъ четырехъ издателей Османова сборника. Самыя лучшія преданія утверждаютъ, что къ мединцу Зяйду присоединены были нѣкоторые молодые корейшиты, такъ какъ корейшитское нарѣчіе, на которомъ былъ обнародованъ Коранъ, было лучше извѣстно въ Аравіи и могло лучше сохраниться. Разсказываютъ также, что когда между этими корейшитами и Зяйдомъ возникъ споръ о томъ, какую орфографію они должны были соблюдать при письмѣ, то Османъ самымъ лучшимъ призналъ корейшитское письмо, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа: „Зяйдъ хотѣлъ написать слово *табутъ* съ конечнымъ *т* безъ точекъ, а прочіе его сотрудники настаивали на томъ, чтобы писать обыкновенное конечное *т* съ точками. Османъ высказался тогда за послѣдній способъ письма, какъ за корейшитскій". Но примѣръ этотъ выбранъ очень неудачно. Слово *табутъ*, по мнѣнію спеціалистовъ, не арабское, а было заимствовано у іудеевъ или христіанъ еще до Мухаммеда, и потому было въ высшей степени нелѣпо спорить о его корейшитской формѣ. Да и какъ могли спорить о такихъ тонкихъ различіяхъ въ діалектѣ, когда въ арабскомъ письмѣ гласныя и многія согласныя выражались такими несовершенными знаками, посредствомъ которыхъ они не могли быть точно переданы? Это возраженіе получаетъ еще

большое значеніе при представленіи столь незначительнаго отличія мединскаго нарѣчія отъ меккскаго, что не сохранилось никакихъ ясныхъ слѣдовъ этого отличія, и что даже знаменитые лингвисты всегда говорятъ только вообще объ одномъ хиджазскомъ нарѣчіи. Наконецъ, вообще нужно сказать, что споры о подобныхъ формахъ языка были совершенно не возможны или, покрайней мѣрѣ, не въ духѣ того времени. Этотъ разсказъ есть, поэтому, не болѣе какъ только попытка объяснить вопросъ, почему Коранъ былъ редактируемъ два раза. При этомъ главное вниманіе было направлено къ тому, чтобы доказать, что Абу-Бекрово собраніе Корана заключало въ себѣ чтенія на всѣхъ семи діалектахъ Аравіи, тогда какъ Османовскій сборникъ представлялъ только одно чтеніе, именно корейшитское, которому, по вѣрованію мусульманъ, слѣдовалъ и ангелъ Гавріилъ, когда въ послѣдній разъ повторялъ Коранъ Мухаммеду.

Всѣ, однако, преданія согласны въ томъ, что при Османовскомъ собраніи Корана былъ принятъ во вниманіе Абу-Бекровъ сборникъ, и нѣтъ основаній не довѣрять этому преданію. Тѣмъ болѣе сомнѣніе здѣсь неумѣстно, что въ настоящее время ничего не извѣстно объ особенностяхъ другихъ сборниковъ (если-ими и пользовались редакторы Османова сборника) и сколь далеко простиралось вниманіе собирателей къ этимъ другимъ сборникамъ, т. е. присоединяли ли они новыя мѣста къ Абу-Бекрову сборнику, и т. обр. исправляли Абу-Бековъ сборникъ сообразно съ другими экземплярами. Во всякомъ случаѣ главною цѣлью Османовскаго собранія Корана можно считать уничтоженіе всѣхъ другихъ списковъ Корана, или полное изъятіе ихъ изъ обращенія.

Редакціонная работа производилась безъ критическихъ пріемовъ, какъ утверждаетъ Вейль, а Нольдеке считаетъ лишнимъ и упоминать объ этомъ [1]). Таково, слѣдующее преданіе: „Когда начинали разногласить относительно стиховъ Корана и говорили: посланникъ Божій — благословеніе Божіе и миръ ему! читалъ ихъ такому-то, сыну такого-то, тогда рѣшали: если этотъ арабъ находился отъ Медины на три ночи пути, то посылали къ нему и, когда онъ приходилъ, спрашивали его: какъ посланникъ Божій — благословеніе Божіе и миръ ему — читалъ тебѣ вотъ то и вотъ то? и записывали, что онъ говорилъ"... Такимъ образомъ въ сборникъ Османа вошли всѣ стихи Корана, какіе онъ могъ собрать, а Зяйдъ и его товарищи придали Корану тотъ видъ, который существуетъ и доселѣ. Надъ каждой отдѣльной главой они надписали: *бисмиллягя*[2]), что введено было еще самимъ Мухаммедомъ и было выставлено надъ каждымъ записаннымъ отрывкомъ Корана. Только надъ девятой главой такой надписи не было и, вѣроятно, сознательно, потому что и всѣ другіе списки Корана того времени были безъ этой надписи.

Изъ представленной исторіи второго собранія Корана, исполненнаго въ правленіе третьяго халифа Османа, нельзя выводить положительнаго, несомнѣннаго заключенія о томъ, чтобы въ этомъ изданіи допущены были намѣренныя со стороны Османа поддѣлки и измѣненія нѣкоторыхъ мѣстъ. По крайней мѣрѣ, во всемъ томъ, что извѣстно объ этомъ изданіи, нельзя находить несомнѣнныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно бы было заключать о подобныхъ измѣненіяхъ. Современный текстъ Корана не можетъ предста-

---

[1]) S. 212.

[2]) Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго.

вить никакихъ доказательствъ ни за, ни противъ этого мнѣнія, потому что онъ существуетъ теперь въ единственной редакціи, приданной ему при Османѣ, а варіантовъ этого текста не сохранилось, такъ какъ всѣ другіе списки его, по приказанію Османа, были тщательно уничтожены. Такимъ образомъ современная критика этого текста можетъ находить только нѣкоторыя и притомъ чисто внѣшнія основанія для предположенія какихъ-либо измѣненій въ текстѣ Османовскаго сборника. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что при собраніи Корана Османъ руководился, кромѣ чисто религіозныхъ соображеній, и политическими: обнародованіемъ своего именно сборника Корана во всеобщее употребленіе халифъ хотѣлъ положить основаніе политическому единству своихъ подданныхъ. Изъ краткихъ свѣдѣній, касающихся лицъ, которымъ было поручено это собраніе, и ихъ отношеній къ интересамъ Османа, также видно, что они принадлежали къ его партіи, состояли въ довольно короткихъ отношеніяхъ съ халифомъ; а изъ этого можно заключить, по крайней мѣрѣ, о возможности осуществленія предполагаемыхъ измѣненій самаго текста Корана. (Если бы Османъ имѣлъ это въ виду, то люди, приставленные имъ къ этой работѣ, могли-бы безприкословно исполнять его малѣйшія желанія). Но извѣстно также, что одинъ изъ издателей Османовскаго Корана, именно Аз-Зубаиръ менѣе всего былъ склоненъ къ какимъ бы то ни было уступкамъ въ этомъ случаѣ. Говорятъ, нужно имѣть въ виду ту всестороннюю зависимость, въ которой старый халифъ находился отъ своихъ непомѣрно-честолюбивыхъ родственниковъ, которые многократно побуждали его ради ихъ интересовъ нарушать предписанія Мухаммеда; но и при такой зависимости Османа отъ своихъ родственниковъ,

представляются невозможными умышленныя искаженія Корана, такъ какъ нѣтъ прямыхъ, фактическихъ доказательствъ на допущеніе подобнаго предположенія.

Только шіиты представляютъ доказательства въ подтвержденіе такого мнѣнія; но на ихъ показанія, какъ на показанія враговъ Абу-Бекра и Омара, полагаться строго не возможно. Хотя шіиты никогда не читали въ Коранѣ о томъ, что Алій и его потомство удостоились, будто-бы, особенной святости; несмотря на то, они все-таки обвиняютъ своего врага халифа Османа въ томъ, что онъ измѣнилъ или даже совсѣмъ уничтожилъ тѣ мѣста въ Коранѣ, какія относились къ Алію и его дому. Такъ они утверждаютъ, что въ Коранѣ много разъ будто бы были укоряемы такъ-называемые *ансары*, т. е. тѣ мединцы, которые помогали Мухаммеду бѣжать изъ Мекки, и *мугаджиры*, т. е. тѣ мекканцы, которые бѣжали вмѣстѣ съ Мухаммедомъ изъ Мекки въ Медину,—но что Абу-Бекръ или Османъ все это тщательно изгладили.

Шіиты разсказываютъ также смѣшную басню о томъ, что Алій представилъ будто-бы Абу-Бекру свой совершенно полный Коранъ, чтобы тотъ не имѣлъ никакого оправданія на будущемъ судѣ, но Абу-Бекръ рѣшилъ умертвить его и т. п.

Но всѣ подобнаго рода разсказы и предположенія ложны, въ чемъ, по словамъ Нольдеке, не можетъ быть ни у кого сомнѣнія. Тѣ мнимыя преимущества Алія и аліидовъ, какія имъ приписываютъ шіиты, имѣютъ своимъ источникомъ не духъ ислама, съ которымъ они стоятъ скорѣе въ прямомъ противорѣчіи, а нѣчто другое. Кто представитъ себѣ авторитетъ Мухаммеда, какимъ онъ поль-

зовался при своей жизни, тотъ не станетъ отрицать, что если-бы Мухаммедъ хотя бы даже единственный разъ упомянулъ о правахъ Алія, то никакая интрига не могла бы тогда лишить его непосредственнаго наслѣдованія Мухаммеду въ халифатѣ. Нольдеке не сомнѣвается поэтому въ томъ, что халифатство Абу-Бекра и затѣмъ Омара было совершенно согласно съ мыслями Мухаммеда.

Вѣрнѣе или точнѣе слѣдовало бы сказать, что халифатство первыхъ трехъ (а особенно двухъ) халифовъ было, по крайней мѣрѣ, не противно мыслямъ Мухаммеда, который, умирая, не высказалъ ничего о томъ, кому именно должно было наслѣдовать его власть. И если бы въ Коранѣ дѣйствительно было много такихъ мѣстъ, въ которыхъ говорилось объ Алiѣ и его преимуществахъ предъ всѣми людьми, то возможно ли было бы представить себѣ, чтобы ансары и мугаджиры, въ рукахъ которыхъ находился выборъ перваго халифа, не обратили своего вниманія на эти стихи и не подумали бы объ Алiѣ? Авторъ сочиненія Мабани, писаннаго противъ шіитовъ, возражаетъ противъ обвиненій, возводимыхъ шіитами на Абу-Бекра и Османа такимъ образомъ: если Алій не имѣлъ силы воспрепятствовать Абу-Берку и Осману въ уничтоженіи или измѣненіи столькихъ мѣстъ въ Коранѣ, то почему же онъ никогда не упомянулъ объ этомъ, особенно послѣ того, какъ самъ сдѣлался халифомъ?

Равнымъ образомъ ложно и то, что изъ Корана будто бы были выброшены выраженія, въ которыхъ обличаются ансары и мугаджиры въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ, тогда какъ подобныя обличенія сохранились въ значительномъ количествѣ и въ современномъ Коранѣ, напримѣръ въ 3-й главѣ. Обличенія эти касаются лицемѣ-

ровъ за то именно, что они уклонялись идти съ Мухаммедомъ на войну. Вообше въ мединскихъ главахъ Корана часто порицаются лицемѣры, и эти обличенія представляютъ почти единственныя мѣста, гдѣ Мухаммедъ говоритъ съ одушевленіемъ, подобнымъ тому, какое замѣчается въ мекккскихъ главахъ.

Самымъ же сильнымъ возраженіемъ противъ представленнаго шіитскаго мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что сами шіиты признаютъ Османовскій текстъ Корана священнымъ и употребляютъ его для своихъ молитвъ такъ же, какъ и сунниты. Чтобы выпутаться изъ этого явнаго противорѣчія, шіиты допускаютъ очень странную гипотезу, по которой Алій и его послѣдователи (12 имамовъ) владѣли дѣйствительно неиспорченнымъ Кораномъ, но потомъ скрыли его,—Богъ лучше знаетъ почему,—и только послѣдній имамъ, (представляющій собой нѣчто въ родѣ Мессіи), котораго ожидаютъ шіиты, именно Аль-Магди-Аль-Касимъ объявитъ текстъ этого неиспорченнаго Корана, когда появится на землѣ, предъ кончиною міра....

Для подтвержденія своихъ предположеній, шіиты пользуются также и подлинными преданіями, которыя, однако, они всегда толкуютъ въ шіитскомъ смыслѣ. Такимъ образомъ шіиты о всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Корана, которыя, по нѣкоторымъ преданіямъ, считаются затерянными, утверждаютъ, что эти мѣста относятся къ Алію, и такихъ мѣстъ насчитываютъ до 500.

Въ 98 главѣ Корана, которая и нѣкоторыми суннитскими преданіями признается укороченною противъ своего первоначальнаго вида,—шіиты предполагаютъ опущенными имена 70-ти мужчинъ-корейшитовъ съ именами ихъ отцовъ. Сюда же относится, вѣроятно, и слѣдующее преданіе: „Ска-

залъ Ибнъ-Аббасъ: Богъ Всевышній ниспослалъ откровеніе о 70 мужахъ изъ лицемѣровъ съ именами ихъ и съ именами ихъ отцовъ, потомъ отмѣнилъ перечисленіе именъ по милости къ вѣрующимъ, чтобы нѣкоторыми изъ нихъ не были измѣнены имена, такъ какъ дѣти ихъ (т. е. лицемѣровъ, обличаемыхъ въ Коранѣ) были вѣрующіе". Первая часть этого преданія, въ которой говорится объ откровеніи Мухаммеду и въ которой упомянуты 70 именъ, по мнѣнію Нольдеке, есть шіитская выдумка, а вторая половина, въ которой высказываются объясненія отмѣны уже ниспосланныхъ стиховъ, носитъ на себѣ характеръ суннитскаго толкованія. Шіиты думаютъ, что упоминаемые въ обоихъ приведенныхъ толкованіяхъ 70 корейшитовъ были именно предводителями той мусульманской партіи, которая мѣшала Алію достигнуть халифата.

Омара и Абу-Бекра шіиты называютъ лицемѣрами и потому, по взгляду шіитовъ, къ нимъ должны быть отнесены многія другія мѣста Корана, въ которыхъ идетъ рѣчь о лицемѣрахъ. Но такой взглядъ опровергается всѣми данными изъ первоначальной исторіи ислама. Кто знаетъ, что Омаръ и Абу-Бекръ были главными приверженцами Мухаммеда, тотъ никакъ не повѣритъ шіитскому предположенію о такомъ несообразномъ фактѣ, о такихъ укоризнахъ Омару и Абу-Бекру еще въ Коранѣ. Если бы здѣсь и разумѣлись дѣйствительные лицемѣры, то имена ихъ все-таки не были упомянуты Мухаммедомъ. И никто не повѣритъ тому предположенію, чтобы Абу-Бекръ, въ угоду лицемѣрамъ, допустилъ подобный подлогъ въ Коранѣ. А объ Османѣ прямо извѣстно, что онъ съ мединцами находился не въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ, чтобы сдѣлать для нихъ нѣчто подобное. Предположеніе о сущест-

вованіи въ Коранѣ особаго отрывка, въ которомъ будто бы были упомянуты имена 70 лицемѣровъ, представляется невѣроятнымъ уже и потому, что, за весьма рѣдкими исключеніями, не въ обычаѣ Мухаммеда было называть въ Коранѣ по именамъ тѣхъ людей, къ которымъ относились извѣстные стихи. Въ Коранѣ дѣйствительно находятся два исключенія изъ этого общаго правила: въ 33-й главѣ, именно въ 37 ст., говорится между прочимъ: „Когда Зяйдъ исполнилъ свое желаніе, тогда Мы (Богъ) сочетали тебя съ нею, чтобы на вѣрующихъ не было грѣха жениться на женахъ своихъ пріемышей послѣ развода съ ними". Здѣсь Зяйдъ названъ по имени по особенной важности для Мухаммеда описываемаго въ этомъ стихѣ факта: Мухаммедъ незаконно завладѣлъ женою своего пріемыша и, для устраненія соблазна, какой возникъ вслѣдствіе этого между его послѣдователями, онъ долженъ былъ прямо и ясно разсказать, что самъ Богъ позволилъ ему взять жену Зяйда.

Точно также въ 111-й главѣ въ 1 ст. говорится: „Да погибнутъ руки Абу-Ляхаба и да погибнетъ онъ самъ!" Здѣсь названъ дядя Мухаммеда, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ его, между тѣмъ какъ другіе ненавистники—Абу-Софьянъ, Абу-джахль и пр. въ Коранѣ не поименованы.

Если же, наконецъ, и допустить, что первоначально въ Коранѣ были дѣйствительно названы по имени 70 корейшитовъ-лицемѣровъ вмѣстѣ съ ихъ отцами, тогда кажется страннымъ умолчаніе Корана объ именахъ тѣхъ іудеевъ, съ которыми Мухаммедъ находился въ очень ожесточенной борьбѣ и которыми послѣ не интересовался даже ни одинъ послѣдователь Мухаммеда настолько, чтобы оказать имъ такую любезность, т. е. чтобы вспомнить ихъ

имена и имена ихъ отцовъ. Также возникаетъ вопросъ, почему въ Коранѣ ни разу не упоминаются Абу-Бекръ съ его приверженцами, если они дѣйствительно были врагами Мухаммеда, или лицемѣрами? Или: если Абу-Бекръ рѣшился выпустить изъ Корана имена этихъ 70 лицемѣровъ, то почему онъ не выпустилъ и имени Абу-Ляхаба и почему нигдѣ не вставилъ своего имени въ благопріятномъ смыслѣ? Вѣдь, нужна большая смѣлость, чтобы вычеркнуть изъ текста имена 70 мужей вмѣстѣ съ именами ихъ отцовъ!...

Насчитывая такъ много мѣстъ въ Коранѣ, уничтоженныхъ будто-бы Османомъ и еще прежде Абу-Бекромъ, шіиты утверждаютъ также, что 9-я глава въ теперешнемъ ея видѣ не имѣетъ и четвертой доли противъ прежней ея величины. Точно также о 24-й главѣ шіиты говорятъ, что прежде она имѣла болѣе 100 стиховъ, тогда какъ теперь въ ней только 64 стиха, а глава 15, по ихъ мнѣнію, имѣла 190 стиховъ, тогда какъ теперь въ ней только 90 стиховъ.

Если, такимъ образомъ, въ османовскомъ текстѣ Корана недостаетъ, по мнѣнію шіитовъ, столь многихъ стиховъ, или же, если многіе стихи Корана были измѣнены Абу-Бекромъ и Османомъ, то является естественный вопросъ: какой смыслъ въ этихъ стихахъ, о чемъ въ нихъ говорилось? Можно a priori отвѣтить, что во всѣхъ подобныхъ стихахъ говорилось объ Аліѣ, о 12 имамахъ, бывшихъ послѣ него и объ ихъ врагахъ. Главная мысль всѣхъ этихъ стиховъ высказана имамомъ Абу-Абдаллахомъ: „Если бы ты читалъ Коранъ такъ, какъ онъ былъ ниспосланъ, то нашелъ бы въ немъ названными по имени насъ, т. е. имамовъ изъ рода Алія“.

Не довольствуясь предположеніями объ уничтоженіи

или измѣненіи отдѣльныхъ стиховъ въ Коранѣ, шіиты утверждаютъ еще, что Османъ выпустилъ изъ Корана цѣлую главу *„Два свѣтила"* которая будто-бы главнымъ образомъ относилась къ Алію [1]). Но такое предположеніе не согласно съ духомъ Корана: Алій поставленъ въ этой главѣ на одинаковую степень съ Мухамедомъ, такъ какъ оба они называются *„свѣтилами"*, при помощи которыхъ люди читаютъ знаменія Божія; между тѣмъ въ Коранѣ ясно высказано ученіе, что Мухаммедъ *одинъ* былъ посредникомъ между Богомъ и людьми въ наученіи ихъ истинѣ.

Казембекъ обратилъ особенное вниманіе на то, что изъ подражанія тексту Корана, авторъ подложной главы бралъ для своей главы отдѣльныя выраженія Корана, не обращая вниманія на ихъ смыслъ. Стихи этой главы очень кратки и въ нихъ говорится, чтобы Мухаммедъ терпѣливо сносилъ причиняемыя ему оскорбленія. По этимъ признакамъ, новая глава должна была появиться въ Меккѣ. Но съ другой стороны въ ней встрѣчаются выраженія: *„о вы, которые вѣруете!"* и *„о пророкъ!"* и особенно—по характеру всего ея содержанія, какое могло быть только въ мединскихъ главахъ,—она должна быть отнесена къ мединскому періоду проповѣднической дѣятельности Мухаммеда [2]).

Когда появилась эта глава,—никто изъ ученыхъ не рѣшилъ этого вопроса. Можно только замѣтить при этомъ, что выраженіе „Два свѣтила", служащее заглавіемъ для этой

---

[1]) Эта глава въ первый разъ была обнародована въ майской книжкѣ *Journal Asiatiq* 1842 года французскимъ академикомъ Гарсенъ-де-Тасси, а потомъ въ исправленномъ видѣ издана была Казембекомъ въ 1843 году, въ декабрьской книжкѣ того же журнала. Казембекъ назвалъ эту главу слабымъ подражаніемъ Корану со стороны какого-нибудь фанатическаго шіита. И Нольдеке не сомнѣвается въ томъ, что эта глава была составлена долго спустя послѣ смерти Мухаммеда.

[2]) Подлинный текстъ главы съ переводомъ на русскій языкъ напечатанъ г. Саблуковымъ въ соч. «Свѣдѣнія о Коранѣ» и пр. на стр. 365—368.

главы, по замѣчанію Казембека, отлично хорошо знакомаго съ шіитской литературой, не встрѣчается ранѣе первыхъ вѣковъ Гиджры, въ смыслѣ указанія на Мухаммеда и Алія.

Вейль, въ „Исторіи халифовъ“ прямо говоритъ, что Османъ умышленно уничтожилъ тѣ мѣста Корана, въ которыхъ Мухаммедъ рѣзко обличилъ фамилію Османа, но въ подтвержденіе своего мнѣнія не приводитъ ни одного доказательства. Между тѣмъ въ самомъ же Коранѣ, изданномъ Османомъ, есть доказательства противнаго. Такъ въ 49 гл. 6 ст. говорится: „Вѣрующіе! Если какой-нибудь неправдивый человѣкъ принесетъ вамъ какое-нибудь извѣстіе, вы постарайтесь узнать, достовѣрно-ли оно, чтобы не оставить кого-нибудь въ невѣдѣніи и чтобы вамъ не раскаяться въ вашемъ поступкѣ“. Этотъ стихъ направленъ противъ Османова родственника Аль-Валида-бенъ-Икба. Почему же спрашивается, Османъ оставилъ безъ измѣненія и не уничтожилъ такого явнаго упрека оммайядамъ, если онъ вообще искажалъ Коранъ? Вейль не ограничивается этимъ нареканіемъ и утверждаетъ еще, что Османъ большую часть Корана уничтожилъ. Утвержденіе свое онъ основываетъ на слѣдующихъ словахъ возмутившихся противъ Османа мусульманъ: „Коранъ состоялъ изъ книгъ (или буквально: Коранъ былъ *книги*), но Османъ оставилъ только *одну* книгу“. Но эти слова, по мнѣнію Нольдеке, гораздо правильнѣе нужно понимать, какъ жалобу на то, что Османъ привелъ къ единству не только разныя части Корана, но и самое чтеніе священнаго текста, такъ какъ до него Коранъ не имѣлъ ни того, ни другого единства. Жалоба эта касалась собственно уничтоженія разныхъ списковъ Корана, какъ это видно изъ слѣдующаго преданія, въ которомъ

Османъ оправдывается противъ возводимаго на него нареканія. Онъ говоритъ: „Я сжегъ Коранъ. Я это сдѣлалъ потому, что небольшіе отрывки его находились въ рукахъ разныхъ людей, причемъ каждый говорилъ: „*Мой Коранъ самый лучшій*". Потому я собралъ всѣ отрывки вмѣстѣ, длинныя главы поставилъ напередъ, среднія въ середину, а малыя отнесъ на конецъ; всѣ главы Корана я привелъ въ порядокъ и передалъ ихъ вѣрующимъ; а тѣ части Корана, которыя находились въ рукахъ у нихъ, я отобралъ и сжегъ"... Изъ этихъ словъ самого Османа видно, что онъ ничего изъ текста Корана не уничтожалъ. И тотъ фактъ, что всѣ мусульмане безъ противорѣчія приняли Коранъ, изданный Османомъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу Османа. Изъ добровольнаго и всеобщаго согласія на принятіе редактированнаго Корана можно заключить, что османовскій текстъ былъ такъ полонъ, какъ только можно было того ожидать. Къ этому нужно прибавить, что если бы Османъ измѣнилъ многія мѣста, то нашлись бы люди, которые на память воспроизвели бы подлинныя мѣста, хотя бы даже были сожжены всѣ экземпляры Корана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что во время Османа мусульмане гордились знаніемъ Корана и, оказывая преимущество молодому Зайду, они оскорбили Ибнъ-Мас'уда, въ лицѣ котораго имѣли бы самую лучшую опору, если бы онъ отыскалъ какое-нибудь противорѣчіе въ Коранѣ, а тѣмъ болѣе, еслибы нелюбимый народомъ халифъ что-нибудь умышленно измѣнилъ или даже совсѣмъ уничтожилъ. А Ибнъ-Мас'удъ, какъ уже было замѣчено, потому и не призванъ былъ къ этой работѣ, что отличался своимъ упорствомъ.

Изъ всего, что до сихъ поръ было сказано по поводу предполагаемыхъ измѣненій въ текстѣ Корана, можно притти къ заключенію, что нареканія, какія со всѣхъ сторонъ сыпались на Османа за его редакцію Корана, несправедливы и что, напротивъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что османовъ сборникъ содержалъ въ себѣ полностью весь матеріалъ, какой онъ только могъ собрать.

Говоря объ османовскомъ сборникѣ, нельзя не упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ, которые нѣсколько отличались отъ османовскаго. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ сборникъ Убая-бенъ-Кагба и сборникъ только-что упомянутаго Ибнъ-Мас'уда. О сборникѣ Убая шіиты разсказываютъ, что его экземпляръ былъ гораздо болѣе сходенъ со сборниками ихъ имама, чѣмъ сборникъ Османа. Различіе убаевскаго сборника отъ османовскаго состояло въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частностяхъ. Убай, напримѣръ, соединялъ 105 гл. вмѣстѣ съ 106 гл. Подобныя уклоненія, конечно, отличаютъ эти два сборника между собою, но въ главномъ и существенномъ они сходны. Если вѣрить преданіямъ, то Убай и Ибнъ-Мас'удъ составляли свои сборники, имѣя въ основаніи тѣ-же самые матеріалы, надъ которыми трудились и редакторы Османа. Болѣе-же существенное различіе убаевскаго Корана отъ османовскаго состоитъ въ томъ, что въ убаевскомъ сборникѣ находятся двѣ почти совершенно неизвѣстныя главы *), текстъ которыхъ былъ опубликованъ Гаммеромъ. Гаммеръ считалъ эти главы простыми молитвами, и онѣ дѣйствительно нерѣдко встрѣчаются въ руко-

---

*) Такъ называемыя „*Суратуль-канутъ*" См. у Нольдеке. стр. 228.

писныхъ коранахъ, что ввело въ заблужденіе и Нольдеке, который также нѣкоторое время считалъ ихъ молитвами позднѣйшаго происхожденія. Но хотя объ этихъ главахъ и не упоминается нигдѣ въ древнѣйшихъ источникахъ, каковы, наприм., различные сборники преданій, всетаки-же о нихъ упоминается гораздо чаще, чѣмъ это могло-бы быть въ томъ случаѣ, если-бы онѣ имѣли позднѣйшее происхожденіе. Самая древняя книга, въ которой Нольдеке встрѣтилъ упоминаніе о нихъ, была книга Омара бенъ-Мухаммада-бенъ-Абдулъ-Кафи, жившаго въ пятомъ столѣтіи гиджры. Въ сочиненіи Мабани цитируется начало первой изъ этихъ главъ, а въ толкованіи на Коранъ Замахшари (гл. 10, ст. 10) цитируется начало второй главы.

Въ сочиненіи „Иткянъ" находятъ очень много преданій объ этихъ главахъ, и потому происхожденіе ихъ должно быть отнесено къ довольно раннему времени. Но при всемъ томъ никакъ нельзя допустить, чтобы эти молитвы получили свое начало отъ Мухаммеда, потому что въ немногихъ стихахъ находится много словъ, неупотребительныхъ въ Коранѣ, и самая конструкція въ сравненіи съ Кораномъ также малоупотребительна. А всего этого простою случайностью объяснить нельзя, и эти главы не легко признать кораническими главами. Но такъ какъ объ этомъ много разъ говорится въ преданіяхъ разныхъ современниковъ Мухаммеда, то необходимо признать, что онѣ уже во время современниковъ (асхабовъ) Мухаммеда были признаваемы главами Корана, а позднѣйшіе мусульманскіе писатели прямо уже считали ихъ откровенными отрывками Корана. Есть также преданіе, которое относитъ появленіе этихъ главъ къ тому времени, когда Мухаммедъ проклялъ племя Муджръ словами, заключающимися въ 3 гл. 123 ст.

Сборникъ Ибнъ-Мас'уда болѣе всего отличается отъ османовскаго сборника тѣмъ, что въ немъ совсѣмъ были опущены 113, 114 и 1 гл., а всѣ прочія главы были поставлены нѣсколько въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ сборникѣ Османа. Это произошло, безъ сомнѣнія, потому, что въ то время, когда Ибнъ-Мас'удъ собиралъ свой коранъ. ему не были извѣстны эти главы, а особенно 1-я, а потому онъ и послѣ не внесъ ихъ въ свой сборникъ, такъ какъ онѣ по характеру своему разнились отъ всѣхъ прочихъ главъ.

Приписывая собираніе Корана также Алію, нѣкоторыя преданія утверждаютъ, что въ его экземплярѣ главы были расположены хронологически: 96, 74, 68, 73, 111, 81 и т. д. Но это преданіе по своей единичности не заслуживаетъ большого довѣрія. Можетъ быть, оно имѣло своею цѣлью дать объясненіе хронологическому списку главъ, приписываемому именно Алію.

Сборникъ Гавсы отличается отъ османовскаго также своеобразнымъ размѣщеніемъ главъ, а въ нѣкоторыхъ, наконецъ, сборникахъ гл. 73 и 74, какъ сходныя по своему содержанію, были соединяемы вмѣстѣ. Но всѣ эти различные экземпляры Корана перваго времени ислама, отличавшіеся другъ отъ друга каждый какими-нибудь особенностями утратили свое значеніе вмѣстѣ съ изданіемъ османовскаго сборника, въ которомъ собранъ весь Коранъ и всѣ части приведены къ единству, по крайней мѣрѣ въ чтеніи и раздѣленіи на главы. Такимъ образомъ, Османъ придалъ окончательный видъ тексту его, и тѣмъ услужилъ исламу; опасаясь въ тоже время могущихъ произойти разнорѣчій относительно священнаго текста, онъ приказалъ уничтожить всѣ остальные списки Корана и тѣмъ въ выс-

шей степени повредилъ критикѣ, лишивъ ее возможности дѣлать заключенія о томъ или другомъ мѣстѣ Корана.

Все сказанное о собраніи Корана, какъ Абу-Бекровомъ, такъ и Османовомъ, сводится къ увѣренности въ подлинности того и другого, къ согласію изданнаго текста съ оригиналомъ, оставшимся послѣ Мухаммеда въ рукахъ его послѣдователей; мнѣнія же объ отступленіяхъ этого текста отъ оригинала объясняются преимущественно враждою къ Абу-Бекру и Осману ихъ противниковъ. Европейскіе авторы до Нольдеке односторонне смотрѣли па предметъ и слишкомъ слѣдовали работамъ своихъ предшественниковъ.

Османовскій сборникъ Корана, совершенно законченный и списанный въ нѣсколькихъ экземплярахъ, былъ разосланъ халифомъ въ разные города новаго мухаммеданскаго государства. Этимъ распоряженіемъ халифа и начинается собственно достовѣрная исторія текста Корана, какъ замѣчаетъ объ этомъ Нольдеке [1]). Османъ послалъ свой Коранъ въ извѣстные именно города, имѣя при этомъ въ виду особенныя цѣли, какъ это видно изъ преданія Анаса-бенъ-Малика: „Османъ, – да будетъ онъ угоденъ Богу, — послалъ Коранъ (масхафъ) въ каждую армію мусульманъ". Такое распоряженіе халифа совершенно понятно, если принять во вниманіе, что именно въ мусульманскомъ войскѣ возникъ прежде всего споръ о разностяхъ въ текстѣ Корана: для устраненія на будущее время подобныхъ споровъ, Османъ и разослалъ экземпляры только-что собраннаго и утвержденнаго текста Корана въ главныя квартиры своего войска, которое образовало тогда главную силу

1) S. 274.

ислама и въ которомъ находились тогда старые сподвижники Мухаммеда.

Соглашаясь въ этомъ главномъ показаніи, мухаммеданскія преданія разногласятъ о числѣ самыхъ городовъ, въ которыхъ находились тогда главныя квартиры войска. Различныя преданія насчитываютъ неодинаковое число этихъ городовъ. Такъ, кромѣ главнаго города новооснованнаго государства—Медины, въ которой халифъ оставилъ одинъ экземпляръ Корана, большинство преданій упоминаютъ еще о главныхъ городахъ Ирака—Куфѣ и Басрѣ и главномъ городѣ Сиріи—Дамаскѣ. Нѣкоторыя преданія присоединяютъ еще Мекку къ названнымъ городамъ, но Нольдеке считаетъ невѣроятнымъ, чтобы имя священнаго города было забыто въ другихъ преданіяхъ, если-бы на самомъ дѣлѣ *пятый* экземпляръ Корана былъ приготовленъ и посланъ Османомъ. Можетъ быть, преданія упоминаніемъ Мекки хотѣли сгладить необычайность того факта, что почитаемый всѣми мусульманами священный городъ былъ не почтенъ халифомъ, не давшимъ ему особаго экземпляра Корана.

Фактъ этотъ дѣйствительно можетъ казаться страннымъ, но не должно забывать, что споры о Коранѣ впервые возникли именно между сирійскими и иракскими войсками и что, слѣдовательно, Османъ прежде всего хотѣлъ подавить волненіе въ самомъ, такъ сказать, центрѣ. А о Меккѣ онъ могъ, если не забыть, то, по крайней мѣрѣ, не безпокоиться, не предполагая тамъ ничего опаснаго въ отношеніи спорныхъ взглядовъ на Коранъ. Притомъ не нужно забывать, что знатоки Корана, между которыми только и возможны были споры о различныхъ выраженіяхъ и формахъ его, находились не въ Меккѣ, а въ Мединѣ, считавшейся центромъ государственной жизни ислама, гдѣ про-

должали жить вдовы Мухаммеда въ томъ числѣ Хавса— хранительница перваго Абу-Бекрова сборника, и асхабы Мухаммеда, гдѣ наконецъ, жили сами халифы, представители Мухаммедовой власти. Естественно было поэтому Осману оставить одинъ экземпляръ Корана именно въ Мединѣ, гдѣ халифъ жилъ самъ и гдѣ, слѣдовательно, Коранъ былъ нуженъ для самыхъ разнообразныхъ потребностей въ жизни мусульманъ, какъ единственный священный кодексъ, къ которому должны были обращаться правители, какъ къ «своду законовъ». А Мекка такой надобности въ Коранѣ не имѣла: тамъ не было знатоковъ Корана, тамъ не было такой нужды въ Коранѣ для правительственныхъ цѣлей; наконецъ, въ Меккѣ нельзя было предполагать опасныхъ споровъ изъ-за Корана. Если-же такимъ образомъ не кажется невѣроятнымъ лишеніе Мекки особаго экземпляра Корана, то тѣмъ съ большею вѣроятностью можно, говоритъ Нольдеке, почесть благочестивою выдумкою мусульманъ и преданіе о томъ, что будто особые экземпляры Корана, были посланы въ Еменъ и Бахраинъ. Объ этихъ предполагаемыхъ экземплярахъ Корана одинъ мухаммеданскій толковникъ замѣтилъ, говоря: „Нѣтъ извѣстій объ этихъ экземплярахъ“. Прибавленіе къ несомнѣннымъ *четыремъ* экземплярамъ Корана еще *трехъ* другихъ списковъ не можетъ быть объяснено иначе, какъ стремленіемъ мекксихъ ученыхъ выставить на видъ число *семь*, которое играетъ такую видную роль въ исторіи текста Корана. Мусульманскіе ученые говорятъ о различныхъ и притомъ *семи* именно діалектахъ, на которыхъ былъ ниспосланъ первоначально Коранъ, но что въ послѣдній годъ Мухаммедовой жизни Ангелъ Гавріилъ повторилъ Коранъ на *одномъ*, именно корейшитскомъ, нарѣчіи.

Въ извѣстномъ у мусульманъ арабскомъ лексиконѣ «*Камусъ*» говорится, что Коранъ былъ ниспосланъ на *семи* діалектахъ. Позднѣе въ средѣ мусульманскихъ ученыхъ появилась и стала господствовать особая теорія о такъ-называемыхъ *семи* чтеніяхъ Корана. Для обоснованія вѣрованія относительно семи діалектовъ первоначальнаго Корана и позднѣйшей теоріи о *семи* чтеніяхъ Корана и возникло, какъ думаетъ Нельдеке,—преданіе о *семи* экземплярахъ Корана, разосланныхъ Османомъ въ разные города мухаммеданскаго государства. Наконецъ, есть еще мнѣніе, что, кромѣ мединскаго экземпляра Корана, было семь другихъ списковъ, такъ что всѣхъ первоначальныхъ списковъ насчитывается уже *восемь*, но этому мнѣнію Нольдеке не придаетъ значенія.

Изъ первыхъ четырехъ экземпляровъ Корана, *мединскій* считается оригинальнымъ и называется *имамомъ*. Также очень распространено мнѣніе о томъ, что этотъ экземпляръ Корана былъ переписанъ собственноручно Османомъ (см. ниже), а нѣкоторыя преданія допускаютъ, что халифъ переписалъ собственною рукою всѣ первые четыре экземпляра; но Нольдеке высказываетъ сомнѣніе относительно подобнаго преданія, говоря: „вѣроятно и оригиналъ (т. е. мединскій экземпляръ), если не всѣ остальные экземпляры, были писаны рукою Зайда“. По нашему же мнѣнію, нѣтъ основаній оспаривать общераспространенное мусульманское вѣрованіе относительно собственноручной переписки Османомъ одного, по крайней мѣрѣ, экземпляра Корана; халифъ могъ изъ чисто благочестиваго побужденія переписать одинъ экземпляръ лично для себя. Въ древней Руси извѣстны имена князей и княгинь, трудившихся надъ списываніемъ священныхъ книгъ изъ благочестивыхъ побужденій: отче-

го-же не предположить благочестиваго чувства и у властителя Аравіи, всѣми гонимаго и преслѣдуемаго?..[1])

Обыкновенно мусульманскіе ученые утверждаютъ, что первые четыре экземпляра, приготовленные при Османѣ, были переписаны очень точно, безъ ошибокъ, но противъ этого говорятъ нѣкоторыя мусульманскія же преданія. По одному преданію, Османъ при взглядѣ на одинъ изъ приготовленныхъ экземпляровъ Корана сказалъ: „я вижу здѣсь ошибки противъ языка, но арабы поправятъ это...“ Айша, вдова Мухаммеда, по одному преданію, также говорила, что переписчики Корана многія мѣста Корана испортили въ грамматическомъ и орѳографическомъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, Османовскіе списки Корана различались другъ отъ друга въ орѳографическомъ отношеніи, что имѣло вліяніе на самое чтеніе св. текста.

Въ заключеніе очерка исторіи текста Корана необходимо упомянуть, что въ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ съ октября 1869 г. хранится древній списокъ Корана, представленный въ эту библіотеку первымъ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ Этотъ замѣчательный экземпляръ Корана, до поступленія въ названную библіотеку, находился въ Самаркандской мечети Ходжи-Ахрара и считается набожными мусульманами за подлинный списокъ, принадлежавшій Халифу Осману, умерщвленному во время чтенія этого именно списка, вслѣдствіе чего на нѣкоторыхъ листахъ его сохранились кровяныя пятна, довольно грубо расплывшіяся по листамъ со стороны корешковъ сшитыхъ тетрадей. А. Мюллеръ такъ опи-

---

[1]) См. у А. Мюллера «Исторія ислама» т. I, стр. 322 и слѣд.

сываетъ эту кровавую сцену: „Со всѣхъ сторонъ набросились бунтовщики на домъ (Османа). Главный входъ былъ заваленъ изнутри, но отдѣльныя группы бунтарей успѣли проникнуть во дворъ, спрыгивая съ крышъ сосѣднихъ домовъ, напали на защитниковъ съ тылу и быстрымъ натискомъ разогнали ихъ. При этомъ Мерванъ былъ замертво опрокинутъ ударомъ меча по шеѣ. Ворвавшіеся устремились неудержимымъ потокомъ въ домъ, проникли въ комнату, гдѣ Османъ съ полной величія рѣшимостью выжидалъ свою судьбу. Невозмутимо продолжалъ онъ, не взирая на бряцаніе оружія, читать Коранъ, подкрѣпляясь бодро словомъ Божіимъ: „Господь не допуститъ того, чтобы вѣрующій не былъ вознагражденъ... тѣ, которые, когда имъ говорятъ: *„враги собрались противъ васъ, опасайтесь ихъ!“* еще болѣе укрѣпляются въ вѣрѣ и отвѣчаютъ: *„Богъ защититъ насъ; Онъ лучшій изъ защитниковъ“*. Когда толпа убійцъ ворвалась,—въ первый моментъ никто не осмѣливался дотронуться до сѣдой головы халифа. Со спокойной кротостью отвѣчалъ онъ на градъ вопросовъ, упрековъ и обвиненій, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ, пока, наконецъ, грубый Мухаммедъ, сынъ-выродокъ Абу-Бекра, не ухватилъ старца за бороду и не крикнулъ яростно: *„гляди, тебя Богъ покаралъ, старый дуралей“*. Твердо отвѣтствовалъ Халифъ: *„я не куракъ: мое имя Османъ: я повелитель правовѣрныхъ“*.—Теперь никакой Муавія и никто на свѣтѣ не спасетъ тебя.—Сынъ брата моего! Отецъ твой никогда не рѣшился бы вырвать изъ рукъ другого могущество.—Если бы мой отецъ,—возразилъ Мухаммедъ,—увидѣлъ твои поступки, то счелъ бы тебя недостойнымъ правленія. Но я отъ тебя хочу совсѣмъ другого,—не правленіе только вырву отъ тебя".—Тогда

халифъ воскликнулъ: „Господи! защити меня отъ него; молю Тебя, помоги!“ Это были послѣднія слова, произнесенныя старцемъ. Хотя Мухаммедъ вышелъ тогда изъ комнаты, но другіе напали на безоружнаго халифа. Его заслонила собой жена Наила и старалась рукой отразить мечъ, но ей отрубили пальцы. Вслѣдъ затѣмъ брызнула фонтаномъ кровь зятя и намѣстника пророка и залила страницы священной книги, которую умирающій Османъ крѣпко прижималъ къ груди своей. Когда оторопѣвшіе защитники халифа успѣли послѣ перваго нападенія снова собраться и ринулись въ домъ, неся съ собой спасеніе, все уже было покончено. (Исторія ислама т. I, стр. 339—341).

О томъ, какъ столь древній и столь замѣчательный списокъ Корана оказался въ Самаркандѣ, существуетъ слѣдующій разсказъ, напечатанный въ Запискахъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологичдскаго общества, (т. VI, вып. I—IV. стр. 69—72. Спб., 1892).

Лѣтъ 400 назадъ, въ Ташкентѣ жилъ пиръ [1]), по имени Ходжа-Убайдулла [2]), прозванный Ахраромъ (посвященный Богу). Отецъ его, Ходжа-Махмудъ, простой торговецъ, замѣтивъ въ сынѣ влеченіе къ богословскимъ вопросамъ, посвятилъ его Богу, т.-е. направилъ мальчика исключительно къ изученію науки о вѣрѣ. Слава о богословскихъ познаніяхъ Убайдуллы росла вмѣстѣ съ его годами. На двадцатомъ году онъ поступилъ въ мюриды ордена Багауддина-Нахшибенди, весьма распространеннаго по Туркестану [3]).

---

[1]) Пиромъ называется наставникъ, духовный глава ордена.

[2]) Родился онъ въ 806 г. гиджры; см. соч. «Рашахатъ».

[3]) Могила его находится въ 8—10 вер. отъ Бухары и привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ. Авторъ видѣлъ эту могилу въ 1902 г. Ср. прот. Турк. кружки любит. археологіи за 1900 г., стр. 49—51.

По смерти своего пира, Ходжа-Ахраръ считался первымъ его преемникомъ (хальфа) и принялъ орденъ подъ свое покровительство. Мудрые совѣты, какіе онъ давалъ приходящимъ, а также глубокое познаніе Божіихъ истинъ не замедлили расширить кругъ его учениковъ и послѣдователей (муридъ), которые еще при жизни, признали своего пира святымъ. Однажды нѣкоторые изъ его муридовъ вмѣстѣ съ другими лицами, предприняли хаджъ (путешествіе въ Мекку), и одинъ изъ мюридовъ Ходжа-Ахрара, на возвратномъ пути изъ Мекки съ богомолья, зашелъ въ Константинополь. Въ то время турецкій султанъ былъ сильно боленъ, и никто изъ туземныхъ докторовъ не могъ помочь ему. Тогда-то по городу распространилась молва объ исцѣленіяхъ, производимыхъ мюридомъ изъ Туркестана. Султанъ-халифъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ привести его къ себѣ. Мюридъ Ходжи-Ахрара, осмотрѣвъ халифа, приступилъ къ леченію больного чтеніемъ священныхъ молитвъ и другими средствами. Не прошло и трехъ дней, какъ больной халифъ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, а когда совсѣмъ выздоровѣлъ, то приказалъ мюриду требовать всего, чего онъ захочетъ. Тогда хитрый мюридъ попросилъ у султана священный списокъ Османова Корана, хранившійся въ казнѣ халифа. Требованіе это сильно огорчило халифа: ему никакъ не хотѣлось разстаться съ св. книгой и онъ, вѣроятно, не отдалъ-бы ее, но бывшіе тутъ визири и приближенные сказали халифу: „Не подобаетъ измѣнять своему слову; вы сами предоставили мюриду право выбора награды. Наше мнѣніе: отдать сегодня книгу, а дня черезъ два мы ее выкупимъ“. Успокоенный этимъ, халифъ приказалъ выдать книгу вылечившему его туркестанскому паломнику. Туркестанскій хаджи, получивъ св.

списокъ и опасаясь лишиться его, немедленно тайно отправилъ драгоцѣнную святыню съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ въ Ташкентъ къ своему пиру—Ходжѣ Ахрару. Визири, согласно данному обѣщанію халифу, начали ласкать мюрида, и когда третій день наступилъ, предложили ему большое количество драгоцѣнныхъ камней и денегъ за св. книгу. Но мюридъ съ сожалѣніемъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить ихъ просьбы, такъ какъ книга тогда-же была отослана имъ на родину (въ Ташкентъ). Вѣсть эта крайне опечалила халифа. Немедленно приказано было разослать гонцовъ во всѣ стороны, чтобы вернуть увезенную книгу; но все было безполезно: въ продолженіе трехъ дней книга была увезена далеко и отыскать слѣдовъ нельзя было. Халифъ первое время былъ очень опечаленъ этимъ случаемъ, но потомъ, сознавъ свою несправедливость, покорился волѣ Бога, а слава Ходжи Ахрара отъ этого пріобрѣтенія еще болѣе увеличилась. Нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ въ Ташкентѣ, потомъ совсѣмъ переселился въ Самаркандъ, гдѣ устроилъ мадрасу и мечеть, которымъ завѣщалъ, кромѣ огромнаго богатства, и списокъ Корана, писанный самимъ Османомъ. Мусульмане вѣрятъ, что на этомъ спискѣ до сихъ поръ сохранились слѣды крови Османа. Подлинность этого извѣстія будто-бы была засвидѣтельствована нѣкоторыми современниками Османа, но отъ давности и частаго употребленія книги, эти надписи, сперва потертыя, со временемъ, когда сталъ распадаться переплетъ, совсѣмъ затерялись. Говорятъ, что въ Туркестанѣ лѣтъ 300 и болѣе назадъ были лица, видѣвшія эти надписи, и что этому списку Корана считаютъ слишкомъ 1200 лѣтъ.

По другому разсказу, лѣтъ 400, а можетъ быть и

болѣе тому назадъ, въ Ташкентѣ появился выходецъ изъ Стамбула Шейхъ-ауанди-тауръ (чистый князь). Умный, ученый, богатый, набожный и благотворительный шейхъ скоро былъ признанъ за святого и умеръ святымъ, увѣковѣчивъ память свою очень крѣпко въ названіи одной изъ четырехъ частей Ташкента, называемой и доселѣ Шейхантаурскою. Шейхъ оставилъ послѣ себя множество потомковъ съ хорошимъ именемъ и съ хорошимъ состояніемъ. И вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкто *Ходжа-Ахраръ*, избравшій путь своего знаменитаго предка, переѣзжаетъ изъ Ташкента въ Самаркандъ, окружаетъ себя учениками и становится *пиромъ*, т. е. духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка. Ходжа-Ахраръ строитъ мадрасу и поучаетъ въ ней, ведетъ строгую жизнь, отправляетъ на свой счетъ толпы богомольцевъ въ Мекку . . . Скоро отъ Мекки и до Кашгара проходятъ слухи о появленіи въ столицѣ Тимура, какъ богатой святынями, новаго источника чистой вѣры въ лицѣ потомка святого Шейхъ-ауанди-таура. Слава о добродѣтеляхъ Ходжи- Ахрара выросла, наконецъ, такъ, что однажды мюриды его, возвратившіеся изъ Мекки, принесли своему пиру нѣкія хартіи, и разсказали, что были они гостями у турецкаго султана (которымъ тогда былъ второй, или третій пріемникъ султана Баязида-Ильдирима), что халифъ видѣлъ во снѣ ихъ пира, святого Ходжу-Ахрара и что въ память этого прислалъ ему, Ходжѣ-Ахрару, Коранъ, писанный рукою третьяго халифа Османа. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ наслѣдіе мечети, построенной имъ въ Самаркандѣ [1]), въ которой онъ и хра-

[1]) О Ходжѣ-Ахрарѣ можно читать въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Т VI (Ташкентъ, 1897) ст. „Святые, чтимые туземцами, преимущественно сартами, Туркестанскаго края“.

нился до 1869 года. Въ этомъ году бывшій начальникъ Зарявшанскаго округа (нынѣ Самаркандская область) генералъ-маіоръ А. К. Абрамовъ пріобрѣлъ этотъ рѣдкій списокъ Корана куфическаго письма за 100 рублей, пожертвовавъ эту сумму въ пользу мечети Ходжи-Ахрара, а Коранъ представилъ Туркестанскому генералъ-губернатору. Послѣдній препроводилъ этотъ манускриптъ, чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ С.-Петербургскую Публичную Библіотеку, гдѣ Коранъ и хранится, вызывая благоговѣйное чувство у мусульманъ, имѣющихъ возможность видѣть этотъ манускриптъ.

Означенный экземпляръ Корана написанъ на 353 толстыхъ пергаментныхъ листахъ, размѣромъ 68×53 сантиметра. Съ одной стороны эти листы гладкіе и глянцевитые, а съ другой—въ мелкихъ морщинахъ. Гладкая сторона желтаго цвѣта, а вторая—бѣлаго. На гладкой желтой сторонѣ листовъ чернила сохранились большею частію хорошо (лишь первоначальный черный цвѣтъ ихъ измѣнился въ темно-коричневый) а на морщинистой сторонѣ чернила ссыхались и обсыпались, и только на немногихъ мѣстахъ письмо удержалось вполнѣ. Но контуры буквъ вездѣ очерчены рѣзко. Кромѣ того, пергаментные листы попорчены сыростью или кровью, но всѣ одинаковы по размѣру. Кромѣ пергаментныхъ листовъ, на мѣстѣ недостающихъ, т. е. растерянныхъ или вырванныхъ, вставлены 69 бумажныхъ, одинаковыхъ по размѣру съ пергаментными. Бумага этихъ листовъ хлопчатая, толстая, мягкая и по виду напоминаетъ пергаментъ. Этой же бумагой подклеены порванныя и истлѣвшія мѣста, а также доклеены оборванные края и углы [1]). На всѣхъ такихъ подклейкахъ текстъ

---

[1]) Совершенно цѣльныхъ и неподклеенныхъ листовъ въ Коранѣ только 15

возобновленъ и по виду напоминаетъ основное письмо манускрипта [1]).

Описываемый манускриптъ былъ собранъ въ тетради по 8—10 листовъ каждая, причемъ парные листы и самыя тетради были соединены и сшиты въ безпорядкѣ: нѣкоторые листы были поставлены низомъ вверхъ, а иные наружнымъ краемъ были обращены къ корешку и т. д. Самою же замѣчательною особенностью этого манускрипта служатъ кровяныя пятна, которыя указываютъ на древность его и придаютъ ему въ глазахъ мусульманъ особую священную важность, такъ какъ эти пятна составляютъ будто бы остатки крови халифа Османа, убитаго во время чтенія Корана. Кровь находится почти на всѣхъ корешкахъ тетрадей и съ корешковъ протекла на середину листовъ и притомъ не сплошь на каждыхъ двухъ сосѣднихъ листахъ, что даетъ основаніе предполагать намѣренное обличіе кровью описываемаго списка, можетъ быть, уже долго спустя послѣ того, какъ первоначальныя кровяныя пятна отъ времени поблекли.

Почеркъ, какимъ написанъ этотъ Коранъ,—куфическій, крупный, прямой, пропорціональный въ частяхъ, не угловатый и не на всѣхъ листахъ одинаковый по размѣру, хотя разница въ размѣрѣ почерка дѣлается замѣтною только черезъ 10—15 листовъ, почему и нельзя утверждать, что весь этотъ списокъ изготовленъ разными лицами, а не однимъ [2]). На всѣхъ страницахъ число строкъ одно и тоже—12.

---

[1]) На нѣкоторыхъ листахъ оборванные края и углы подклеены глянцевитой крѣпкой бумагой позднѣйшаго издѣлія.

[2]) Образцы этого письма приложены къ ст. А. Шебунина въ Зап. Вост. Отд. т. VI, вып. I—IV.

Не перечисляя всѣхъ особенностей этого почерка, укажемъ на то, что вмѣсто діакрическихъ точекъ надъ извѣстными буквами арабскаго алфафита поставлены черточки, а затѣмъ никакихъ другихъ знаковъ чтенія [1]) въ этомъ спискѣ нѣтъ. Каждый стихъ Корана отдѣляется отъ другого черточками отъ 4 до 7 (весьма рѣдко менѣе или болѣе), расположенныхъ близко одна надъ другой и похожихъ на діактрическія черточки. Отдѣльныя группы стиховъ (приблизительно 10 ст.) отмѣчены цвѣтнымъ квадратикомъ со звѣздочкой внутри, описанной вокругъ кружка, въ которомъ помѣщается красная куфическая буква, обозначающая число стиховъ отъ начала главы. Эти цвѣтныя фигурки различаются между собою, главнымъ образомъ, расположеніемъ красокъ и были вставлены въ текстъ уже послѣ, а не одновременно съ написаніемъ самаго текста. Главы Корана отдѣляются одна отъ другой цвѣтной полосой, состоящей или изъ ряда квадратиковъ, или продолговатыхъ прямоугольниковъ, различно раскрашенныхъ. Концы такихъ заставокъ украшены какъ-бы бантомъ ленты, имѣющимъ форму лиры. Эти заставки, очевидно, также позднѣйшаго происхожденія и появились одновременно съ цвѣтными фигурками, отдѣляющими десятки стиховъ. Особыхъ названій при каждой отдѣльной главѣ нѣтъ, но каждая глава имѣетъ обычное арабское надписаніе: «*Во Имя Бога Милостиваго Милосерднаго*» (Бисмилля).

Съ этого списка Корана изготовляются Публичной Библіотекой фототипическимъ способомъ копіи въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

На основаніи подробно изложенныхъ въ ст. А. Шебу-

---

[1]) Гамза, мадда, тяшдидъ, суккунъ и гласные знаки.

вѣна внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, слѣдуетъ признать, что описываемый экземпляръ Корана былъ подновленъ (уже въ XIX ст.) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣжими чернилами, пополненъ бумажными листами, а на оборванныхъ и истлѣвшихъ листахъ подправленъ бумажными заплатками. Относительно времени первоначальнаго написанія упомянутаго манускрипта, г. Шебунинъ полагаетъ, что этотъ манускриптъ былъ изготовленъ въ началѣ второго вѣка гиджры въ Иракѣ и списанъ съ Басрійскаго экземпляра, т. е. съ одного изъ первыхъ четырехъ списковъ Корана, изготовленныхъ при халифѣ Османѣ [1]).

Если принять выводъ, къ какому пришелъ г. Шебунинъ, на основаніи пріемовъ научной критики, то приходится усумниться въ правдивости разсказовъ мусульманъ о принадлежности третьему халифу Осману хранящагося въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библютекѣ экземпляра Корана.

Другой древній списокъ Корана хранится въ Каирѣ, въ Хедивской Публичной Библіотекѣ подъ № 536. По своему формату, по особенностямъ почерка и системы письма, этотъ экземпляръ „поражаетъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ" съ только что описаннымъ экземпляромъ, принадлежащимъ Императорской С.-Петербургской Библіотекѣ. [2]) Размѣръ цѣльныхъ пергаментныхъ листовъ 68×53; число строкъ на страницѣ—12; почеркъ—куфическій (прямой, крупный, безъ всякихъ вычурностей); размѣръ буквъ и

---

[1]) По Нольдеке, рукою Зяйда былъ сначала написанъ мединскій экземпляръ Корана, съ котораго были списаны Дамасскій и Бассрійскій, а съ этого уже Куфскій.

[2]) См. ст. А. Шебунина: «Куфическій Коранъ Хедивской Библіотеки въ Каирѣ». (Записки Вост. Отд. Импер. Рус. Археолог. Общ. т. XIV, вып II—III, стр. 119—154. С. П. Б. 1902 г.).

толщина линій, какъ и въ Петербургскомъ экземплярѣ; гласныхъ знаковъ нѣтъ; діакритическія черточки такія же; знаки дѣленія стиховъ, десятковъ стиховъ и главъ также сходны съ Петербургскимъ спискомъ; наконецъ, въ цвѣтѣ чернилъ тѣже переходы отъ чернаго къ свѣтло-бурому, при общемъ коричневомъ тонѣ. Всѣхъ листовъ въ этомъ экземплярѣ 562, но подлинныхъ изъ нихъ всего 248; остальные дополнены при второй и третьей реставраціи.

Не касаясь отличительныхъ подробностей этого списка, замѣтимъ, что Каирскій экземпляръ Корана не представляетъ существенной хронологической разницы съ Петербургскимъ экземпляромъ, почему г. Шебунинъ относитъ время появленія Каирскаго списка къ первой половинѣ II вѣка Гиджры, а по характеру правописанія ставитъ ближе къ Мединскому списку, тогда какъ С.-Петербургскій экземпляръ подходитъ ближе къ Басрійскому экземпляру.

Исторія текста Корана и его редакцій въ значительной степени способствуетъ установленію правильнаго взгляда на текстъ Корана въ современномъ его видѣ. Важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ знаніе, хотя бы приблизительно, времени и обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе каждаго стиха Корана. Въ настоящее время признается за несомнѣнное, что замѣчающіяся въ Коранѣ повторенія и отсутствіе послѣдовательности въ разныхъ главахъ Корана могутъ быть объяснены неумѣлостью собирателей разрозненныхъ частей его въ одну книгу, неподготовленностью этихъ лицъ къ критической редакціонной работѣ, какую они исполнили по приказанію халифа Османа. „Непонятнымъ остается, го-

ворить Вейль, почему Османъ, хотя менѣе стѣснительно и добросовѣстно, нежели Абу-Бекръ, поступавшій при редакціи Корана, не опустилъ однако-же ни одной части законовъ, повторяющихся иногда въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, а также догматовъ и легендъ, и почему онъ ничего не сдѣлалъ для возстановленія систематическаго или хронологическаго порядка въ расположеніи главъ и стиховъ. Господствующій въ настоящемъ Коранѣ безпорядокъ приводитъ въ отчаяніе не только европейскаго ученаго, хотя-бы онъ и былъ совершенно знакомъ съ жизнію Мухаммеда, но и самыхъ способнѣйшихъ мусульманскихъ толкователей, которые спорятъ между собою объ отдѣльномъ стихѣ такъ-же, какъ о цѣлой главѣ, и не всегда могутъ рѣшить: по какому поводу она явилась, и въ Меккѣ ли, или сперва въ Мединѣ, послѣ бѣгства туда Мухаммеда... Но даже и тамъ, гдѣ толковники съ опредѣленностію указываютъ на время и поводъ открытія извѣстнаго стиха, они не всегда достовѣрны, потому что слѣдуютъ болѣе мертвой буквѣ часто ложнаго преданія, нежели самостоятельному, оживляющему критическому духу. Что раздѣленіе Корана на сто четырнадцать главъ, какъ мы ихъ имѣемъ теперь передъ собою, происходитъ не отъ Мухаммеда, какъ думаютъ мусульмане, это мы уже доказали въ другомъ мѣстѣ [1]), хотя нельзя отрицать того, что Мухаммедъ, по крайней мѣрѣ, часть Корана открылъ въ извѣстныхъ отдѣленіяхъ, которыя онъ назвалъ главами. Тѣ, которые заучали Коранъ наизусть, могли, при легкой своей памяти, придать каждому отдѣлу собственное названіе; но большая часть многихъ особенно древ-

---

[1]) См. Leben Mohammads, ss. 361—362.

нѣйшихъ главъ, кажется, затерялись или намѣренно уничтожены, такъ что отъ нихъ остались только одни названія ихъ и немногіе стихи, между тѣмъ какъ въ позднѣйшихъ большихъ главахъ были собраны многія такія части, которыя даже не совмѣстимы между собою [1]).

Такимъ образомъ, стихи Корана въ настоящемъ видѣ представляютъ во многихъ мѣстахъ совершенный хаосъ, какимъ могли удовлетворяться и удовлетворяются только мусульмане—по чувству благоговѣнія къ своей священной книгѣ, языка которой огромное большинство ихъ не понимаетъ. Полнѣйшій безпорядокъ въ расположеніи отдѣльныхъ частей Корана во многихъ мѣстахъ безнадежно затрудняетъ не только мусульманскихъ ученыхъ, но и знаменитыхъ европейскихъ критиковъ. Европеецъ, читающій Коранъ въ переводѣ, чувствуетъ скуку при чтеніи длинныхъ главъ этой книги. Почтенный русскій переводчикъ Корана, г. Саблуковъ облегчилъ въ своемъ переводѣ чтеніе Корана между прочимъ тѣмъ, что отдѣлилъ новой строкой отрывки разнаго содержанія, которые, безъ сомнѣнія, и при своемъ появленіи не имѣли между собою ничего общаго. Европейскіе критики текста Корана: Вейль, Шпренгеръ, Нольдеке,—въ отношеніи большей части главъ и стиховъ съумѣли указать время и мѣсто обнародованіи ихъ, а Родуэль сдѣлалъ оригинальную попытку представить переводъ главъ Корана въ ихъ хронологическомъ порядкѣ [2]).

---

[1]) Историко-критическое введеніе въ Коранъ, стр. 100—191.

[2]) См. El Koran or the Koran, translated from the Arabic, the Suras arranged in chronological order: with notes and index, by I. M. Rodwell, London, 1876.

Но и за всѣмъ тѣмъ Коранъ остается для насъ *„книгой съ семью печатями“*, какъ отзывается о немъ Шпренгеръ. [1]) Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить тѣ многочисленныя противорѣчія въ ученіи Корана, которыхъ сами мусульмане насчитываютъ до 225 и по отношенію къ которымъ остается безсильною *„теорія отмѣненія“*, дающая возможность одни стихи Корана позднѣйшаго происхожденія считать отмѣняющими стихи болѣе ранняго происхожденія, какъ сказано объ этомъ въ Коранѣ: „когда Мы (Богъ) отмѣняемъ какой-либо стихъ или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другой, лучшій того или равный ему“ [2]).

Теорія эта, конечно, несостоятельна въ приложеніи къ книгѣ божественнаго происхожденія, имѣвшей цѣлію установить новый религіозный и гражданскій законъ для арабовъ на всѣ послѣдующія времена,—и понятно, почему еще современники Мухаммеда говорили ему: *„самъ это ты выдумываешь“* [3]). когда онъ объявлялъ объ отмѣненіи одного стиха другимъ. А тѣмъ болѣе эта теорія безсильна въ отношеніи тѣхъ стиховъ Корана, которые при жизни Мухаммеда отмѣненными не считались и въ послѣдующей исторіи ислама имѣли полное значеніе, а въ настоящее время оказываются во многихъ случаяхъ неприложимыми къ жизни. Таковы, напр. всѣ стихи Корана, направленные противъ иновѣрцевъ вообще и противъ іудеевъ и христіанъ въ частности, о которыхъ защитники ученія Мухаммеда: Девлетъ-Кильдѣевъ, Баязитовъ, Гаспринскій умалчиваютъ. А всѣ такіе стихи весьма важны не только вообще, какъ характеризирующіе ученіе Корана, но и особенно потому,

[1]) На отзывъ Карлейля о Коранѣ указано выше

[2]) Коранъ, гл. 2 ст. 100.

[3]) Коранъ, гл. 16, ст. 103.

что на жизнь мусульманъ они имѣли и до сихъ поръ имѣютъ неотразимое вліяніе и положительно вредятъ установленію довѣрчивыхъ отношеній мусульманъ къ христіанамъ, которыхъ, по фатальному историческому недоразумѣнію, мусульмане считаютъ *кяфирами* (гяуръ) т. е. невѣрующими, многобожниками за ученіе о Тріединомъ Богѣ и идолопоклонниками за почитаніе св. иконъ, и потому *врагами* самого Бога (Коранъ, 5,76—77; 2, 92 и мн. др.)

Съ другой стороны, запутанное въ Коранѣ ученіе о предопредѣленіи Божіемъ и свободной волѣ человѣка составляетъ также трудно устранимое препятствіе для научнаго прогресса среди мусульманъ, что между прочимъ наглядно сказывается до сихъ поръ въ противодѣйствіяхъ россійскихъ татаръ естественному и вполнѣ законному стремленію правительства распространить среди нихъ знаніе государственнаго языка и русской грамотности. Это противодѣйствіе особенно поражаетъ насъ, если мы примемъ во вниманіе, что христіанскіе подданные Турецкаго Султана въ Сиріи и Палестинѣ безпрекословно и безропотно обучаются въ школахъ, содержимыхъ на средства Русскаго Палестинскаго Общества, турецкому языку и турецкой письменности, въ чемъ авторъ убѣдился въ іюлѣ 1902 года, во время посѣщенія нѣкоторыхъ школъ Сиріи и Палестины, а также изъ отчетовъ объ этихъ школахъ, составленныхъ почетными членами Палестинскаго Общества. Дѣти православныхъ арабовъ, обучающіяся въ названныхъ школахъ очень гармонично исполняютъ также „Турецкій гимнъ“ и знаютъ твердо имя царствующаго Султана, вензель (а въ Бейрутской школѣ даже портретъ) котораго красуется въ народной школѣ. Но не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ мусульманскихъ школахъ Россіи (*мактабъ и мадраса*)

Русскій гимнъ не извѣстенъ, тогда какъ въ разныхъ правительственныхъ инородческихъ школахъ гимнъ поется или читается. Именно указанное историческое недоразумѣніе, т. е. ученіе Корана о *кяфирахъ*, поддерживаетъ среди мусульманъ отчужденіе отъ христіанъ, вопреки нѣкоторымъ стихамъ Корана, благопріятно отзывающимся о христіанахъ (*насара*), какъ о *людяхъ писанія (ахлю-ль-китабъ)*, т. е. получившихъ отъ Бога чрезъ пророка Іисуса Евангеліе [1])...

Въ виду подобныхъ недоразумѣній, изложимъ „*теорію отмѣненія*" (*насхъ*), при помощи которой мусульмане еще первыхъ вѣковъ пытались примирить замѣченныя въ Коранѣ противорѣчія [2]).

Противорѣчія въ Коранѣ и теорія отмѣненія.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто по важности занимаетъ ученіе о значеніи той или другой религіи въ дѣлѣ спасенія людей.

Во второй главѣ Корана, появившейся въ 622 г., по вступленіи Мухаммеда въ Медину (историки Корана признаютъ эту главу первою *мединскою* главой), обнародовано ученіе о зависимости спасенія человѣка отъ исповѣданія основныхъ догматовъ, имѣющихъ мѣсто въ каждой

---

[1]) См. въ Указат. Саблукова къ переводу Корана подъ сл. Евангеліе, Іисусъ, Марія. Особенно гл. 2, ст. 59, гл. 5, ст. 50, 51 и 85.

[2]) Собиратели Корана заботились только о томъ, чтобы внести въ свой сборникъ всѣ изрѣченія Мухаммеда, не думая приэтомъ о послѣдствіяхъ такой чисто механической работы. О наукѣ и научной критикѣ среди арабовъ, конечно, не могло быть и рѣчи въ то время (VI. в. по Р. Кр), когда самый алфавитъ только еще входилъ въ употребленіе и состоялъ изъ неуклюжихъ буквъ.

болѣе или менѣе развитой религіи, и отъ добрыхъ дѣлъ, одобряемыхъ также всякою религіей. Въ 59 ст. этой главы говорится: „Истинно: вѣрующимъ, христіанамъ, іудеямъ, и сабеямъ, — тѣмъ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день и дѣлаютъ доброе, — награда у Господа ихъ; имъ не будетъ страха, и они не останутся въ печали". Послѣднія слова этого стиха объявлены были Мухаммедомъ въ первый разъ еще въ Меккѣ, незадолго до бѣгства его въ Медину. Именно, въ 6-й главѣ Корана, принадлежащей къ послѣднему (третьему) періоду Мухаммедовой дѣятельности въ Меккѣ, въ ст. 48 сказано: „Кто вѣровалъ имъ (посланникамъ) и дѣлалъ добрыя дѣла, — тѣмъ не было никакого страха, тѣмъ не было никакой печали".

Мысль о томъ, что вѣра въ Бога и въ послѣдній день, а также — что добрыя дѣла составляютъ условіе спасенія человѣка, повторяется въ Коранѣ очень часто, особенно въ мекскихъ главахъ, и стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ другимъ ученіемъ Корана о зависимости спасенія человѣка исключительно отъ исповѣданія *ислама*. Но въ 3-й главѣ, относимой историками Корана къ 3-му году Мухаммедовой жизни въ Мединѣ, въ 17 стихѣ положительно сказано, что религія Аллаха есть *исламъ*, а въ стихѣ 79-мъ той же главы подтверждено: „кто слѣдуетъ другому какому-либо вѣроуставу, *а не исламу*, въ томъ нѣтъ ничего угоднаго Богу; въ будущей жизни онъ будетъ въ числѣ несчастныхъ". Въ 5-й главѣ, относимой къ послѣднему году Мухаммедовой жизни на землѣ, въ стихѣ 5-мъ, отъ имени Бога объявлено: „сегодня Я завершилъ для васъ вѣроуставъ вашъ, въ полнотѣ проявилъ мое благодѣяніе вамъ: Я благоизволилъ поставить вѣроуставомъ для васъ *исламъ*" Очевидно, 73-й стихъ этой же главы, въ которомъ

говорится, что вѣрующимъ, іудействующимъ, сабеямъ и назарянамъ не будетъ ни страха, ни печали,—вставленъ редакторами Корана въ пятую главу по недосмотру, потому что онъ находится въ полномъ противорѣчіи не только съ выше приведеннымъ 5-мъ стихомъ, но и со многими другими стихами пятой главы, направленными противъ іудеевъ и христіанъ. Пятая глава Корана, какъ послѣдняя по времени обнародованія, проникнута *нетерпимостью* къ іудеямъ и христіанамъ [1]).

Въ связи съ ученіемъ объ исламѣ стоитъ ученіе о посланникахъ (пророкахъ), взглядъ на которыхъ подвергался также колебаніямъ и привелъ Мухаммеда къ противорѣчію. Исходя изъ той мысли, что религія Божія всегда была одна и та же, Мухаммедъ училъ, что въ разное время Богъ посылалъ къ разнымъ народамъ избранныхъ изъ ихъ же среды мужей (пророковъ), которые и возвѣщали соотечественникамъ божественный законъ и истинный путь ко спасенію: „Прежде тебя (Мухаммеда) Мы посылали посланниковъ... На каждое опредѣленное время было свое писаніе [2]). Не было ни одного народа, у котораго не было бы проповѣдника [3]), и каждый посланникъ говорилъ на языкѣ своего народа для того, чтобы говорить понятно имъ [4]). Главная задача посланниковъ Божіихъ состояла въ томъ, чтобы вѣрно передать соотечественникамъ законъ Божій, вѣроученіе ислама [5]). Такъ были посылаемы: Ной, Гудъ, Салихъ, Лотъ, Авраамъ, Моисей, Ааронъ, Шуаибъ, Исма-

---

[1]) См. стихи 17, 18, 21, 56, 65, 77, 85, 116—118.

[2]) Коранъ, гл. 13, ст. 38.

[3]) Гл. 35, ст. 22.

[4]) Гл. 14, ст. 4.

[5]) Гл. 24, ст. 53. См. параллельныя мѣста.

илъ, Исаакъ, Іаковъ, Іона, Давидъ, Соломонъ, Іисусъ и наконецъ Мухаммедъ [1]). Всѣ эти посланники проповѣдывали одну и ту же религію: у нихъ было одно и то же писаніе. „Скажи: мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что свыше ниспослано намъ; въ то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Іакову и колѣнамъ его; въ то, что дано было Моисею, Іисусу и пророкамъ отъ Господа ихъ: мы не дѣлаемъ различія между ними“ [2]).

При такомъ взглядѣ на единство и преемство откровеній Божіихъ не могло быть мѣста въ Коранѣ *„теоріи отмѣненія“*, а многочисленные [3]) посланники, которыхъ Богъ въ разное время воздвигалъ среди разныхъ народовъ, только напоминали своимъ соотечественникамъ и разъясняли единую волю Божію — истинное богопочитаніе, единый исламъ [4]). Не было ни одного народа, у котораго не было бы своего проповѣдника вѣры (гл. 35, ст. 22), и въ послѣдній день суда эти проповѣдники будутъ свидѣтельствовать противъ своихъ невѣровавшихъ соотечественниковъ (гл. 16, стр. 91). И Мухаммедъ, хотя и мало освѣдомленный относительно древнихъ еврейскихъ пророковъ, старался подражать имъ въ своей жизни и проповѣднической дѣятельности, а въ постигавшихъ его неудачахъ и огорченіяхъ утѣшалъ себя примѣрами изъ жизни своихъ предшественниковъ, которыхъ такъ же оскорбляли, преслѣдовали и даже убивали [5]).

---

[1]) Въ Коранѣ названы далеко не всѣ пророки, упоминаемые въ Библіи.

[2]) Гл. 3, ст. 78.

[3]) По преданію, всѣхъ пророковъ было 124 человѣка и даже болѣе.

[4]) Гл. 28, ст. 11, ст. 2, ст. 130 и 285, гл. 4, ст. 135—151.

[5]) Кромѣ І. Христа, смерть котораго отрицается въ Коранѣ (гл. 4, ст. 156).

Проповѣдуя такое ученіе, Мухаммедъ надѣялся, что его безъ труда признаютъ истиннымъ пророкомъ Божіимъ не только арабы, но іудеи и христіане; однако онъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Тогда, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ объявилъ отъ имени Божія, что христіане и іудеи забыли нѣкоторыя откровенія Божія, а нѣкоторыя умышленно исказили [1]) и потому онъ считалъ себя обязаннымъ поучать истинной вѣрѣ не только арабовъ, но и христіанъ, и іудеевъ: „Знающіе писаніе! Къ вамъ пришелъ посланникъ Нашъ; онъ ясно укажетъ вамъ многое изъ того, что скрыли вы изъ писанія, и *отмѣнитъ* многое“ [2])

Такимъ образомъ, Мухаммедъ изъ *посланника арабовъ* постепенно превратился во *всемірнаго* проповѣдника и притомъ въ *послѣдняго* и совершеннѣйшаго пророка. Въ этомъ смыслѣ онъ называется въ Коранѣ *„печатью пророковъ.“* [3]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ новѣйшій апологетъ ислама [4]) высказываетъ свою мысль о превосходствѣ Мухаммеда предъ другими пророками и о законченности его миссіи: „Преимущество Мухаммеда надъ другими пророками, мудрецами и философами другихъ странъ состоитъ въ неоспоримомъ фактѣ, что трудъ его увѣнчался успѣхомъ при его жизни. Іисусъ, Моисей, Зороастръ, Сакья-муни, Платонъ—всѣ имѣли свои понятія о царствѣ Божіемъ, о республикахъ,—идеи, долженствовавшія возвысить униженное человѣчество къ нравственной жизни. Всѣ они

[1]) Гл. 5. ст. 17—49 и им. др.

[2]) Гл. 5. ст. 18.

[3]) Гл. 33. ст. 40.

[4]] Ученый индійскій мусульманинъ Миръ-Али [какъ сообщаетъ г. Гаспринскій], издавшій въ 1902 г. въ Берлинѣ русскій переводъ своей книги „Жизнь и ученіе Мохаммеда или духъ ислама“ [стр. 1—437].

оставили этотъ міръ, не увидѣвъ исполненія своихъ свѣтлыхъ стремленій, или поручили обязанность возвышенія своихъ собратій кровожаднымъ ученикамъ, или царственнымъ ученикамъ *). Мухаммеду было назначено исполнить какъ свою миссію, такъ и миссію своихъ предшественниковъ. Ему одному было дано увидѣть исполненіе своего преобразовательнаго труда: никакой царственный ученикъ не пришелъ къ нему на помощь (съ) указомъ о насильственномъ навязываніи новаго ученія"... „Когда народы Аравіи собрались для присоединенія къ его вѣрѣ, Мухаммедъ почувствовалъ, что задача его исполнена" (Коранъ, гл. 110)... „Смиренный проповѣдникъ возвысился до управленія Аравіей, сравнялся съ Хозревомъ и Кесаремъ и сдѣлался распорядителемъ судьбы народовъ"... (Стр 245, 247 и 254) Нѣтъ нужды опровергать всѣ эти ходульныя фразы, показывающія только, что каждый послѣдователь религіи старается защитить ее отъ возраженій противниковъ. Изъ исторіи извѣстно, во первыхъ, что халифы и ихъ полководцы не стѣснялись въ средствахъ распространенія и насажденія ислама среди иновѣрцевъ не только Европы, но и Азіи, по буквальной заповѣди Корана—воевать съ кяфирами (см. исторію ислама). Для насъ пока достаточно сказать, что Мухаммедъ еще при жизни своей поставилъ свою скромную личность народнаго (неученаго) проповѣдника рядомъ съ именемъ Аллаха [1]), и тѣмъ не менѣе мусульманамъ предписывается соблюдать вѣру не только въ Коранъ, но и тѣ писанія, которыя Богъ послалъ прежде (гл. 4, ст. 135).

*] Миръ-Али подразумѣваетъ въ этомъ случаѣ: евр. пророка Іосію. Асоку—буддистовъ. Дарія—послѣдователей Зороастра и Константина Великаго.

[1]) Гл. 24. ст. 62 и др.

Іудеевъ, къ которымъ Мухаммедъ сначала относился съ терпимостью, потому что хотѣлъ привлечь ихъ на свою сторону, и христіанъ, которыхъ прежде даже одобрялъ за кротость и любовь къ ближнимъ, онъ сталъ теперь считать опасными людьми, съ которыми не слѣдовало дружить [1]).

Одновременно съ новымъ взглядомъ на себя, какъ на всемірнаго пророка, Мухаммедъ измѣнилъ взглядъ и на способъ распространенія вѣры-ислама среди народовъ, признававшихъ древнія религіи. Въ первые годы проповѣднической дѣятельности Мухаммеда въ Меккѣ, у него не было еще значительнаго числа приверженцевъ, и онъ чувствовалъ себя безсильнымъ противъ своихъ враговъ; поэтому онъ говорилъ, что посланъ только проповѣдывать и предостерегать. Такъ въ 17 гл. (ст. 106), относимой къ мекканскимъ главамъ 2-го періода, Богъ говоритъ Мухаммеду: „Мы послали тебя проповѣдывать и предостерегать". Въ 28 стихѣ 18-й (мекккской) главы Богъ говоритъ Мухаммеду: „Скажи: истина отъ Господа вашего: кто хочетъ, увѣруетъ; кто хочетъ, будетъ невѣрнымъ". Въ согласіи съ такимъ взглядомъ на распространеніе ислама, въ 88-й главѣ Корана Мухаммеду заповѣдано: „Учи ихъ" (ст. 21—22). Въ гл. 50 заповѣдуется не принуждать невѣрныхъ (ст 44). Въ гл. 10-й, появившейся въ послѣдніе годы жизни Мухаммеда въ Меккѣ, Богъ спрашиваетъ (ст. 99—100) Мухаммеда: „Принудишь ли ты людей силою быть мусульманами? И отвѣчаетъ: „ни одна душа не можетъ увѣровать безъ соизволенія Божія". Въ 16-й главѣ, относимой также къ послѣднему мекккскому періоду, Богъ повелѣваетъ Мухаммеду: „Призывай на путь Господа твоего мудрыми,

[1]) Гл 5. ст. 56; гл. 9, ст. 23. См. сл. «Невѣрный» въ Указателѣ къ Корану.

добрыми наставленіями и веди съ ними споры о томъ, что добро. Будь терпѣливъ" (ст. 126). Въ 29-й главѣ (также мекксвой) Мухаммеду было предписано Богомъ вступать съ іудеями и христіанами въ споры только о томъ, что есть лучшаго и говорить: „мы вѣруемъ въ то, что свыше ниспослано намъ и что ниспослано вамъ; Богъ вашъ и Богъ нашъ—единъ". (ст. 45).

Такъ, дѣйствительно, Мухаммедъ и поступалъ, пока жилъ въ Меккѣ, гдѣ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. Многіе стихи Корана этого времени дышать кротостью и терпимостью. Даже въ Мединѣ, въ первое время онъ высказывалъ тотъ же взлядъ, что исламъ нужно распространять силою убѣжденія, а не принужденіемъ: въ религіи не должно быть принужденія (гл. 2, ст. 257). Столкнувшись здѣсь съ іудеями и христіанами, Мухаммедъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону, соглашался на уступки, подобно тому какъ уступалъ раньше арабамъ язычникамъ [1]). Но всѣ такія уступки не приводили къ желательнымъ результатамъ, а время шло и требовало рѣшительныхъ мѣръ, особенно послѣ Оходской битвы; поэтому онъ объявилъ отъ имени Божія открытую войну за вѣру, пока не останется на землѣ другой вѣры, кромѣ ислама. Возбужденіе къ войнѣ сначала съ невѣрующими арабами, а затѣмъ съ іудеями и христіанами постоянно озабочивало Мухаммеда, въ продолженіе всего мединскаго періода его жизни (622-632) и было естественно въ его положеніи: новому вѣро-

---

[1]) Въ Меккѣ Мухаммедъ оставилъ неприкосновенными Каабу и обряды хаджа, а въ Мединѣ, въ подражаніе іудееямъ и христіанамъ, установилъ постъ и допускалъ сначала обращеніе лица къ іерусалимскому храму во время молитвы. (См. подр. въ Миссіонер. противомусульм. сборникѣ вып. VII VIII).

ученію (исламу) угрожала серьезная опасность со стороны его враговъ; необходимо было уничтожить этихъ враговъ, чтобы всѣхъ арабовъ сдѣлать вѣрующими въ исламъ и последователями Корана. Въ средствахъ выбора не было: кроткихъ увѣщаній арабы не слушали, угрозъ и обличеній не страшились; оставалось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, чтобы самому избѣжать насилія со стороны враговъ. Особенно были опасны для Мухаммеда нѣкоторыя арабскія племена и іудеи, занимавшіе въ разныхъ мѣстностяхъ Аравіи цѣлые города и селенія: арабскіе христіане были не страшны для ислама вслѣдствіе своей малочисленности и кротости. Въ тоже время у Мухаммеда начало развиваться и чувство личнаго властолюбія, искусно прикрываемое высокимъ призваніемъ національнаго арабскаго пророка... Такимъ образомъ появились въ Коранѣ совершенно новыя предписанія о войнѣ съ невѣрными, стоящія въ явномъ противорѣчіи съ первоначальнымъ взглядомъ его на способъ распространенія ислама. Эти новыя предписанія, касающіяся открытой войны съ невѣрными, обнародованы Мухаммедомъ во 2-й, 8, 9 и др. главахъ Корана.

На войну съ невѣрными (*джигадъ*, *газаватъ*) последователи Корана всегда смотрѣли и до сихъ поръ смотрятъ, какъ на „священную войну". Правила веденія этой войны подробно изложены въ мусульманскомъ законовѣдѣніи (шаріатъ) и изучаются въ мусульманскихъ школахъ, и къ этому ученію послѣдователи ислама обращаются каждый разъ, когда имъ предстоитъ вооруженное столкновеніе съ иновѣрцами. Исторія Турціи, Кавказа, Туркестана, Афганистана, Египта, Алжира, Индіи полна примѣрами, доказывающими высказанную мысль. Притомъ особенное вниманіе обращаетъ на себя тотъ фактъ, что не только самостоятель-

ныя мусульманскія государства пользовались этимъ ученіемъ, но и послѣдователи ислама, которыя утратили свою политическую независимость и находятся въ подчиненіи у христіанскихъ народовъ [1]). Но новѣйшіе защитники Корана усиленно стараются доказывать, что проповѣданная въ Коранѣ война за вѣру имѣла *оборонительный* характеръ, а не наступательный. „Исламъ взялся за мечъ для самозащиты и всегда будетъ держать его для этой цѣли, но *никогда* (!) не вмѣшивался въ догматы какой-либо нравственной религіи, никогда не преслѣдовалъ и никогда не устанавливалъ инквизицій. Онъ никогда не прибѣгалъ къ костру, или колесу, чтобы заглушить различіе мнѣній, или подавить человѣческую совѣсть, или уничтожить ересь“, говоритъ Миръ-Али [2]), очевидно, упустивъ изъ вида главную задачу своей апологіи: дѣло не въ инквизиціи и не въ Крестовыхъ походахъ, а въ принципахъ Евангелія и Корана. Сравненіе судьбы учредителя христіанства и законодателя ислама, изложенное на стр. 345-348 его книги, отличается искуственными натяжками, въ чемъ не было надобности, такъ какъ І. Христосъ проповѣдывалъ царство небесное и совсѣмъ не стремился къ земной власти, а Мухаммедъ ставилъ свою земную власть условіемъ спасенія людей (Коранъ, 24, 26).

Противодѣйствіе іудеевъ и христіанъ вѣроученію Мухаммеда, которое онъ считалъ тождественнымъ съ вѣ-

---

[1]) См. описанія мусульманскихъ возстаній въ разныхъ странахъ и главу X въ соч. Н. Ѳ. Дубровина «Исторія Крымской войны и обороны Севастополя». Томъ I (С.-Петербургъ, 1900).

[2]) Жизнь и ученіе Мухаммеда или духъ ислама. Томъ I, стр. 361 и 362 и вся глава XII. Но авторъ умалчиваетъ объ отношеніяхъ мусул. правителей къ вѣроотступникамъ и къ иновѣрцамъ: первыхъ побивали камнями, а послѣднихъ разными стѣсненіями принуждали къ принятію ислама (Гиргасъ).

роученіемъ древнихъ пророковъ, привело основателя ислама къ новой мысли—объ искаженіи іудеями и христіанами своихъ священныхъ книгъ. Мухаммедъ, какъ будто, разсуждалъ такимъ образомъ: проповѣдуемое имъ ученіе должно быть сходно съ ученіемъ св. книгъ іудеевъ и христіанъ, которые должны найти указанія на него въ своихъ св. книгахъ и признать его (Мухаммеда) истиннымъ пророкомъ; но такъ какъ іудеи, а потомъ и христіане не признали его обѣщаннымъ имъ Утѣшителемъ, то Мухаммедъ объявилъ, что въ св. книгахъ іудеевъ и христіанъ есть искаженія, или они забыли часть Божіихъ откровеній (ср. гл 2, ст. 72—73; гл. 3, ст. 72). Въ 5-й главѣ Корана самъ Богъ представляется обличающимъ іудеевъ и христіанъ за искаженіе св. книгъ: „Знающіе писанія! Къ вамъ пришелъ посланникъ Нашъ (т. е. Мухаммедъ); онъ ясно укажетъ вамъ многое изъ того, что скрыли вы изъ писанія, и *отмѣнитъ* многое“ (ст. 18)

Не перечисляя всѣхъ другихъ противорѣчій въ ученіи Корана, общее число которыхъ, по завѣреніямъ самихъ мусульманъ, простирается до 225, скажемъ, что противорѣчія эти подрывали вѣру въ авторитетъ Корана, какъ слова Божія не только по мысли, но и по буквѣ, какъ вѣроустава, происшедшаго всецѣло отъ Бога. Въ самомъ Коранѣ (4 гл., 84 ст.) говорится: „Не разсматривали ли они внимательно Корана? Если бы онъ былъ не отъ Бога, то, безъ сомнѣнія, нашли бы въ немъ множество противорѣчій“. Стихъ этотъ, по надписанію главы, относится къ мединскимъ; но, вѣроятно, онъ происхожденія меккскаго, потому что противорѣчія въ Коранѣ стали появляться уже въ Мединѣ, когда Мухаммедъ началъ измѣнять свои первоначальные взгляды на религіозные и общественные

порядки. Но гдѣ бы не явился этотъ стихъ, въ данномъ случаѣ важно то, что Мухаммедъ, считая отсутствіе противорѣчій однимъ изъ доказательствъ божественнаго происхожденія Корана, оказался еще на первыхъ порахъ своей жизни въ Мединѣ въ неловкомъ положеніи отъ сознанія, что въ Коранѣ начали замѣчаться противорѣчія, на которыя уже стали обращать вниманіе невѣрующіе въ Мухаммеда іудеи и старались подрывать вѣру въ авторитетъ Корана. Тогда-то Мухаммедъ и нашелся вынужденнымъ объявить въ Коранѣ, что видимыя противорѣчія Корана въ нѣкоторыхъ стихахъ не суть противорѣчія въ собственномъ смыслѣ, а только замѣна однихъ стиховъ другими, лучшими. Въ 16 гл. 103 ст. говорится: „Если мы *замѣнимъ* одинъ стихъ Корана другимъ (Богъ лучше знаетъ, что Онъ открылъ), то невѣрующіе говорятъ: это онъ выдумалъ самъ. Нѣтъ! Большая часть ихъ не знаютъ этого“. Во 2 гл. 100 ст. говорится также: „Мы *не отмѣнимъ* ни одного стиха этой книги и ни одному стиху не позволимъ уничтожиться въ твоей памяти, *не замѣнивъ* его другимъ лучшимъ, или равнымъ ему“. „Богъ, что захочетъ, то уничтожаетъ или сохраняетъ. Мать книгъ (т. е. небесный первотекстъ Корана) находится въ Его рукахъ“, говорится въ 13 гл. 39 стихѣ.

Такъ защищалъ себя Мухаммедъ отъ высказывамыхъ его врагами укоризнъ и отъ подозрѣнія въ обманѣ: „Не можетъ быть, чтобы пророкъ обманывалъ васъ“, говорится въ 3-й гл. 155 ст. Корана.

Но, очевидно, такая защита Мухаммеда не убѣждала его враговъ. Особенно по смерти его, въ исламѣ выступили враждебныя одна другой религіозныя партіи, которыя старались не только укорять и обличать одна другую въ

неправотѣ мнѣній, но и подрывать авторитетъ самаго ислама. Однимъ изъ поводовъ къ такому возраженію противъ ислама служили противорѣчивыя мѣста въ Коранѣ. Тогда правовѣрная партія озаботилась не только утвердить главныя положенія ислама, но и защитить недостатки Мухаммеда и Корана.

На основаніи приведенныхъ стиховъ Корана, въ которыхъ говорится, что самъ Богъ *замѣняетъ* одинъ стихъ Корана другимъ, мухаммеданскіе правовѣрые богословы составили особую теорію о такъ называемомъ *насхъ*, т. е. объ *отмѣненіи* однихъ стиховъ Корана и замѣнѣ ихъ другими. Этою теоріею мусульманскіе ученые старались убѣдить если не своихъ противниковъ, то по крайней мѣрѣ самихъ себя въ томъ, что въ Коранѣ нѣтъ противорѣчій, которыя бы оставались неустранимыми. Эта теорія имѣетъ цѣлью прикрыть недостатки Корана, примирить противорѣчія въ его ученіи какимъ бы то ни было образомъ и успокоить религіозное сознаніе вѣрующихъ мусульманъ. Чтобы должнымъ образомъ объяснять Коранъ, необходимо, по этой теоріи, знать стихи отмѣняющіе (насыхъ) и стихи отмѣненные *(мансухъ)*, какъ указалъ на это еще Алій, осудившій въ свое время Абдуррахмана, ученика Абу-Мусы-Ашгари, за то, что при объясненіи Корана, Абдурахманъ не принималъ въ сооображеніе насыха и мансуха. Мнѣніе свое мусульманскіе богословы подкрѣпляютъ уже извѣстнымъ намъ стихомъ Корана (2,100) и на основаніи этого стиха заключаютъ, что нѣкоторыя положенія Корана отмѣнены другими, что въ замѣнъ однихъ религіозныхъ установленій въ религіозной практикѣ ислама получили силу другіе порядки. Такъ, напримѣръ, во время Адама было позволено его сыновьямъ жениться на своихъ род-

ныхъ сестрахъ, но послѣ, при Моисеѣ, это разрѣшеніе было отмѣнено и при Мухаммедѣ подтверждено.

По „теоріи отмѣненія", изложенной въ краткомъ видѣ въ трактатѣ Джалаледдина Суюти, имѣющемъ заглавіе „*Китабу-н-насыхъ ва-ль-мансухъ*", насхъ (отмѣненіе) имѣетъ четыре вида, именно: 1) отмѣненіе одной св. книги другою; 2) отмѣненіе одного преданія другимъ преданіемъ; 3) отмѣненіе преданія св. книгой и 4) отмѣненіе св. книги преданіемъ.

Отмѣняемое же бываетъ трехъ родовъ:

1) Когда легкое предписаніе замѣняется болѣе труднымъ, напримѣръ: сначала за прелюбодѣяніе назначалось тюремное заключеніе, пожизненное или временное, а потомъ за это преступленіе было назначено тѣлесное наказаніе плетью и даже побіеніе камнями.

2) Когда тяжелое постановленіе замѣнялось болѣе легкимъ, напримѣръ: во время первыхъ воинъ ислама каждый мусульманинъ не долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія отъ десяти враговъ, нападавшихъ на него, а впослѣдствіи мусульманамъ запрещалось бѣжать уже не отъ десяти, а отъ двухъ только враговъ.

3) Когда одно постановленіе отмѣнялось другимъ, равнымъ по значенію, напримѣръ: въ первые годы мединской жизни Мухаммедъ, чтобы угодить іудеямъ, предписалъ своимъ послѣдователямъ обращаться лицомъ во время молитвы къ Іерусалимскому храму, а потомъ вмѣсто Іерусалимскаго храма было указано мусульманамъ обращаться во время молитвы къ языческому храму арабовъ—Меккской Каабѣ (Коранъ, 2, 136-140).

Отмѣненные стихи встрѣчаются въ 63-хъ главахъ Корана при чемъ только въ 58 изъ нихъ нѣтъ ни отмѣ-

няющихъ [1]), а въ шести главахъ есть только отмѣняющіе стихи, но нѣтъ отмѣненныхъ [2]).

Любопытную черту теоріи отмѣненія составляетъ самый характеръ, или степень отмѣненія. Такъ, иногда отмѣняются текстъ, чтеніе и смыслъ стиховъ Корана; иногда отмѣняются текстъ и чтеніе стиха, но остается его смыслъ; иногда отмѣняется смыслъ, но остаются текстъ и чтеніе стиха. Примѣромъ самаго полнаго отмѣненія служитъ отмѣненіе цѣлой главы Корана, изъ которой преданіе сохранило только одинъ стихъ, читающійся такъ: „Если бы сынъ человѣческій имѣлъ двѣ долины золота, то непремѣнно пожелалъ бы третьей, а если бы имѣлъ три долины золота, то пожелалъ бы четвертой“. Точно также извѣстно изъ преданія, что Ибнъ-Масудъ заучилъ со словъ Мухаммеда главу Корана и, пришедши домой, записалъ ее на бумагѣ. Но на утро Ибнъ-Масудъ не могъ припомнить этой главы, хотя съ вечера и зналъ ее наизусть. Поэтому онъ обратился къ своей записи, на которой была записана глава, и къ своему удивленію замѣтилъ, что написанное вчера было совершенно изглажено. Тогда онъ обратился къ Мухаммеду и разсказалъ ему о случившемся. Мухаммедъ отвѣчалъ, что эта глава вчера же была взята обратно на небо. Такимъ образомъ, глава эта была отмѣнена и по буквѣ, и по смыслу, и по чтенію.—Примѣромъ отмѣненія текста и чтенія служитъ стихъ, не находящійся теперь въ Коранѣ, но читавшійся такъ: „Если мужчина и женщина

---

[1]) Главы Корана, въ которыхъ нѣтъ отмѣняющихъ и отмѣненныхъ стиховъ, слѣдующія: 1, 12. 14, 23, 26, 27, 31, 34, 35, 36. 47, 49, 50, 53, 55, 56, 57, 62, 66, 67, 69, 71, 72, 75, 77—108, 110—114,

[2]) Шесть главъ Корана, въ которыхъ есть стихи отмѣняющіе, но нѣтъ отмѣненныхъ, слѣдующія: 48, 59, 63, 64, 65, 87.

впадутъ въ прелюбодѣяніе, то побивайте ихъ обоихъ камнями. Таково наказаніе отъ Бога, потому что Богъ всесиленъ и премудръ". Этотъ стихъ былъ извѣстенъ при Омарѣ, который ввелъ его въ законъ, но не внесъ въ Коранъ [1]).

Особеннымъ значеніемъ въ теоріи отмѣненія пользуется гл. 9 стихъ 5, читающійся такъ: „По окончаніи священныхъ мѣсяцевъ, убивайте многобожниковъ вездѣ, гдѣ найдете ихъ, берите ихъ въ плѣнъ, подкарауливайте ихъ во всякой засадѣ. Но если они обратятся, если станутъ совершать молитву и подавать милостыню, то оставьте ихъ въ покоѣ, потому что Богъ терпѣливъ и милосердъ". Этотъ стихъ имѣетъ у мусульманъ особое значеніе, какъ отмѣнившій многіе стихи Корана, и носитъ даже особое названіе „*Стихъ меча*", подобно тому, какъ 256 стихъ 2-й главы извѣстенъ подъ именемъ „*Стихъ Престола Божія*". „Стихъ меча" отмѣняетъ: а) 2 гл. 186—187 ст., въ которыхъ заповѣдуется Мухаммеду сдержанность во время войны; б) 257 ст. той же главы, гдѣ говорится, что въ религіи нѣтъ принужденія; в) гл. 6, ст. 108, гдѣ запрещается Мухаммеду раздражать язычниковъ поношеніемъ ихъ боговъ; г) гл. 18, ст. 28, гдѣ вѣра и невѣріе предоставлены на волю каждаго человѣка и д) наконецъ всѣ тѣ стихи, въ которыхъ заповѣдуется Мухаммеду только предлагать свое ученіе (42, 47), терпѣливо переносить возраженія и насмѣшки невѣрующихъ (20, 130), опровергать ихъ съ кротостью (41, 34; 16, 126; 23, 97; 29, 45), приглашать къ принятію ислама ласкою и вообще держать себя, какъ прилично проповѣднику (35, 21—23), а не какъ

---

[1]) См. Свѣдѣнія о Коранѣ, стр. 138 и 335.

полицейскому чиновнику (42, 7; 6, 104—107, и предоставлять всѣ дѣла невѣрующихъ суду Божiю (95, 8; 22, 67—68).

Теорiя отмѣненiя прилагается и къ ученiю Корана о священныхъ книгахъ iудеевъ и христiанъ, въ такомъ смыслѣ: каждый послѣдующiй пророкъ даннымъ ему отъ Бога закономъ отмѣняетъ законъ предшественника. А такъ какъ Мухаммедъ есть послѣднiй пророкъ, *печать пророковъ*, то и данная ему книга „Коранъ" отмѣняетъ собою всѣ священныя книги бывшихъ прежде него пророковъ. Это отмѣненiе простирается не только на текстъ и чтенiе, но и на самый смыслъ, и такимъ образомъ осуждаетъ священныя книги евреевъ и христiанъ на совершенное забвенiе. Между тѣмъ въ гл. 5 ст. 47—48 сказано, что въ Законѣ Моисея заключается судъ Бога, что въ немъ правота и свѣтъ. Подобно этому, въ ст. 50—51 сказано, что въ Евангелiи—правота и свѣтъ, подтверждающiе то, что было въ Законѣ,—руководство и ученiе для богобоязливыхъ. Тѣ, которые не судятъ по Закону и Евангелiю, въ Коранѣ названы нечестивыми (ст. 49—51). Если же признать, что въ Коранѣ ничего не опущено (6, 38 и 59), и что Коранъ—истолкованiе всѣмъ вещамъ (12, 111; 16, 91), то какъ согласить съ этимъ заявленiе о невозможности записать все, что о нѣкоторыхъ пророкахъ не разсказано въ Коранѣ (18, 109; 31, 26; 4, 162; 40, 78).

Слабая сторона теорiи отмѣненiя состоитъ въ томъ, что вопреки ея положенiю о замѣнѣ одного стиха другимъ лучшимъ, оказывается иногда, что отмѣняющiй стихъ хуже отмѣняемаго. Сначала Мухаммедъ распространялъ свое ученiе только убѣжденiемъ съ кротостью и утверждалъ въ Коранѣ, что этотъ именно способъ и есть лучшiй, заповѣ-

данный Богомъ, а потомъ сталъ утверждать, что Богъ открылъ ему новый способъ распространенія своей вѣры посредствомъ войны; но между тѣмъ самъ же Мухаммедъ объявлялъ ранѣе, что насильно никого не должно принуждать къ вѣрѣ. „Если бы было угодно Господу твоему— говорится въ Коранѣ, —то всѣ вообще обитатели земли увѣровали бы въ тебя. И принудишь ли ты людей насильно вѣровать? Никто не можетъ вѣровать безъ соизволенія Божія" (10, 99—100). По смыслу приведенныхъ стиховъ Корана, насильственныя средства не могутъ служить къ распространенію вѣры (50, 44). Значитъ, они не надежны.

Иногда изъ теоріи отмѣненія получаются странныя заключенія. Изъ положенія о болѣе высокомъ достоинствѣ отмѣняющаго стиха не слѣдуетъ, очевидно, того, чтобы отмѣненный стихъ не имѣлъ никакого достоинства. Какъ откровеніе Божіе, и отмѣненный стихъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, для извѣстнаго времени хорошъ, какъ думаютъ объ этомъ и мусульмане. Прилагая же эти соображенія къ вопросу о спасеніи человѣка вѣрою и добрыми дѣлами, какъ объ этомъ говорится въ Коранѣ, мы получимъ несообразное заключеніе, именно, что откровеніе Божіе не имѣетъ приличнаго ему достоинства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Корана, какъ было упомянуто, высказывается взглядъ Мухаммеда на другія религіи—взглядъ, отличающійся вѣротерпимостью: всѣ спасутся—и христіане, и іудеи, и сабейцы, и послѣдователи Мухаммеда, словомъ всѣ, кто вѣруетъ въ Бога и послѣдній день и творитъ добрыя дѣла (2, 59; 5, 73). Но этотъ стихъ отмѣненъ по смыслу другимъ стихомъ, въ которомъ говорится, что послѣдователи иныхъ религій, кромѣ ислама, не угодны Богу и въ будущей жизни будутъ въ числѣ несчастныхъ

(3, 79), хотя въ 78 стихѣ той-же главы самъ Богъ предлагаетъ Мухаммеду признать откровенія, данныя прежде него бывшимъ пророкамъ, и не дѣлать различія между ними.

По той же теоріи отмѣненія, нѣкоторые отмѣняющіе стихи (*насыхъ*) появились прежде отмѣненныхъ ими стиховъ (*мансухъ*). Примѣромъ такого страннаго отмѣненія служитъ 234 ст. 2 гл., который былъ ниспосланъ Мухаммеду прежде 241 ст. той же главы, отмѣненнаго раннимъ стихомъ. Въ 234 ст. говорится: „Если кто изъ васъ умираетъ, оставляя женъ, то жены должны ждать четыре мѣсяца и десять дней. По окончаніи этого срока, онѣ могутъ располагать собою добровольно, и вы не будете отвѣчать за нихъ: Богъ вѣдаетъ ваши поступки“. Этотъ стихъ, явившійся ранѣе 241, отмѣнилъ его, а въ 241 ст. говорится: „Кто изъ васъ умираетъ, оставляя послѣ себя женъ, долженъ назначить имъ содержаніе достаточное *на годъ*, безъ выхода ихъ изъ дома. Если же онѣ сами оставятъ домъ въ теченіе этого времени (и выйдутъ замужъ), то вы не отвѣчаете за то, что онѣ сдѣлаютъ добровольно“. Дѣло здѣсь въ томъ, что сначала Мухаммедъ объявилъ 4 мѣс. и 10 дней для иддата [1]) вдовъ, каковой срокъ вошелъ въ законъ, а послѣ сказалъ, что срокъ этотъ продолжится годъ.

Другой примѣръ такого отмѣненія представляетъ 49-й стихъ 33 главы, гдѣ сказано: „Пророкъ! тебѣ позволено жениться на женахъ, которыхъ ты одаришь, на плѣнницахъ, которыя по изволенію Божію попадутъ въ твои руки, на дочеряхъ твоихъ дядей и тетокъ по матери и по отцу, которыя переселились съ тобою въ Медину, и на

---

[1]) Спеціальный терминъ, опредѣляющій для вдовъ срокъ вдовства ихъ до новаго замужества.

всякой вѣрующей, которая отдастся въ руки пророка, если пророкъ захочетъ жениться на ней. Это—твое особенное право, а не всѣхъ вѣрующихъ". Послѣ этого въ 52 ст. было открыто ему: „Впередъ тебѣ не позволено брать другихъ женъ, мѣнять ихъ одну на другую, даже когда тебя обворожитъ ихъ красота, кромѣ невольницъ, которыхъ ты можешь пріобрѣтать".

Кромѣ приведенныхъ противорѣчій, въ Коранѣ есть и такія противорѣчія, на которыя мусульмане не обращали своего вниманія и потому не позаботились примирить ихъ своею теоріею о насхѣ. Таково (3, 127; 57, 21) представленіе Корана о раѣ, занимающемъ пространство, равное небу и землѣ, и потому исключающее возможность существованія земли и ада, не говоря уже о томъ, что оно противорѣчитъ другому представленію, по которому рай весь помѣщается на небѣ (34, 36). Такое же противорѣчіе заключается въ представленіи, что престолъ Божій обширнѣе неба и земли (2,256), а между тѣмъ нѣкоторые богословы думаютъ, что у Бога на небѣ два престола. Въ одномъ мѣстѣ Корана говорится, что идолы не живыя существа, а только имена (53, 23), а въ другомъ мѣстѣ говорится, что въ день суда Богъ соберетъ ложныхъ боговъ и заставитъ ихъ отвѣчать (25, 18—20), а потомъ ввергнетъ ихъ въ адъ, гдѣ они будутъ вѣчно мучиться (21, 98—100).—Особенно много противорѣчій въ ученіи Корана о предопредѣленіи и добрыхъ дѣлахъ: въ однихъ стихахъ Корана добрыя дѣла признаются условіемъ спасенія человѣка, а въ другихъ стихахъ говорится, что Богъ спасаетъ, кого захочетъ, и осуждаетъ на вѣчныя муки, кого захочетъ. (См. въ Указателѣ къ Корану, сл. Богъ и Награда).

Не легко высказать заключительное слово объ изложенной „теоріи отмѣненія“. Безъ сомнѣнія, Коранъ, какъ религіозная доктрина, какъ „истина, исходящая отъ Бога“, не долженъ бы заключать въ себѣ противорѣчій, какъ объ этомъ и заявлено въ Коранѣ (4, 84); но религіозное сознаніе Мухаммеда развивалось постепенно, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ, и онъ неизбѣжно мѣнялъ свои убѣжденія, а увлеченные послѣдователи его, жившіе непосредственнымъ чувствомъ обаянія его личностію, какъ посланника Божія, благоговѣйно запоминали и записывали всѣ его изреченія прежнія и послѣдующія и переживали сладостныя минуты религіознаго восторга; они въ каждый данный моментъ не замѣчали противорѣчій, которыя были замѣтны для упорныхъ враговъ Корана. Притомъ самъ Мухаммедъ не заботился придать Корану видъ систематически изложеннаго кодекса, а собиратели Корана не рѣшались свободно распоряжаться „словомъ Божіимъ“ и старались внести въ сборникъ все, что находили записаннымъ и подтвержденнымъ свидѣтелями. *) Такъ получилась безпорядочная книга, для оправданія которой и была придумана „теорія отмѣненія“, не только не улучшившая дѣла, а еще болѣе запутавшая его. Можно съ увѣренностью сказать, что въ дѣйствительности всѣ отмѣняющіе стихи были обнародованы *послѣ* отмѣненныхъ, а не наоборотъ, какъ учитъ иногда теорія „насха“. При такомъ взглядѣ на дѣло, многіе недостатки Корана должны быть отнесены на долю собирателей и редакторовъ его, не умѣвшихъ размѣстить стиховъ Корана въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

---

*) См. выше исторію текста Корана.

Вѣроученіе Корана.

Чтобы правильно понять и по достоинству оцѣнить вѣроученіе Корана, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что проповѣдникъ этого ученія, Мухаммедъ родился и выросъ среди арабскихъ многобожниковъ (Кор. 10, 17) и самъ нѣкоторое время находился въ заблужденіи (93, 7), считая чтимыхъ арабами боговъ дѣйствительными существами, которыя послѣ всеобщаго суда Божія будутъ ввергнуты въ геенну вмѣстѣ съ поклонявшимися имъ арабами (21, 98,—100)... Очевидно, что Мухаммедъ, какъ *неученый* простолюдинъ (7, 155—158), при всѣхъ своихъ высокихъ душевныхъ стремленіяхъ, не могъ сразу отрѣшиться отъ вѣрованій своихъ соплеменниковъ,—и только личныя встрѣчи и бесѣды съ іудеями и христіанами прояснили зародившіяся въ его умѣ новыя религіозныя понятія, омрачавшіяся сомнѣніями [1]), такъ что были необходимы особыя внушенія со стороны Аллаха, чтобы предостеречь арабскаго реформатора отъ опасности уклониться отъ прямаго пути (28, 87—88). Установившись потомъ въ главныхъ пунктахъ новаго вѣроученія (ислама), Мухаммедъ объявилъ своимъ слушателямъ: „Благочестивы тѣ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день, въ писаніе, въ пророковъ" (2, 172 и 286). Затѣмъ было объявлено: „Вѣруйте въ Бога, въ посланника Его, въ писаніе, которое Онъ ниспослалъ ему (т. е. Коранъ), и въ писанія, которыя Онъ ниспослалъ прежде; а кто отвергаетъ вѣру въ Бога, въ ангеловъ, въ писанья Его, въ посланниковъ Его и въ послѣдній день, тотъ заблудился крайнимъ заблужденіемъ (4,135).

---

[1]) См. въ Коранѣ: 5, 54; 6, 114—116; 17, 75—76; 48, 14 и др.

Такимъ образомъ, основными догматами вѣроученія Корана считаются: 1) вѣра въ Бога, 2) вѣра въ ангеловъ, вѣра въ св. книги, 4) вѣра въ посланниковъ (пророковъ) и въ числѣ ихъ вѣра въ Мухаммеда и 5) вѣра въ послѣдній день, т. е. въ воскресеніе мертвыхъ и въ день всеобщаго суда Божія. А символическая формула ислама читается такъ: *„Нѣтъ божества, кромѣ Бога; Мухаммедъ —посланникъ Божій"*.

Вмѣстѣ съ вѣрою въ перечисленные догматы, послѣдователямъ Корана предписаны слѣдующія религіозныя обязанности (фарзъ): 1) молитва, предваряемая омовеніемъ; 2) постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ; 3) милостыня; 4) путешествіе въ Мекку на поклоненіе Каабѣ (хаджъ) и 5) война за вѣру [1]). Ученіе объ этихъ религіозныхъ обязанностяхъ входитъ въ мусульманскій катихизисъ и подробно объясняется въ мусульманскомъ законовѣдѣніи [2]).

Своеобразно резюмируетъ вѣроученіе Корана индійскій апологетъ ислама, Миръ-Али, когда говоритъ въ своей книгѣ [3]), что главныя основанія системы ислама, зиждутся: 1) на вѣрѣ въ единство и невещественность, могущество, милосердіе и безграничную любовь Создателя; 2) на милостивомъ и братскомъ отношеніи между людьми; 3) на порабощеніи страстей; 4) на изліяніи благодарнаго сердца къ Дарующему блага и 5) на отчетѣ за человѣческіе поступки въ будущей жизни. По этому поводу авторъ прибавляетъ: „Велѣнья и благородныя понятія, выраженныя въ

[1]) См. соотвѣтствующіе стихи Корана по Указателю Г. Саблукова.

[2]) На русск. яз. можно читать объ этомъ въ разныхъ вып. Миссіонер. противомусул. сборника и въ Хидаѣ, перев. подъ ред. Н. И. Гродекова (Ташкентъ, 1893).

[3]) Жизнь и ученіе Мухаммеда или духъ ислама. Рус. перев. стр. 261—262.

Коранѣ о любви и могуществѣ Божіемъ превосходятъ все, что существуетъ подобнаго въ другихъ языкахъ. Единство Бога, Его невещественность, Его величіе, Его милосердіе составляютъ тему самыхъ краснорѣчивыхъ и душу потрясающихъ страницъ"... [1]) Задавшись цѣлью—*возвысить* вѣроученіе Корана надъ вѣрованіями *всѣхъ* другихъ народовъ, Миръ-Али голословно увѣряетъ своихъ читателей, что „арабскій міръ имѣлъ какое-то неосязаемое, необъяснимое понятіе о высшемъ существѣ, господствующемъ надъ всѣмъ", что даже представленія іудеевъ и христіанъ о Единомъ Богѣ были затемнены языческими вѣрованіями и что будто бы на Никейскомъ соборѣ были люди, признававшіе, кромѣ Бога-Отца, еще двухъ боговъ—Христа и Дѣву Марію. Возражая извѣстному западному богослову Дейчу, утверждающему, что было введено въ обычай приписывать христіанству все, что есть хорошаго въ мохаммеданствѣ, Миръ-Али замѣчаетъ, что эта теорія несовмѣстима съ результатами честнаго изслѣдованія: лучше и не говорить объ арабскихъ христіанахъ, существовавшихъ во времена Мохаммеда.... Мохаммедъ, вдохновленный общеніемъ съ Богомъ, обращался голосомъ, исполненнымъ истины и замѣчательнаго краснорѣчія, къ языческимъ арабскимъ племенамъ и къ послѣдователямъ униженнаго христіанства и іудейства, заставляя ихъ краснѣть за ихъ чудовищныя вѣрованія. Мухаммедъ, великій апостолъ единства Божія, выступаетъ въ исторіи въ благородномъ столкновеніи съ ретроградныяъ стремленьемъ человѣка присоединять другихъ существъ къ Создателю вселенной. Въ Коранѣ поминутно встрѣчаются слѣдующія жгучія слова:

---

[1]) Жизнь и ученіе Мухаммеда или духъ иславма стр. 270.

„Вотъ Богъ—Богъ единый; нѣтъ Бога, кромѣ Него [1])…. Далѣе, на стр. 271—275, авторъ приводитъ разные стихи Корана въ доказательство возвышенности ученія этой „удивительной книги“ о Богѣ, заявляя, что исламскія понятія о Всевышнемъ были невѣрно истолкованы христіанскими писателями, и ни однимъ словомъ не указалъ на очевидныя повторенія въ Коранѣ великихъ религіозныхъ истинъ, которыя были извѣстны міру гораздо ранѣе эпохи Мухаммеда—отъ іудеевъ и христіанъ, которыхъ самъ же Мухаммедъ укорялъ въ извращеніи богооткровеннаго ученія. Защитникъ Корана не потрудился привести изъ св. книгъ іудеевъ и христіанъ параллельныя мѣста разнымъ возвышеннымъ стихамъ Корана и заявляетъ, что „задолго до этого, когда христіане во снѣ (?) увидѣли распространить чувство жалости на животныхъ, Мохаммедъ впечатлительнымъ словомъ объявилъ людямъ о нравственной обязанности къ своимъ смиреннымъ и безсловеснымъ слугамъ [2])…

Вообще можно сказать, что пріемъ защиты вѣроученія Корана въ книгѣ Миръ-Али, восторженный, но не научный. Автору, вмѣсто патетическихъ фразъ и восклицаній, слѣдовало бы доказать фактами исторіи, что Мухаммедъ дѣйствительно повѣдалъ не арабамъ только, но *всѣмъ* народамъ, не исключая евреевъ и христіанъ, *новое* и возвышенное вѣроученіе, *превосходящее* извѣстныя прежде него религіозныя истины. Но этого авторъ не сдѣлалъ и не могъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 295.

[2]) Но авторъ, должно быть, не знаетъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ было ясно сказано: Блаженъ, иже милуетъ скотъ, а въ законодательствѣ Моисея предписано не завязывать рта вола молотящаго и др.

сдѣлать, такъ какъ монотеизмъ Корана, послѣ еврейскаго и христіанскаго вѣроученія, является повтореніемъ задолго до Мохаммеда установленнаго вѣрованія. Только многобожникамъ арабамъ VI-VII в. по Р. Хр. монотеистическое ученіе Корана (*Алла-таâля*) казалось неизвѣстнымъ, а въ религіозное сознаніе человѣчества это ученіе не внесло ничего болѣе возвышеннаго, сравнительно съ библейскимъ и евангельскимъ ученіемъ. Въ Синайскомъ законодательствѣ чрезъ пророка Моисея еврейскому народу было точно и опредѣленно объявлено отъ имени Божія: „Я Господь Богъ твой!.. да не будетъ у тебя другихъ боговъ"[1]). Въ Новомъ Завѣтѣ истина единства Божія была не только подтверждена, но и разъяснена[2]), а на Никейскомъ соборѣ окончательно формулирована. Отголоски этого вѣрованія были извѣстны и въ Аравіи еще до Мухаммеда, бывшаго не *первымъ* искателемъ Бога; его историческая заслуга состояла въ томъ, что онъ имѣлъ возможность открыто, съ наивностью „*народнаго*" (уммій) проповѣдника, провозгласить вѣру въ Бога единаго въ формѣ опредѣленнаго ученія, соотвѣтствовавшаго умственному развитію своихъ соотечественниковъ и духу своего времени. (Ср. отзывъ В. Дрэпера о Коранѣ).

Еще средневѣковые христіанскіе миссіонеры указывали на заимствованія Корана изъ Талмуда[3]), а позднѣйшіе европейскіе ученые изучавшіе исламъ въ теченіе многихъ лѣтъ на Востокѣ, съ очевидностью показали зависимость Корана отъ іудейства и христіанства[5]), такъ что англи-

---

[1]) Исх. 20, 2—3; Второзак. 5, 6—7.

[2]) Іоан. 17, 3; Марк. 12, 29; 1 Коринѳ. 8, 4.

[3]) Особенно Марраччи, Refutatio Alcorani; а позднѣе А. Гейеръ и др.

[4]) См. вып. VII, VIII и XXI Миссіон. противомусул. сборника и сочин. прот. Е. А. Малова: «Моисеево Законодательство» и «Ученіе объ Адамѣ».

канскій богословъ Арнольдъ [1]) имѣлъ полное право считать исламъ произшедшимъ отъ отца христіанина и матери—іудеянки [2]). При этомъ нужно имѣть въ виду, что Мухаммедъ, проповѣдуя мекканцамъ вѣру въ единаго Бога, не отдѣлялъ въ своихъ рѣчахъ этого ученія отъ загробной жизни и большею частію говорилъ о Богѣ, какъ о Творцѣ міра и мздовоздаятелѣ. Его проповѣди о кончинѣ міра, всеобщемъ воскресеніи и судѣ, а затѣмъ о раѣ и адѣ дышатъ сильнымъ чувствомъ и обнаруживаютъ въ немъ большое религіозно-поэтическое одушевленіе. Не даромъ невѣрующіе соотечественники Мухаммеда, не желая признавать его *пророкомъ*, называли просто *поэтомъ* [3]). Когда невѣровавшіе въ загробную жизнь арабы возражали Мухаммеду: „Ужели мы, послѣ того какъ сдѣлаемся костями и прахомъ,—будемъ воскрешены? (17, 100) „Невѣрующіе думаютъ: нѣтъ, не бывать тому, чтобы они были воскрешены... Скажи: нѣтъ! клянусь Господомъ моимъ,—вѣрно, будете воскрешены“ (64,7) „Кто дастъ жизнь костямъ, когда они уже сгнили? Скажи: дастъ жизнь имъ тотъ, Кто въ первый разъ образовалъ ихъ“ (36,78). Ужели они не могли понять, что Богъ, который сотворилъ небеса и землю и не былъ утомленъ ихъ твореніемъ, можетъ оживить мертвыхъ (46,32). „Люди! если вы сомнѣваетесь относительно воскресенія, то разсуждайте: Мы создали васъ изъ земли,

---

[1]) Нѣкоторыя главы изъ его книги «Islam» переведены на русск. яз. въ приложеніи къ вып. VI—VIII Мис. противомусул. сборника.

[2]) Арабы всегда считали себя потомками Измаила, сына Авраамова, то есть кровными родственниками евреевъ. Отсюда нужно объяснять неоднократныя указанія Корана на Авраама и его потомство. И все ученіе о пророкахъ, изложенное въ Коранѣ, представляетъ собою близкое подобіе библейскаго ученія, съ прибавленіемъ талмудическихъ разсказовъ.

[3]) Коранъ, 21, 5; 37, 35; 52, 30.

потомъ изъ сѣмени, потомъ изъ сгустившейся крови, потомъ изъ куска мяса, то красиво сложившагося, то некрасиво сложившагося.... Ты видишь эту землю мертвою до безплодія; но когда Мы низведемъ на нее воду, она распускается, бутѣетъ и произращаетъ семейства всякихъ красивыхъ растеній. Такъ бываетъ потому, что Богъ есть истина, что Онъ оживляетъ мертвыхъ, что Онъ всемогущъ,— потому что наступитъ часъ, о которомъ нѣтъ сомнѣнья, и Богъ воскреситъ тѣхъ, которые находятся въ гробахъ [1]. Въ лучшей главѣ Корана сказано: „Хвала Богу, Господу міровъ, Милостивому, Милосердому, Царю дня суднаго" (гл. 1-я).

Такимъ образомъ, ученіе о загробной жизни и ученіе о Богѣ—Творцѣ міра есть одно и то же ученіе: при началѣ міра и концѣ его является одинъ и тотъ же Богъ, какъ главный, центральный пунктъ всей религіозной системы Мухаммеда. Вопросъ о Богѣ-Творцѣ въ самомъ себѣ и о Его отношеніяхъ къ міру, вопросъ о безконечномъ въ его отношеніи къ конечному составляетъ существенный вопросъ въ исторіи религіознаго сознанія человѣчества, служитъ исходнымъ пунктомъ человѣческой религіозной мысли. Каждая религіозная система, каково бы ни было ея частное содержаніе и каковъ бы ни былъ ея отличительный характеръ, неизбѣжно имѣетъ въ своей основѣ извѣстное представленіе о Богѣ. Безъ ученія о личномъ Богѣ не мыслима никакая религія; это ученіе входитъ въ содержаніе религіи существенно, какъ ея необходимая основа. Такое же первостепенное и существенное значеніе ученіе о Богѣ имѣетъ и въ религіи Мухаммеда, въ которой различныя

---

[1]) Гл. 22, ст. 5—7. Ср. Іоан. 6,25—29.

имена Божіи, упоминаются не менѣе часто, чѣмъ въ другихъ религіяхъ.

Сходное съ ветхозавѣтнымъ, ученіе Корана о Богѣ во многихъ мѣстахъ[1]) напоминаетъ псалмы Давида, своей формой изложенія болѣе соотвѣтствовавшіе религіозно-поэтической настроенности Мухаммеда, который при этомъ прибѣгалъ къ угрозамъ и устрашеніямъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на воображеніе и чувства слушателей. Въ этихъ случаяхъ онъ пользовался народными преданіями и образами, доступными пониманію арабовъ. Таковы описанія кончины міра, воскресенія мертвыхъ и суда Божія, ада и рая и упоминанія о судьбѣ древнихъ народовъ, истребленныхъ Богомъ за невѣріе[2]). Основное представленіе о Богѣ, какъ *единомъ* по существу, выражается въ Коранѣ положительно и отрицательно: „Аллахъ есть Богъ единый"; „нѣтъ другого бога, кромѣ Аллаха"; „у Него нѣтъ товарищей, помощниковъ и дѣтей". Возражая многобожникамъ-арабамъ, Мухаммедъ приводилъ имъ такія соображенія: еслибы было *много* боговъ, они произвели бы распрю между собой, и каждый оспаривалъ бы у другого свою долю въ управленіи міромъ (23, 93); если бы при Богѣ были другіе боги, то они стали бы домогаться его власти (17, 44); еслибы при Богѣ были другіе боги, то земля и небо разрушились бы (21, 22); у Бога нѣтъ супруги (8, 101; 72, 3), нѣтъ дочерей (37, 149—166); Ему не свойственно имѣть дѣтей (19, 91—93), и Онъ не нуждается въ соучастникахъ (10, 19). Настаивая такимъ образомъ на абсолют-

1) Ср. кн. Миръ-Али стр. 270—280 и мн. Псалмы.

2) См. въ Указателѣ къ Корану сл. «Арабы» и въ моей книгѣ «Аравія и Коранъ» стр. 85—122.

номъ монотеизмѣ, Мухаммедъ единственнымъ непростительнымъ грѣхомъ людей считалъ многобожіе: „истинно Богъ не проститъ того, что Ему приписываются соучастники, тогда какъ прощаетъ все, что дѣлается кромѣ этого всякому, кому хочетъ. Кто признаетъ боговъ, соучастниковъ Богу, тотъ дѣлаетъ великій грѣхъ (4, 51 и 116). Впослѣдствіи къ числу невѣрныхъ *(кафиръ)* были отнесены и христіане за то, что считаютъ Мессію, Сына Маріи, Богомъ, и за то, что признаютъ Бога троичнымъ (Коранъ, 5, 76 и 77).

Описывая свойства Божіи „прекрасными именами", въ числѣ которыхъ есть странные эпитеты [1]), Коранъ позволяетъ тварямъ довольно фамильярно объясняться съ Богомъ, возражать ему, но только для того, чтобы въ концѣ концовъ совершенно уничтожить ихъ въ ихъ же собственныхъ глазахъ. „Когда", напримѣръ, Богъ сказалъ ангеламъ: „я хочу поставить на землѣ намѣстника", ангелы отвѣчали: поселишь ли Ты на землѣ существо, которое произведетъ безпорядки, прольетъ кровь въ то время, какъ мы будемъ прославлять Тебя хвалами, будемъ безпрестанно воспѣвать и превозносить Твою святость?! „Я лучше васъ про то знаю, рѣзко замѣтилъ имъ Богъ, а вы не знаете"... Такимъ образомъ Аллахъ далъ понять ангеламъ неумѣстность ихъ возраженія, а въ то же время, какъ бы подъ впечатлѣніемъ оскорбленнаго самолюбія, затаилъ свою досаду на ангеловъ. Научивъ Адама именамъ всѣхъ существъ, Аллахъ привелъ ихъ къ ангеламъ и сказалъ: „Нука назовите мнѣ имена ихъ, если вы чистосердечны". „Да

[1]) Напримѣръ: Внѣшній, Внутренній, Вредный, Полезный (см. въ соч. Саблукова «Сличеніе мохам. ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ» (Казань 1872).

будетъ прославлено имя твое! смиренно отвѣчали ангелы. Мы не обладаемъ другими познаніями, кромѣ тѣхъ, какими Ты же научилъ насъ. Ты премудръ, Ты все знаешь!"... Богъ обратился тогда къ Адаму и сказалъ: „Научи ихъ, Адамъ, именамъ всѣхъ существъ!" И когда Адамъ назвалъ имена приведенныхъ существъ, Богъ сказалъ: „Не говорилъ ли я вамъ, что Я знаю тайны небесъ и земли, что знаю все, что вы обнаруживаете и что скрываете" (гл. 2, ст. 28—31).

Или, вотъ еще разговоръ Бога съ діаволомъ: „Въ то время Мы сказали ангеламъ: поклонитесь Адаму! И они поклонились, кромѣ Иблиса: онъ не былъ въ числѣ поклонившихся. Богъ сказалъ: что тебѣ помѣшало поклониться, когда Я повелѣлъ тебѣ? Онъ сказалъ: я лучше его. Меня Ты сотворилъ изъ огня, а его сотворилъ изъ глины. Богъ сказалъ: низвергнись отсюда! Не подобаетъ тебѣ считаться здѣсь великимъ; выйди отсюда, потому что ты сталъ въ числѣ умалившихся. Онъ сказалъ: отсрочь мнѣ до дня, въ который будутъ воскрешены они. Богъ сказалъ: ты въ числѣ тѣхъ, которымъ отсрочено. Онъ сказалъ: за то, что Ты уклонилъ меня отъ прямой стези, я буду дѣлать засады имъ на Твоемъ прямомъ пути. Я буду нападать на нихъ спереди и сзади, справа и слѣва, и Ты увидишь, что многіе изъ нихъ будутъ неблагодарны. Богъ сказалъ: выйди отсюда посрамленнымъ, отверженнымъ! Кто изъ нихъ послѣдуетъ за тобой.... вами всѣми наполню геенну" (7,10—17). Богъ могущъ и мстителенъ (5,96).

Подобно этому, Богъ Корана обращается и къ многобожникамъ: „Истинно, тѣ, которыхъ вы призываете, кромѣ Бога, суть рабы Его такіе же, какъ и вы: призовите ихъ,— и пусть они дадутъ отвѣтъ вамъ, если вы правдивы. Есть

ли у нихъ ноги, чтобы ходить ими? Есть ли у нихъ руки, чтобы брать ими? Есть ли у нихъ очи, чтобы видѣть ими? Есть ли у нихъ уши, чтобы слышать ими? Скажи: призовите признаваемыхъ вами соучастниками Бога и ухитритесь противъ меня; и давайте мнѣ отсрочки"…. (7,193—194). „Вотъ невѣрные ухищряются противъ тебя, чтобы заключить тебя въ оковы, или убить тебя, или изгнать тебя: они ухищряются, и Богъ ухищряется; но Богъ—самый искусный ихъ хитрецовъ" (8,30). „Они хитрили, и Богъ хитрилъ; но Богъ—самый искусный изъ хитрецовъ" (3,47). „Скажи: Богъ быстрѣе всѣхъ въ ухищреніяхъ" (10,22). „Хитрость во всей своей полнотѣ у Бога" (13,42).

Какъ далеко уступаютъ всѣ подобныя мѣста діалогамъ изъ „Потеряннаго и возвращеннаго рая" Мильтона!

Всемогущество, премудрость и всевѣдѣніе Бога, когда Коранъ отступаетъ отъ Библіи, описываются также *по народному*. Небо стоитъ и держится безъ столбовъ (13,2; 31,9); въ небесномъ сводѣ нѣтъ трещинъ (50,6;67,3) и Богъ не даетъ небесамъ обрушиться (35,39). Богъ премудръ и знаетъ все—явное и тайное: „Богъ знаетъ, чѣмъ беременна бываетъ каждая мать, насколько сжимается или расширяется утроба ея; у Него каждая вещь бываетъ по размѣру" (13,9). По Его только знанію, вырастаютъ плоды изъ своихъ цвѣтныхъ чашечекъ, зачинаютъ и родятъ самки (41,47).

Особенно пластично описаны въ Коранѣ рай и адъ. Въ раю текутъ рѣки изъ молока, вина, меда; въ раю растутъ разныя плодовыя деревья, дающія обильную тѣнь; въ раю приготовлены для вѣрующихъ постели и сѣдалища, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, подушки

и ковры, разная посуда для кушаній, чаши и кубки для питій. Вина райскія сладки и не опьяняютъ [1]). Блаженствующіе въ раю будутъ одѣты въ шелковыя зеленаго цвѣта одежды и украсятъ себя золотыми и жемчужными запястьями. Вѣчно юные мальчики будутъ разносить имъ питья, а черноокія дѣвственницы будутъ ихъ супругами [2]).

Соотвѣтственно райскому блаженству, въ Коранѣ описаны и адскія мученія. Въ аду съ яростнымъ ревомъ пылаетъ огонь, и столбы адскаго пламени высоко поднимаются надъ геенной. Грѣшники, находящіеся въ аду, облечены въ одежду изъ смолы, привязаны желѣзными цѣпями къ ошейникамъ и при этомъ получаютъ еще удары желѣзными рожнами. Крикъ и визгъ издаютъ обитатели ада. Они морщатся отъ боли, когда пламя опаляетъ имъ лицо; сгорѣвшая на тѣлѣ кожа возобновляется, чтобы снова сгорать. Для утоленія жажды имъ будутъ давать пить кипящую гноевидную воду и помои, а пищей имъ будутъ служить горькіе плоды Заккума и Дзарига. Они будутъ просить себѣ смерти, но не умрутъ [3]).

Чтобы закончить характеристику вѣроученія Корана, воспользуемся нѣсколькими словами голландскаго пастора Гаури, который называетъ это вѣроученіе *деистическимъ*. По его словамъ, Богъ и міръ стоятъ другъ къ другу въ исключающемъ и внѣшнемъ противоположеніи. Пророкъ

---

[1]) Обращаемъ при этомъ вниманіе на запрещеніе вина послѣдователямъ Корана на землѣ (5,92—93).

[2]) См. другія подробности подъ сл. *Рай* по Указателю Саблукова.

[3]) На основаніи приведенныхъ описаній свойствъ Божіихъ, можно видѣть, насколько неправъ Миръ-Али, утверждающій, что ученіе Корана о Богѣ неизмѣримо превосходитъ собою все, что извѣстно по этому вопросу изъ священныхъ книгъ другихъ народовъ. См по Указателю мѣста Корана подъ словомъ „геенна“ и ст. „Мусульманское ученіе о загробной жизни“ (Правосл. Собесѣд. 1870 г.)

никогда не имѣлъ никакого предчувствія о томъ, что видѣла христіанская церковь въ своемъ ученіи о Тріединомъ Божествѣ; онъ потому и опровергаетъ его столько же страстнымъ, сколько тривіальнымъ образомъ.

„Исключительное противоположеніе между Богомъ и міромъ объясняетъ намъ, почему Коранъ наилучше умѣетъ говорить только о превосхоостве Бога надъ всякою тварію. Его изображенія величія и вседовольства Божіихъ поразительны. Гораздо слабѣе то, что говоритъ онъ о нравственныхъ свойствахъ Бога. Какъ ни много тутъ рѣчей о Его правосудіи, Его гнѣвѣ въ отношеніи къ грѣхамъ, Его кротости и милосердіи, Аллахъ не есть ни святая любовь, ни отреченіе отъ всякаго себялюбія и чувственности. Ни въ святости, ни въ любви Его нѣтъ правосудія. По отношенію къ безбожникамъ любовь не участвуетъ на судѣ Его; Аллахъ слишкомъ спѣшитъ наказать ихъ, оставить на дальнѣйшее блужданіе и ожесточить; гнѣвъ Его не свободенъ отъ страстности. По отношенію же къ вѣрующимъ недостаетъ ему святости, которая не можетъ любить ничего нечистаго. Аллахъ разрѣшилъ своему пророку дѣла, которыя совершенно негодны во всѣхъ иныхъ случаяхъ [1]); да и прочимъ вѣрующимъ Онъ дозволилъ кое-что, что само по себѣ нехорошо. Такъ напримѣръ: было-бы, лучше совсѣмъ не жениться на невольницахъ, но „Богъ прощающій и милосердъ“

„Повелѣнія, какія Богъ заповѣдуетъ, не суть выраженія существа Его; но они произвольны и могутъ поэтому отмѣняться и замѣняться другими. Такимъ образомъ Богъ

---

[1]) Авторъ разумѣетъ стихи Корана, предоставляющіе Мухаммеду разныя преимущества предъ его послѣдователями въ отношеніи военной добычи, выбора женъ и развода съ ними и т. п. См. по Указателю, стр. 157--159.

Мухаммеда производитъ на насъ впечатлѣніе какого-то произвольно владычествующаго восточнаго деспота, дающаго жестоко чувствовать гнѣвъ свой врагамъ своимъ и осыпающаго благодѣяніями своихъ вѣрныхъ, хотя и за ними, конечно, присматривающаго.

„Одно изъ послѣдствій деизма Мухаммедова есть то, что исламъ, какъ ни поднимаетъ онъ Бога высоко надъ міромъ, всетаки придаетъ Ему слишкомъ много человѣческаго [1])

Другую особенность вѣроученія Корана составляютъ частыя указанія его на разныя библейскія событія и лица, которыя въ коранической редакціи напоминаютъ талмудическія и апокрифическія сказанія; но говорить подробно объ историческихъ разсказахъ Корана не входитъ въ нашу задачу. Желающіе ближе познакомиться съ характеромъ и литературными достоинствами разсказовъ Корана о библейскихъ лицахъ и событіяхъ рекомендуемъ сравнить разсказъ Корана (гл. 12-я) объ Іосифѣ съ повѣствованіемъ книги Бытія (гл. 39—45), или разсказъ Корана о Дѣвѣ Маріи (гл. 19, ст. 16—35) съ евангельскимъ повѣствованіемъ о благовѣщеніи и рождествѣ Іисуса Христа.

А такъ какъ въ Коранѣ ученіе о единомъ Богѣ (Аллахѣ) соединено съ обличеніемъ христіанскаго ученія о трехъ лицахъ божества, причемъ это ученіе извращено въ Коранѣ, то мы считаемъ умѣстнымъ разсмотрѣть исторически, какимъ образомъ получилось въ Коранѣ ложное ученіе о христіанской Троицѣ.

---

[1]) Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Пер. съ нѣм. П. И. Хомутовъ. Ташкентъ, 1893. стр. 70—72.

Ученіе Корана о христіанской Троицѣ.

Проповѣдуя ученіе о Богѣ единомъ, Мухаммедъ называлъ *невѣріемъ* христіанское ученіе о Богѣ троичномъ въ лицахъ. „Подлинно,—училъ онъ въ Коранѣ,—уже не вѣруютъ тѣ, которые говорятъ: Богъ есть третій изъ трехъ" (5,77). Проповѣдникъ Корана возмущается ученіемъ христіанъ о Богѣ троичномъ въ Лицахъ, подобно тому, какъ онъ возмущался многобожіемъ арабовъ своего времени. „Мало знакомъ былъ Мухаммедъ, говоритъ Нольдеке, съ духомъ христіанства. Онъ признавалъ, что Іисусъ былъ рожденъ отъ Дѣвы Маріи сверхестественнымъ образомъ, что Онъ творилъ чудеса и былъ вознесенъ на небо, но отвергъ имя „Сына Божія", какъ *идолопоклонническое*, и не допускалъ, что Іисусъ былъ дѣйствительно распятъ.... *Съ отвращеніемъ отвергъ Мухаммедъ ученіе христіанъ о Троицѣ*" [1]). Полемизируя противъ этого ученія, Мухаммедъ всегда высказывался въ Коранѣ въ рѣзкихъ и даже грубыхъ выраженіяхъ. Эту послѣднюю черту въ Мухаммедѣ нужно объяснять тѣмъ именно, что, по выраженію Ф. Герока [2]), неразвитый, естественный умъ Мухаммеда не былъ особенно тонокъ и не обладалъ богословскою эрудиціей; поэтому-то основатель ислама и не могъ входить въ научно-богословскіе диспуты съ христіанами, не могъ доказывать имъ своего ученія и опровергать противныя мнѣнія такъ, какъ въ свое время св. отцы христіанской Церкви доказывали еретикамъ христіанскія истины

---

[1]] Real Encyklopädie für protestantiche Theologie und Kirche von Dr. Herzog. 18. B. Gotha. 1864. p. 810. «Muhammed und der Islam» Th. Nöldeke.

[2]) См. Versuch einer Darstellung der Christologie des Koran von C. F. Gerock. Hamburg und Gotha. 1839. pp. 70—71.

и какъ опровергали еретическія заблужденія. Въ подобныхъ случаяхъ Мухаммедъ просто говорилъ: „не вѣруютъ тѣ, которые говорятъ: „Мессія, сынъ Маріи—Богъ“ [1]). „Не вѣруютъ тѣ, которые говорятъ: Богъ есть третій изъ трехъ (т. е. божествъ)“ [2]). „Христіане говорятъ: Мессія—Сынъ Божій.... да поразитъ ихъ Богъ!“ [3]) „Чуть не развержаются небеса, не раскрывается земля и не обрушиваются горы (отъ того), что христіане приписываютъ Милосердому дитя“ [4]). „Подлинно, Господь нашъ—превознесенн Его величіе!—не принялъ къ себѣ ни супруги, ни дитяти“ [5]). „Богъ—единъ.... Онъ не рождалъ и не рожденъ“ [6]). „Подлинно, Богъ не проститъ, если присоединяютъ къ Нему (другія божества); Онъ проститъ (всякій другой грѣхъ) кромѣ этого, кому захочетъ; а кто присоединяетъ къ Богу (другія божества), тотъ совершилъ величайшій грѣхъ“ [7]).

Такъ вообще смотрѣлъ Мохаммедъ на христіанское ученіе о Пресвятой Троицѣ. Разсматривая далѣе ученіе Мухаммеда о христіанскимъ догматѣ въ болѣе частныхъ его чертахъ, мы замѣчаемъ, что взглядъ Мухаммеда на христіанское ученіе о Троицѣ слишкомъ далеко отступаетъ отъ ученія христіанской Церкви. Основатель ислама, какъ это видно изъ Корана, гораздо менѣе понималъ христіанское ученіе о Пресвятой Троицѣ, чѣмъ это можно себѣ представить, т. е. онъ не только не понималъ этого догмата, но и не зналъ, какъ учили о немъ христіане.

1] Коранъ, глава 5, ст. 19 и 76.

2] Тамже, глава 5, ст. 77.

3] Тамже, глава 9, ст. 30 и др. мѣста.

4] Тамже, глава 19, ст. 92—93.

5] Тамже, глава 72, ст. 3.

6] Тамже, глава 112, ст. 1 и 3.

7] Тамже, глава 4, ст. 51 и 116.

Говоря о христ. Троицѣ, Мохаммедъ никогда не подразумѣвалъ здѣсь извѣстныхъ намъ трехъ Лицъ Божества: Отца, Сына и Духа Святаго и, возражая христіанамъ по поводу этого ученія, Мухаммедъ никогда не представлялъ, что они вѣруютъ въ Духа Святаго, какъ третіе Лице христіанской Троицы. Вмѣстѣ съ этимъ, говоря о Троицѣ, онъ никогда не употреблялъ выраженія: *тріединый Богъ*, а всегда ясно говорилъ о трехъ богахъ, о трехъ отдѣльныхъ божескихъ личностяхъ, не сливающихся между собою во едино даже и по существу своему, и обвинялъ такимъ образомъ христіанъ въ *многобожіи*. По его ученію, три отдѣльныя божественныя личности христіанской Троицы были: Богъ, Дѣва Марія и Іисусъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ Корана: Богъ сказалъ Іисусу: „Іисусъ, сынъ Маріи! говорилъ ли ты людямъ: почитайте меня (Іисуса) и матерь мою (двумя) божествами кромѣ Аллаха? Онъ сказалъ: слава тебѣ! нѣтъ“ [1])... Здѣсь Іисусъ Христосъ самъ представляется отрицающимъ (измышленное Мухаммедомъ) представленіе о лицахъ христіанской Троицы.

Мухаммеданскіе толковники, объясняя выраженія Корана: „не говорите: три божества“ и „не говорите: Богъ есть третій изъ трехъ боговъ“, всегда разумѣютъ подъ тремя богами—Бога, Марію и Іисуса. Такъ, напримѣръ, говоритъ Казы-Байзави: „не говорите: три, т. е три божества: Аллахъ, Мессія и Марія“ [2]). Такимъ же образомъ говорятъ Яхья-бенъ-Салямъ и Мухаммедъ-бенъ-Абдулла: „не вѣруютъ тѣ, которые говорятъ: Іисусъ есть Богъ, и матерь

1] Коранъ, глава 5, ст. 116.

2] Beidhawii Comment. in Coranum. Vol. 1. p. 243. Толков. на 4 гл. ст. 169.

Его—Богъ, и Аллахъ—Богъ“ [1]). Спрашивается теперь, какъ пришелъ Мухаммедъ къ такому представленію о трехъ лицахъ божества, которое находится въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ христіанскимъ ученіемъ о нихъ? Этотъ именно вопросъ былъ рѣшаемъ западными учеными еще въ XVII столѣтіи. Готтингеръ, издавшій свою „Historia orientalis“ въ 1660 г., объяснивши, почему Мухаммедъ называлъ христіанъ *многобожниками*, хочетъ, повидимому, сказать, что поводомъ къ этому послужило состояніе христіанства въ Аравіи предъ Мухаммедомъ. Перечисляя различныя христіанскія ереси, онъ упоминаетъ, основываясь на свидѣтельствѣ св Епифанія [2]), о сектѣ коллиридіанокъ, суевѣрно воздававшихъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи божескую честь, и о сектѣ маріанитовъ, считавшихъ Богородицу, какъ необходимое дополненіе Пресвятой Троицы, божественною личностію. Умалчивая о многихъ другихъ подобныхъ сектахъ, Готтингеръ говоритъ, что еще въ VI вѣкѣ и ранѣе божеская честь, къ соблазну невѣрующихъ и къ величайшей опасности для христіанства, была воздаваема тварямъ и что это то-именно заблужденіе, въ числѣ дру-

---

[1]) Refutatio Alcorani L. Marracсii pp. 178—179. Смотр. также Historia orientalis J. H. Hottingeri p. 343 et cet.

[2]) Св. Епифаній говоритъ, что секта коллиридіанокъ получила свое названіе отъ греческаго слова „Κολλυρίδες“—круглые хлѣбы, какіе были приносимы этими сектантами въ честь Дѣвы Маріи, которую они суевѣрно почитали, воздавая ей божескую почесть. Секта эта состояла исключительно изъ женщинъ и занесена была въ Аравію изъ Скифіи или Верхней Фракіи. Но Готтингеръ замѣчаетъ, что ученіе этой секты неодинаково понималось древними учеными, каковы: Бароній, Форбезій, Ривертъ и Казаубонъ. Бароній, говоритъ, что на основаніи словъ Епифанія нельзя положительно утверждать, хотѣли ли коллиридіанки совершенно лишить Богородицу человѣческой природы, или же хотѣли признать ее только причастницею Божества. Historia orientalis, pp. 341—342.

тихъ, было распространено въ Аравіи. Подобныя несогласія въ христіанскомъ мірѣ, заключаетъ онъ, могли быть извѣстны Мухаммеду, почему онъ нѣсколько разъ упрекалъ въ этомъ христіанъ. Этими-то несогласіями христіанскихъ сектъ относительно Пресвятой Богородицы Готтингеръ и хочетъ объяснить ученіе Мухаммеда, но не высказываетъ опредѣленно своего мнѣнія [1]). Послѣ Готтингера Людовикъ Марраччій замѣтилъ въ своемъ „Refutatio Alcorani" (изд. 1698 г.) что въ ученіи Мухаммеда о христіанской Троицѣ ничего нѣтъ относящагося къ христіанамъ, такъ какъ они не почитаютъ трехъ боговъ и не называютъ Марію Богомъ; но если Мухаммедъ и разумѣлъ въ этомъ случаѣ христіанъ, то въ Аравіи дѣйствительно существовала христіанская секта коллиридіанокъ, около 395 г. по Р. Хр., о которой упоминаетъ св. Епифаній Кипрскій [2]). Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей Корана этимъ вопросомъ занимались: Герокъ, издавшій свой „Versuch einer Darstellung der Christologie des Koran" въ 1839 г., и Сейль, издавшій въ 40-хъ гг. свои „Observations historiques et critiques sur le Mahométisme".

Имѣя въ виду объясненіе Марраччія, какое мы привели выше, Герокъ замѣчаетъ: „невѣроятно, чтобы секта коллиридіанокъ, состоя почти въ продолженіе трехъ вѣковъ исключительно изъ женщинъ, могла распространиться и усилиться ко времени Мухаммеда до того, чтобы ее можно было счесть представительницею всего христіанства. Самыя замѣчательнѣйшія изъ гностическихъ сектъ не могли похвалиться такою славою". Поэтому онъ не находитъ

---

[1]) Historia orientalis. pp. 334—335.
[2]) Refutatio Alcorani. p. 179

нужнымъ обращаться къ христіанскимъ еретикамъ за объясненіемъ кораническаго представленія о включеніи Дѣвы Маріи въ число Лицъ Пресвятой Троицы на мѣсто Святаго Духа и объясняетъ эту странность незнаніемъ Мухаммеда, который смѣшалъ христіанскій догматъ о Троицѣ съ ученіемъ язычниковъ-арабовъ объ ангелахъ, какъ о дочеряхъ Аллаха. Сейль, очевидно, пользуясь въ данномъ случаѣ Готтингеромъ, замѣтилъ, что вымыслы помянутыхъ сектантовъ *дали Мухаммеду поводъ нападать на самую Троицу* [1]).

Изъ приведенныхъ замѣчаній названныхъ запад ныхъ ученыхъ, направленныхъ къ объясненію страннаго ученія Мухаммеда о Пресвятой Троицѣ, мы дѣлаемъ совершенно естественное заключеніе: существованіе въ Аравіи разнообразныхъ взглядовъ еретичествующихъ христіанъ на личность Пресвятой Дѣвы дало Мухаммеду поводъ нападать на самый догматъ христіанской Церкви о Пресвятой Троицѣ; а поверхностное знакомство его съ другими религіями, о которыхъ ему приходилось говорить, было причиною того, что онъ перемѣшалъ въ своемъ представленіи ученіе христіанъ объ отношеніи Іисуса Христа къ Богу Отцу съ отношеніемъ ангеловъ къ Аллаху, какъ вѣрили его соотечественники язычники-арабы. Такимъ обеазомъ мнѣніе Сейля и Герока взаимно пополняютъ другъ друга и оба вмѣстѣ служатъ къ объясненію нашего вопроса.

Сравнивая ученіе Корана объ арабско-языческомъ представленіи ангеловъ дочерями Аллаха съ ученіемъ его

---

[1]) Observat. historiq. et critiq. sur le Mahommetisme. p. 477. Срав. Historia orientalis Hottingeri, pp. 336—349.

объ Іисусѣ Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, естественно приходимъ къ заключенію, что Мухаммедъ не могъ отличить языческо-арабскаго ученія отъ ученія христіанскаго. Во многихъ мѣстахъ Корана встрѣчаются одни и тѣже выраженія, въ какихъ Мухаммедъ возставалъ, какъ противъ христіанскаго ученія о Сынѣ Божіемъ, такъ и противъ языческаго представленія о дочеряхъ Аллаха. Такъ, например, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ противъ язычниковъ-арабовъ: „они говорятъ: Милостивый имѣетъ дѣтей (ангеловъ).... Хвала Ему!—они (только) приближенные слуги Аллаха“ [1]). Точно также говоритъ онъ и противъ христіанъ: „христіане говорятъ: Мессія—Сынъ Божій.... Подлинно, Онъ только слуга, котораго Мы (Богъ) облагодѣтельствовали“ [2]).... И въ другомъ мѣстѣ: „(язычники) говорятъ: Богъ рождалъ.... и установили между Нимъ и джиннами родство.... хвала Аллаху! (Онъ далекъ) отъ того, что присоединяютъ къ Нему“ [3]). О христіанахъ: „хвала Аллаху, чтөбъ у Него было дитя“ [4]). Кромѣ множества подобныхъ выраженій, въ Коранѣ есть и такіе стихи, которые одинаково относятся и къ христіанамъ, и къ язычникамъ, и къ іудеямъ. Такъ, напримѣръ: „они говорятъ: Богъ принялъ дитя“.... (гл 2, ст. 110). Это выраженіе, по объясненію Байзави, указываетъ на іудеевъ, которые говорятъ, что Ездра—сынъ Божій и на христіанъ, которые говорятъ, что мессія—Сынъ Божій и на многобожниковъ-арабовъ, которые говорятъ, что ангелы—дочери Аллаха [5]). Стихъ Корана

[1]) Коранъ, глава 21, ст. 26.
[2]) Тамже, глава 9, ст. 30; гл. 43, ст. 59.
[3]) Тамже, глава 37, ст. 152—159.
[4]) Тамже, глава 4, ст. 169.
[5]) Comment. In Coran. V. I, p. 80.

... „и выдумывають ложно сыновей и дочерей“ (6, 100) Бяйзави объясняетъ: „іудеи говорятъ: Ездра — сынъ Божій; христіане говорятъ: Мессія — сынъ Божій, и арабы говорятъ: ангелы — дочери Аллаха“ [1]). Такъ близко родственны были въ представленіи Мухаммеда ученіе христіанъ о Сынѣ Божіемъ, ученіе іудеевъ объ Ездрѣ и ученіе язычниковъ-арабовъ объ ангелахъ. Представляя себѣ одинаково грубо-чувственнымъ образомъ отношеніе Іисуса Христа къ Богу Отцу, какъ язычники-арабы думали объ отношеніяхъ ангеловъ къ Аллаху, Мухаммедъ могъ разсуждать, что арабы были полигамисты и приписывали нѣсколько женъ Аллаху, а христіане были моногамисты и одну Марію считали супругою Бога.... Только подобнымъ именно грубо-чувственнымъ взглядомъ Мухаммеда на отношеніе Іисуса Христа къ Богу и можетъ быть объясняемо выраженіе Корана, что у Бога нѣтъ ни супруги, ни дѣтей [2]). Усвоивши себѣ такой взглядъ на Бога, Мухаммедъ не развивалъ его въ подробностяхъ, какъ бы пренебрегалъ узнавать подробности этого ученія и, считая его оскорбительнымъ для Бога, всегда восклицалъ: „хвала Богу! Да будетъ превознесено Его величіе! Они говорятъ ложь. Богъ далекъ отъ того, что они присоединяютъ къ Нему“....

Так. обр. Мухаммеду, при его поверхностномъ знакомствѣ съ христіанствомъ, вовсе не было извѣстно, что въ ученіи о Пресвятой Троицѣ нѣтъ множественности, что чтимый христіанами Богъ есть, по выраженію одного св. отца первыхъ вѣковъ христіанства [3]), и единица и три, и ни единица, ни три, какъ превосходящій всякую множе-

---

[1]) Тамже, V. 1. p. 302.

[2]) Глава 72, ст. 3.

[3]) Діонисій Ареопагитъ въ книгѣ „О божественныхъ именахъ“.

ственность, не подлежащій счисленію, высшій всякаго слова и представленія; потому что мы, христіане, нисколько бы не чтили Его, если бы Онъ былъ постигаемъ нашимъ умомъ и словомъ. Но Онъ превыше не только нашего ума, но и всѣхъ пренебесныхъ и истинныхъ умовъ, какъ и называются они умными сущностями. Мухаммедъ не зналъ, что Богъ у христіанъ признается Троицею, а равно и единицею, и что Богъ не перестаетъ быть единымъ, будучи троичнымъ, и будучи троичнымъ, не перестаетъ быть единымъ, но пребываетъ неизмѣнно тѣмъ и другимъ.

Съ другой стороны, говоря о почитаніи христіанами Дѣвы Маріи за богиню, Мухаммедъ какъ бы считалъ это ученіе заблужденіемъ всѣхъ христіанъ вообще и никогда не упоминалъ въ Коранѣ о Святомъ Духѣ, какъ третьемъ Лицѣ Пресвятой Троицы. Позднѣйшіе мухаммеданскіе богословы, болѣе Мухаммеда ознакомленные съ христіанствомъ, старались поправить ошибку своего законоучителя: говоря о христіанской Троицѣ, они упоминали также и о Святомъ Духѣ, а объ ученіи самого Мухаммеда замѣчали, что онъ разумѣлъ не всѣхъ христіанъ, а только какую-то христіанскую секту. Такъ Джелаледдинъ, объясняя слова Корана: „не вѣруютъ тѣ, которые говорятъ, что Богъ есть третій изъ трехъ“.... „не говорите: три“.... [1]),— прибавляетъ: „не говорите: три божества: Богъ, Марія и Іисусъ; а тѣ, которые такъ говорили, были христіанскіе сектанты“ [2]). Другіе же толковники болѣе приближались къ понятію самыхъ христіанъ. Такъ, Бяйзави въ объясне-

---

[1]) Коранъ, глава 5, ст. 77; гл. 4, ст. 169.

[2]) Refutatio Alcorani. L. Marraccii p. 178. Бяйзави въ своемъ толкованіи на 77 ст. 5 гл. говоритъ, что такъ учили сектанты мельхиты. Comment. in Coran. V. I. p. 269.

ніе словъ Корана: „не говорите три"—замѣчаетъ: „подлинно, они говорятъ, что Богъ въ трехъ Лицахъ: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, и понимаютъ подъ Отцомъ *сущность* Божію, подъ Сыномъ—*премудрость*, подъ Духомъ Святымъ—*жизнь*" [1]). Представленіе Бяйзави о трехъ Лицахъ Божества удержалъ позднѣе и Омаръ Нясяфи, авторъ мохаммеданскаго богословія (Агкаида), и называетъ ихъ просто *свойствами* Бога всевышняго [2]). Это послѣднѣе ученіе о христіанской Троицѣ и донынѣ распространено между учеными мусульманами, хотя оно не похоже ни на христіанское ученіе, ни на ученіе Корана.

Первоначально ученіе Мухаммеда о Святомъ Духѣ явилось еще въ Меккѣ и притомъ въ оч. неясной формѣ. Духъ Святый въ Коранѣ представляется сначала неопредѣленною личностію, которая находится въ общеніи съ ангелами и вмѣстѣ съ ними подчинена Богу. Такъ читаемъ въ одной мекской главѣ Корана: „ангелы и *Духъ* (въ ночь опредѣленій) низходятъ (съ неба на землю) съ повелѣніями Господа ихъ" [3]). Въ другой мекской же главѣ сказано: „ангелы и *Духъ* восходятъ къ Нему (Богу) въ день, продолженіе котораго 50,000 лѣтъ" [4]). И еще: „въ день (судный) предстанутъ (предъ Богомъ) *Духъ* и ангелы молча, и (никто) не будетъ говорить кромѣ тѣхъ, кому позволитъ Милосердый" [5]). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Духъ представлется индивидуальною личностью и сохраняетъ индивидуальность и въ другихъ мекскихъ главахъ, при

---

[1]) Comment. in Coran. V. 1 p. 243. Толков. на 169 ст. 4 гл.

[2]) Шархъ-Агкаидъ (на арабскомъ языкѣ). Константинополь. p. 23.

[3]) Коранъ, гл. 97, ст. 4.

[4]) Тамже, гл. 70, ст. 4.

[5]) Тамже, гл. 78, ст. 98.

чемъ имѣетъ другія названія, каковы: „нашъ (т. е. Божій) Духъ“, „вѣрный Духъ“, „вѣрный“, „мощный силою“, „сильный“, „благородный посланникъ“ и наконецъ „Духъ святости“ [1]).

Такой первоначальный взглядъ Мухаммеда на Духа есть, по мнѣнію А. Шпренгера[2]), не что иное, какъ популярная метаморфоза диміурга, евіонитскаго Христа. Мнѣніе это весьма правдоподобно, потому что ученіе евіонитовъ о Христѣ, какъ оно изложено у св. Епифанія, весьма близко подходитъ къ ученію Корана о Духѣ. Христосъ, по представленію евіонитовъ, есть прежде всего созданный *духъ;* далѣе онъ представляется существомъ высшимъ по сравненію съ ангелами и господствующимъ надъ всѣми тварями; наконецъ, облеченный плотію, Онъ являлся патріархамъ [3]). Но Мухаммедъ, заимствовавъ первоначальное

---

[1]) Коранъ, гл. 19, ст. 17; гл. 26, ст. 193; гл. 81, ст. 19—21; гл. 53, ст. 5—6; гл. 16, ст. 104. Взглядъ Мухаммеда на Духа, какъ на личное существо, отличающееся въ тоже время отъ ангеловъ, подалъ поводъ, говоритъ Шпренгеръ, позднѣйшимъ мухаммеданамъ къ нелѣпымъ стихотвореніямъ, въ родѣ слѣдующаго: «Величайшее твореніе Божіе есть, за исключеніемъ престола (Божія), Духъ. Онъ можетъ однимъ глоткомъ поглотить семь небесъ и семь земель. Фигура его ангельская, но лицо онъ имѣетъ человѣческое. Въ день суда онъ будетъ стоять по правую сторону престола (Божія). Онъ находится ближе всѣхъ твореній къ Богу, такъ какъ его мѣсто очень близко къ 70 занавѣсамъ (окружающимъ престолъ Божій). Въ день суда онъ будетъ стоять весьма близко къ Богу и ходатайствовать за тѣхъ, которые вѣровали въ единаго Бога. Онъ отдѣленъ отъ ангеловъ завѣсою, и это необходимо; иначе свѣтъ его обратилъ бы небожителей въ прахъ». См. Spreng. B. II. p. 230—231.

[2]) Sprenger. B. II. p. 230—231.

[3]) Творенія св. Епифанія Кипрскаго. Рус. перев. Москва. 1863. ч. I. стр. 218. Нужно замѣтить, что по ученію Корана всѣ древніе библейскіе патріархи были проповѣдниками ислама и что къ нимъ являлся ангелъ Гавріилъ (Духъ, какъ мы сейчасъ увидимъ), облеченный тѣломъ, подобно тому, какъ онъ явился подъ именемъ «Духа» въ образѣ совершеннаго человѣка Дѣвѣ

свое представленіе о Духѣ у евіонитовъ, Мухоммедъ не ясно представлялъ Его себѣ, какъ это видно изъ его отвѣта на предложенный ему корейшитами вопросъ: что такое Духъ? На этотъ вопросъ Мухаммедъ отвѣтилъ въ высшей степени неопредѣленно, сказавши только: „Духъ—отъ Господа твоего“ [1]). Да и вообще въ позднѣйшихъ меккскихъ главахъ Корана Мухаммедъ пересталъ считать Духа личнымъ существомъ и подъ словомъ „Духъ“ подразумѣвалъ только „вдохновеніе“, какъ это видно изъ слѣдующаго, напримѣръ, стиха: „Богъ не говоритъ съ человѣкомъ иначе, какъ только чрезъ вдохновеніе... Если Богъ посылаетъ посланника, то вдохновляетъ его... Подобно этому, Мы (Богъ) вдохновили тебя (Мухаммеда) Духомъ“ [2]). Въ мединскихъ главахъ Корана Мухаммедъ представлялъ себѣ Духа въ этомъ же послѣднемъ смыслѣ, т. е. только какъ вдохновеніе. Такъ онъ два раза употребилъ выраженіе: „Духъ святости“ въ значеніи „вдохновенія“ по отношенію къ Іисусу Христу: „Мы (Богъ) подкрѣпили Его (Іисуса) Духомъ

Маріи для возвѣщенія ей зачатія Іисуса Христа (Коранъ, глава 19, ст. 17) и какъ онъ всегда являлся Мохаммеду.

[1]) Коранъ, глава 17, ст. 87. Бяйзави въ своемъ толкованіи на этотъ стихъ говоритъ, что іудеи посовѣтовали корейшитамъ предложить Мухаммеду три вопроса: 1) кто были товарищи пещеры?—2) кто владѣтель двухъ роговъ?—и 3) что такое Духъ? При этомъ іудеи сказали: если Мухаммедъ отвѣтитъ на всѣ три вопроса, то онъ пророкъ; если же отвѣтитъ на нѣкоторые вопросы, а на нѣкоторые не отвѣтитъ, то онъ не пророкъ. (Commentar. in Coran. V. I. p. 549). Какъ извѣстно, на второй вопросъ Мухаммедъ отвѣтилъ въ 18 гл. Корана, въ ст. 82—110, разсказавши исторію Александра Двурогаго. На первый вопросъ онъ также далъ полный отвѣтъ, разсказавши въ 18 гл. ст. 8—25 исторію семи ефесскихъ отроковъ. На третій же вопросъ онъ далъ уклончивый, неопредѣленный отвѣтъ. Шпренгеръ поэтому справедливо заключаетъ, что Мухаммедъ въ это время еще не зналъ о Гавріилѣ; иначе его отвѣтъ былъ бы совершенно иной. B. II. p. 231.

[2]) Коранъ, гл. 42, ст. 50—52. Ср. гл. 16, ст. 1—2: гл. 20, ст. 15.

святости“ [1]). Что здѣсь подъ духомъ святости нельзя разумѣть личное существо, это видно изъ подобнаго же выраженія, сказаннаго также въ Мединѣ: „Богъ подкрѣпилъ ихъ (т. е. вѣрующихъ) Духомъ своимъ“[2]).

Еще яснѣе измѣненіе понятій Мухаммеда о Духѣ представляется изъ разсказа Корана о явленіи Духа Дѣвѣ Маріи, (гл. 19-я откр. въ Меккѣ). Мухаммедъ представлялъ Его личнымъ существомъ, потому что сказалъ въ этомъ случаѣ отъ лица Бога: „Мы послали къ ней „Нашего Духа, который принялъ видъ совершеннаго человѣка“ [3]). И въ мединскихъ главахъ, говоря о томъ же предметѣ онъ представляетъ Духа тою же неопредѣленною личностію и выражается о Немъ такъ: „Мы (Богъ) вдохнули въ нее отъ нашего Духа“ [4]). Но это представленіе Духа безличнымъ существомъ не могло, какъ замѣчаетъ Шпренгеръ [5]), удовлетворять новыхъ послѣдователей Мухаммеда въ Мединѣ, и Мухаммедъ поэтому снова возвратился къ первоначальному своему (мекксвому) понятію о Духѣ, какъ „мощномъ силою“, и началъ уже отождествлять его съ ангеломъ Гавріиломъ (съ еврейскаго—*сила Божія*), имя котораго онъ услышалъ отъ мединскихъ іудеевъ. Въ подтвержденіе этого замѣчанія Шпренгера, говоритъ то обстоятельство, что въ Коранѣ собственное имя Гавріила употреблено только три раза и именно въ мединскихъ главахъ[6]), а не въ мекксвихъ.

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 81 и 254.

[2]) Глава 58, ст. 22. Въ арабскомъ подлинникѣ выраженіе: *подкрѣпилъ* переведено однимъ и тѣмъ же словомъ, какое употреблено во 2 гл. ст. 81 и 254, гдѣ говорится о подкрѣпленіи І. Христа Духомъ святости.

[3]) Глава 19, ст. 17.

[4]) Глава 66, ст. 12. См. также гл. 21, ст. 91.

[5]) В. П. р. 234.

[6]) Гл. 2, ст. 91—92 и гл, 66, ст. 4. См. объ етомъ у Герока стр. 78—79.

Съ другой стороны Мухаммедъ могъ для отождествленія ангела Гавріила съ Духомъ ошибочно находить основаніе въ томъ, что обѣ эти личности въ священныхъ книгахъ христіанъ иногда упоминались вмѣстѣ, какъ напр. въ разсказѣ Евангелія о благовѣщеніи Пресвятой Дѣвѣ и что ангелъ Гавріилъ, какъ существо, сотворенное для прославленія Божія, всего лучше могъ подходить подъ узкій односторонній взглядъ Мухаммеда на Бога единаго. Такимъ образомъ Мухаммедъ остановился на понятіи о Гавріилѣ, какъ ангелѣ, могущемъ замѣнить собою Духа. Впрочемъ самъ Мухаммедъ не довелъ до конца этого новаго понятія. Говоря въ мединскихъ главахъ о Гавріилѣ, онъ нигдѣ не замѣтилъ, какъ нужно понимать всѣ прочія выраженія Корана о Духѣ, являющемся тамъ подъ разными именами. Толковники Корана, въ своихъ объясненіяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о Духѣ, уже прямо стали утверждать, что здѣсь разумѣется именно Гавріилъ [1]), но впали въ другую крайность. Имѣя постоянно въ виду ангела Гавріила, они стали описывать его слишкомъ чувственно-фантастическими чертами, а за ними мусульмане и до сихъ поръ представляютъ Гавріила съ 500 крыльевъ, которыя, будучи отдѣлены одно отъ другаго на 500 лѣтъ пути, могутъ закрывать собою все небо; мусульмане представляютъ его громадный ростъ и внушающую ужасъ его фигуру [2]), при видѣ которой самъ Мухаммедъ терялъ сознаніе, падалъ безъ чувствъ на землю и „ревѣлъ, какъ молодой верблюдъ“[3]),

---

[1]) См. напримѣръ, у Бяйзави толкованіе на 2 гл. ст. 81 и 254; на гл. 21, ст. 91; на гл. 42, ст. 52 и др.

[2]) Рисалк-и-газизя (на татар. яз.) Казань. 1850, стран. 21—22.

[3]) Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Von Dr. Gustav Weil. Stuttgart. 1843. pp. 92—45. Anmerk. 48.

и въ то же время со лба его струился холодный потъ и пѣна клубомъ била на его устахъ...*)

Монотеизмъ и фанатизмъ Корана **)

Подъ вліяніемъ раціоналистической (отрицательной) критики, въ западно-европейской наукѣ, въ прошломъ (XIX) столѣтіи установился взглядъ на исламъ, какъ на *естественную* религію, возникшую и развившуюся подъ вліяніемъ аравійской природы и духа времени. Съ этой точки зрѣнія западно-европейскіе ученые разсматриваютъ религіозную систему Корана, какъ теократію, установленную Мухаммедомъ въ согласіи съ древне-еврейскою (до царскаго періода) теократіей, такъ какъ Мухаммедъ соединялъ въ своемъ лицѣ духовную и правительственную власть. Нѣкоторые же западно-европейскіе оріенталисты, историки и публицисты (Ренанъ, Лоранъ, Сентъ-Илеръ, Вейль, Смитъ, Шпренгеръ, Мюйръ и др.), отрѣшившись отъ провиденціальной точки зрѣнія на историческія явленія, приписывали происхожденіе ислама исключительно природному генію Мухаммеда, развившемуся подъ вліяніемъ религіозно-общественнаго движенія, охватившаго Аравію въ концѣ VI и началѣ VII-го вв. по Рожд. Хр., и считали религіозное ученіе Корана гораздо болѣе простымъ и болѣе отвѣчавшимъ духовному складу арабовъ-семитовъ „сыновъ пустыни“, нежели сложное христіанство. Болѣе рѣзкимъ выразителемъ этого взгляда считается французскій семитологъ Э. Ренанъ. Солидный ученый, обладавшій увлекательнымъ изложеніемъ, человѣкъ убѣжденный и восторженный,

*) См. Правосл. Собесѣд. 1872 г. апрѣль, стр. 351—376.
**) См. Туркестан. Вѣдом. 1902 г. №№ 87, 89 и 91.

много лѣтъ потратившій на изученіе исторіи и литературы семитическихъ народовъ, Э Ренанъ положилъ въ основу своей теоріи оригинальную мысль о томъ, что характеры семитической и арійской расъ различны до противоположности, особенно въ пониманіи религіи. *Природѣ семитовъ*, по его словамъ, *свойственъ монотеизмъ*, *а природѣ арійцевъ—политеизмъ* (на низшихъ ступеняхъ развитія) и *пантеизмъ* (на высшихъ ступеняхъ развитія); поэтому, только поэтому монотеизмъ есть созданіе духа семитовъ, а политеизмъ—произведеніе генія арійцевъ. „Духъ человѣческій, достигшій извѣстной ступени развитія, необходимо становится утверждаетъ Ренанъ—монотеистичнымъ; есть расы монотеистическія и политеистическія; и это зависитъ отъ разныхъ способовъ разсматриванія природы. По представленію арабскому или вообще семитическому, природа пустыни располагаетъ къ монотеизму. Величественная въ своемъ безмѣрномъ однообразіи, она съ самаго начала открывала идею безконечнаго, но не вызывала того чувства жизни, которое творческая природа внушала расѣ индо-европейской. Вотъ почему Аравія всегда была (?) оплотомъ монотеизма... Не таковъ характеръ пониманія другой расы, которая назначена исчерпать все разнообразіе природы, которая отъ Индіи до Греціи, отъ Греціи до крайнихъ предѣловъ сѣвера и запада, повсюду одушевляла и обоготворяла природу, начиная съ живой статуи Гомера и кончая живымъ кораблемъ скандинавовъ, и для которой различіе между Богомъ и не-богомъ всегда оставалось неопредѣленнымъ [1]).

Какое значеніе соединяетъ Ренанъ съ выраженіемъ,

---

[1]] Etudes d'histoire religieuse. Deuxième editiou 1857 p. 66—67.

что *арійцы назначены исчерпать все разнообразіе природы,* видно изъ слѣдующей фразы, находящейся въ другомъ его сочиненіи: „пониманіе разнообразія во вселенной— это политеизмъ у народовъ дѣтскихъ“[1]). Характеризуя въ этомъ сочиненіи семитическую расу, Ренанъ считаетъ ее *низшей* расой по сравненію съ арійскою, такъ какъ семиты не имѣютъ ни высоты созерцанія индійцевъ и германцевъ, ни чувства мѣрности и красоты, свойственнаго древнимъ грекамъ и народамъ ново-латинскимъ, ни нѣжной и глубокой чувствительности кельтовъ. Семитическая раса, говоритъ онъ, опредѣляется исключительно отрицательными чертами, ибо она не имѣетъ ни миѳологіи, ни эпопеи, ни науки, ни философіи, ни искусствъ (за исключеніемъ лирики и музыки), ни гражданской жизни. Особенное значеніе въ развитіи монотеизма у семитовъ Ренанъ придаетъ простотѣ ихъ духа, субъективности, склонности къ однообразности и неспособности обнимать разнообразіе вещей. Сознаніе семитовъ, говоритъ онъ, ясно, но не широко; семиты превосходно понимаютъ единство, но не умѣютъ доходить до разнообразія; ихъ мысль цѣльная и самобытная обнимаетъ слишкомъ немного вещей, но за то обнимаетъ ихъ слишкомъ сильно. Такъ, напримѣръ, законодательства семитовъ знаютъ только одно почти наказаніе—смертную казнь. Широта и разнооразіе духа и жизни и зародыши прогресса не свойственны семитамъ: всѣ сферы жизни семитовъ отличаются простотой и монотонностью. Въ ихъ поэзіи совершенно нѣтъ разнообразія и объективности, что зависитъ отъ недостатка творческаго воображенія. Самыя темы поэзіи семитическихъ народовъ малочисленны и очень

---

[1]) Histoire gènèrale et systéme comparè des langues semitiques.

скоро исчерпываются. Эта раса знала только два вида поэзіи: параболическую (притчи) и лирическую, образцы которой находятся въ псалмахъ (у евреевъ) и въ касыдахъ (у арабовъ); семитическая поэзія выражаетъ личное чувство, состояніе души, и герой ея есть самъ же авторъ....

Простота духа и склонность семитовъ къ однообразію способствовали также, по словамъ Ренана, отсутствію у нихъ пластическихъ искусствъ. Раскрашиваніе рукописей, въ чемъ персы и турки выражали столь живой вкусъ къ цвѣтамъ, не нравится арабамъ и совершенно неизвѣстно въ странахъ, въ которыхъ арабскій духъ сохранился чистымъ, напримѣръ въ Марроко. Живопись и скульптура у нихъ всегда запрещались религіей. По своему наивному реализму, семиты не пользовались вымысломъ, составляющимъ существенное условіе этихъ двухъ искусствъ. У нихъ было стремленіе считать каждую статую за существо дѣйствительное и одушевленное. Одинъ мусульманинъ, которому была показана нарисованная рыба, сначала удивился, а потомъ спросилъ: „если эта рыба въ день суда поднимется и станетъ обвинять тебя такими словами: *ты далъ мнѣ тѣло, но не далъ живой души!—что тогда отвѣтишь?*....

Недостаткомъ широты и разнообразія во взглядѣ семитовъ на природу объясняется, по мнѣнію Ренана, отсутствіе у нихъ философіи и науки. Въ явленіяхъ природы они усматривали только единую волю Міроправителя-Бога и потому требовали неуклоннаго исполненія воли Божіей. Въ книгѣ Іова только намѣчены, но не разрѣшены вопросы, поставленные пытливому человѣческому уму (гл. 38—41). Авторъ Екклесіаста, рѣшившійся изслѣдовать и испытать разумомъ все, что происходило подъ небомъ, даетъ

краткій отвѣтъ: *все суета; подъ солнцемъ нѣтъ ничего новаго* (гл. 1).

У семитовъ нѣтъ и научной любознательности: слушая чудесные разсказы и наблюдая поражающія умъ явленія, они говорятъ спокойно: „*Богъ всемогущъ*“. А когда обращаются къ семиту съ вопросомъ: какъ и отчего это происходитъ? онъ равнодушно отвѣчаетъ: „*Богъ лучше это знаетъ*“. Такъ часто и Мухаммедъ восклицаетъ въ Коранѣ, подразумѣвая, что Богъ, творецъ вселенной, одинъ обладаетъ совершеннымъ знаніемъ и могуществомъ; все сотворенное и всѣ происходящія въ мірѣ явленія предусмотрѣны Имъ отъ вѣчности, и потому Онъ одинъ все знаетъ лучше всѣхъ. При такомъ взглядѣ на знаніе, у семитовъ не могла, конечно, развиться наука, которую замѣняли имъ притчи и параболы. И въ Коранѣ подъ *знаніемъ* разумѣется *религіозное* знаніе, а не научное. Такъ называемая арабская наука была греческаго происхожденія и появилась какъ реакція арійскаго духа (персовъ) противъ семитическаго ислама. И въ этомъ случаѣ Ренанъ совершенно правъ, хотя современные публицисты-мусульмане (Баязитовъ, Агаевъ, Султановъ, Гаспринскій и др.). стараются доказывать, что Коранъ проложилъ путь къ наукѣ и прогрессу [1]).

Простотой, отсутствіемъ сложности и разнообразія отличаются формы гражданскаго и политическаго устройства семитовъ: при теократіи не могла выработаться аристократія, демократія и феодализмъ. Попытка турокъ, исповѣдующихъ исламъ и находящихся подъ вліяіемъ

[1]) На самомъ дѣлѣ стремленіе мусульманъ къ научному прогрессу находится въ обратномъ отношеніи разстояній мусульманскихъ странъ отъ Мекки и Медины; въ самой Аравіи до сихъ поръ царитъ духъ Корана, а положительныя науки никогда тамъ не развивались. Н. О.

европейскихъ формъ жизни, учредить конституціонное управленіе потерпѣли въ лицѣ образованнаго Мидхада-паши полную неудачу.

Высказывая этотъ взглядъ, мы не упускаемъ изъ вида талантливой рѣчи С.-Петербургскаго профессора В. В. Бартольда*), доказывающаго неосновательность мнѣнія, по которому въ мусульманскомъ государствѣ безраздѣльно господствуетъ теократическій принципъ, не допускающій рядомъ съ собой никакой другой формы правленія—ни бюрократической монархіи, ни аристократіи, ни демократіи. Соглашаясь съ почтеннымъ оріенталистомъ въ отношеніи позднѣйшей исторіи мусульманскихъ народовъ, мы находимъ подтвержденіе своего взгляда на Коранъ въ той же рѣчи г. Бартольда, по признанію котораго не только самъ Мухаммедъ былъ естественнымъ главой основаннаго имъ теократическаго государства, но и преемники его—Халифы—были не только *имамами*, т. е. религіозными руководителями мусульманской общины, но и эмирами, т. е. предводителями военныхъ силъ и называвшіеся въ отличіе отъ другихъ военачальниковъ *„эмирами правовѣрныхъ"*. Далѣе, по его же словамъ, верховная власть при первыхъ халифахъ сохранила чисто-теократическій характеръ до такой степени, что даже имущество государства называлось „Божіимъ" (стр. 1—2).

Ограничившись пока этой ссылкой на проф. Бартольда, продолжимъ начатое изложеніе взгляда Ренана, заявляющаго, что этнографическій типъ семитовъ и ихъ языки отличаются однообразіемъ, а жизнь монотон-

---

*) В. Бартольдъ. Теократическая идея и свѣтская власть въ мусульманскомъ государствѣ. С.-Петербургъ, 1903 г. Стр. 1—25.

ностью: монотеизмъ семитовъ резюмируетъ и объясняетъ всѣ черты семитической расы. Идея единобожія, до которой арійцы доходили труднымъ путемъ продолжительнаго умственнаго процесса (миѳологія, теологія, наука), для семитовъ была готовой формой вѣрованія. Вмѣсто разсудочнаго, философскаго мышленія арійцевъ, семиты уже въ законѣ Моисея имѣли опредѣленно выраженное представленіе о Богѣ единомъ, исключащее поклоненіе богамъ инымъ и кумирамъ (первая и вторая заповѣди). Между тѣмъ какъ арійцы, по свойственному имъ объектизму, одушевляли и обоготворяли природу, семиты. отличающіеся субъектизмомъ, не только не сливали себя съ міромъ, но и поставили между міромъ и человѣческою личностью Творца всего видимаго и невидимаго, Бога—вседержителя, чѣмъ такъ рѣзко отличается теологія семитовъ отъ теологіи арійцевъ. Умъ и религіозное чувство семитовъ не могли особенно допустить множественности и пола въ божествѣ, какъ это извѣстно въ религіяхъ арійцевъ: слово „*богиня*“ въ еврейскомъ языкѣ было бы, по словамъ Ренана, самымъ ужаснымъ барбаризмомъ. И Мухаммедъ, прибавимъ мы, когда боролся съ арабскимъ политеизмомъ, особенно настаивалъ на основномъ представленіи о Богѣ, какъ существѣ единомъ, у котораго не можетъ быть ни помощниковъ, ни дѣтей. Съ своей точки зрѣнія онъ даже не могъ вникнуть въ христіанскій смыслъ ученія о Троицѣ и, можетъ быть, имѣя въ виду арабско-христіанскихъ сектантовъ, представлялъ это ученіе въ извращенномъ видѣ: Богъ, Марія, Іисусъ (Коранъ, 4, 169—174: 5, 76—79; 5, 116; 9, 30—31), какъ объ этомъ сказано выше.

Не входя въ критику мнѣніи Ренана съ богословской точки зрѣнія, что не входитъ въ задачу настоящей книги,

замѣтимъ здѣсь только, что и среди семитовъ были политеисты (финикіяне, сирійцы, вавилоняне, арабы) и что сами евреи часто впадали въ идолослуженіе. Достойно замѣчанія, что Законодатель, объявившій евреямъ заповѣдь о единствѣ Божіемъ, передъ своей кончиной передалъ имъ Божіе предостереженіе относительно совращенія ихъ къ богамъ инымъ (Второзак. 31, 16—20). Съ другой стороны у древнихъ арабовъ-многобожниковъ были и женскія божества: Лата, Маната, Узза и др.[1]), такъ что оригинальный взглядъ Ренана, не допускающаго сверхъестественнаго начала въ исторіи, не вполнѣ подтверждается религіозными вѣрованіями евреевъ и др. семитовъ [2]) и не разрѣшаетъ окончательно вопроса о врожденной склонности ихъ къ единобожію; самъ Мухаммедъ одно время колебался относительно Латы, Уззы и Манаты[3]). Грау представляетъ отличіе семитовъ отъ іафетитовъ въ отношеніи религіонаго характера съ точки зрѣнія христіанско-теистической, въ противоположность Ренанову пантеизму.

У народовъ Іафетова племени процвѣтаютъ науки, искусства, соціальная и государственная жизнь, торговля и промышленность, такъ что въ настоящее время они почти одни держатъ въ своихъ рукахъ знамя мірового

---

[1]) См. подробно въ соч. М. Машанова «Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухммеда... Казань, 1885 г.

[2]) См. Исторія Халдеи и Исторія Ассиріи З. А. Рагозиной. (С. П. Б. 1902 г.).

[3]) Коранъ, гл. 53, ст. 19—20. У финикіянъ тоже были женскія божества, хотя Ренанъ относительно семитическаго характера финикіянъ сомнѣвается.

[4]) Желающимъ ознакомиться подробнѣе съ этимъ взглядомъ и критикой его рекомендуемъ соч. А. Бѣляева «Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей семитовъ, хамитовъ и іафетитовъ для религіи и развитія этихъ группъ народовъ». (Москва. 1881 г.).

прогресса, и это потому, что они преимущественно склонны изслѣдовать, познавать и обнимать разнообразіе явленій природы и способны творчески воспроизводить ихъ въ произведеніяхъ искусства. Въ этомъ выражается богатство, широта и разнообразіе духовныхъ способностей іафетитовъ въ отличіе отъ семитовъ, не отличившихся ни въ одной отрасли свѣтской культуры и не способныхъ къ пластическимъ искусствамъ, которыя одинаково запрещены религіознымъ закономъ какъ евреямъ, такъ и арабамъ. У семитовъ нѣтъ ни драмы, ни эпоса, потому что они не обладаютъ объективностью, столь необходимою для этихъ родовъ поэзіи; при отсутствіи миѳологіи, у нихъ нѣтъ для эпоса содержанія; исторія семитовъ носитъ религіозный характеръ, не оставляющій мѣста человѣческой фантазіи; даже въ лирикѣ, по преимуществу сродной характеру семитовъ (субъективизмъ), они превзошли іафетитовъ только въ религіозно-нравственныхъ произведеніяхъ. Вслѣдствіе преобладанія въ характерѣ семитовъ субъективности, у нихъ не было науки въ строгомъ смыслѣ этого слова: началомъ и цѣлью всякой мудрости семиты считали страхъ Божій; семитъ не изслѣдуетъ явленій, а относитъ все къ Богу и въ самой непостижимости явленій видитъ доказательство Божіей премудрости. У семитовъ не только не извѣстна философія, но и самое богословіе не обработано въ формѣ научной системы, такъ какъ божественное откровеніе не должно подлежать какимъ-либо изслѣдованіямъ со стороны ограниченнаго человѣческаго разума. Пророчество и исторія у семитовъ сливаются въ одно представленіе, а потому у нихъ нѣтъ гражданской исторіи. Религія положена у нихъ въ основу и государственной жизни, которая возвышается или понижается въ зависимо-

сти отъ состоянія религіи. Если у римлянъ религія служила цѣлямъ государства, то у семитовъ государственная жизнь подчинялась религіозной. Словомъ, у семитовъ религія занимаетъ господствующее положеніе, и въ этомъ отношеніи они стоятъ выше іафетитовъ, а во всемъ остальномъ уступаютъ послѣднимъ... Въ противоположность арійцамъ, которые сначала обращаются къ міру и уже отъ міра переходятъ къ Богу, семиты сначала обращаются сердцемъ къ Богу и отъ Него переходятъ къ міру. По своей субъективности, семитъ ставитъ безличную природу на второе мѣсто, а на первомъ сознаетъ безконечное Я личнаго Бога (Псал. 41, 22 и др).

У семита преобладаетъ сердце (чувство-любовь) и потому онъ обращается къ безконечному Существу, которое одно можетъ наполнить покоемъ сердце человѣка, чего не могутъ сдѣлать ограниченные люди; отсюда у семита ревность по Богѣ (Рим. 10,2). У арійца, напротивъ, преобладаютъ умъ и фантазія: онъ хочетъ дѣйствовать, а не чувствовать и избираетъ объектомъ своихъ дѣйствій и понятій прежде всего міръ. У арійца преобладаетъ міро-знаніе, а у семита богопознаніе; арійцы чувствуютъ свое сродство съ міромъ не только въ наукѣ и искусствѣ, но даже и въ религіи; ихъ религіи—натуралистическія.

Семитъ въ своей религіи возвышается надъ міромъ и въ своемъ сознаніи обращается къ Богу безконечному, единому. Если же и аріецъ ищетъ въ конечномъ безконечнаго начала, то стремится обнять его своимъ умомъ, почему у арійскихъ философовъ Богъ является не личнымъ существомъ, а отвлеченной идеей, абстракціей. Семитъ, напротивъ, желаетъ обнять Бога сердцемъ, любовью: для семита Богъ святъ, и религія семита святая, т. е. чистая, прав-

ственная, небесная. Если бы греки имѣли гораздо болѣе геніальныхъ людей, то все не дошли бы до монотеизма, и ихъ Богъ не былъ бы личнымъ существомъ съ безконечными нравственными свойствами. Наконецъ, религіи арійцевъ недолговѣчны: греческая и римская религіи уже не существуютъ, брамаизмъ выродился въ пантеизмъ, буддизмъ въ атеизмъ, и всѣ вообще религіи арійцевъ поглощаются цивилизаціей и особенно философіей, тогда какъ семитическія религіи (еврейская, христіанская и мусульманская) продолжаютъ жить среди людей, и двѣ послѣднія распространяются. Семитическія религіи сохраняютъ свой монотеизмъ неизмѣнно, какъ вѣрованіе богооткровенное, а религіи арійцевъ, даже по освобожденіи отъ древнихъ миѳологическихъ формъ, еще болѣе утрачиваютъ представленіе о личномъ Богѣ и въ самой строгой философской формѣ трактутъ Бога, какъ высшее міровое начало, описать и точнѣе опредѣлить которое отказываются.

Для нашей цѣли важно еще упомянуть о томъ, что у семитовъ религія оказывала вліяніе не только на всѣ стороны народной жизни, но и на понятія о верховной власти. У древнихъ евреевъ въ лицѣ судей соединялась власть духовная и государственная; судіи были и предводителями народныхъ ополченій, собиравшихся подъ знаменемъ вѣры; у арабовъ пророкъ былъ *главой* народа во всѣхъ отношеніяхъ: „повинуйтесь Аллаху и посланнику его“,—говорится въ Коранѣ (глава 3, ст. 29; глава 5, ст. 93 и др.). Первые арабскіе халифы вели войны для защиты и распространенія ислама, и достоинство халифовъ опредѣлялось не столько по личнымъ ихъ качествамъ, сколько по усердію ихъ къ религіи, а также и по степени родства съ Мухаммедомъ. Основатели новыхъ династій мусульманскихъ вы-

ступали всегда во имя ислама и брались за мечъ, какъ защитники и реформаторы религіи (Хвольсонъ). Таковы же были такъ называемые махди въ Суданѣ.

Въ зависимости отъ монотеизма Ренанъ выясняетъ и фанатизмъ семитовъ. По его словамъ, нетерпимость семитовъ есть необходимое слѣдствіе ихъ монотеизма: арійцы никогда не смотрѣли на свои религіи, какъ на абсолютную истину, а признавали истинность и за религіями другихъ народовъ[1]); семиты же только свои религіи считали совершенной истиной, а на другія религіи смотрѣли, какъ на ложныя и недостойныя Бога и самыхъ людей. Такой взглядъ на свою религію естественно поддерживалъ въ семитахъ религіозный эгоизмъ, подъ вліяніемъ котораго они съ пренебреженіемъ относились къ исповѣдникамъ другихъ религій (Коранъ 3, 100; 3, 97; 58, 22 и др.), а при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ семиты прибѣгали къ физическому насилію, чтобы не только оградить себя отъ нечестиваго соблазна (Коранъ 3, 114), но и привести всѣхъ къ почитанію своего Бога[2]). Основатель ислама изъ политическаго разсчета сначала (въ Меккѣ) проповѣдывалъ въ духѣ христіанской кротости и признавалъ за всѣми религіями достоинство, а затѣмъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ (послѣ бѣгства въ Медину), объявилъ отъ имени своего Бога священную войну (джихадъ) противъ всѣхъ невѣру-

---

[1]) Примѣры можно видѣть въ терпимости греко-римлянъ, славянъ, монголовъ и инородцевъ финскаго племени, не исповѣдующихъ ислама; но тѣ же финны и тюрки, съ принятіемъ ислама, становятся фанатиками и проявляютъ большой прозелитизмъ.

[2]) Фанатизмъ древнихъ евреевъ довольно извѣстенъ изъ Библіи.

[3]) См. Исторія мусульманства по Дози и Гольдціери А. Крымскаго. Москва, 1903 (Труды по востоко-вѣдѣнію, вып. XII).

ющихъ въ Аллаха язычниковъ, іудеевъ и христіанъ. Что современные Мухаммеду арабы были многобожники, — это ясно; но іудеи и христіане были зачислены имъ въ одинъ разрядъ съ политеистами по злобѣ и недоразумѣнію: „Іудеи говорятъ: Эздра—сынъ Божій; христіане говорятъ: Іисусъ— сынъ Божій... и что Богъ третій изъ трехъ (Аллахъ, Марія и Іисусъ). Поэтому Мухаммедъ подъ *кяфирами* сталъ одинаково разумѣть язычниковъ-арабовъ и современныхъ ему іудеевъ и христіанъ и въ нѣкоторыхъ мединскихъ главахъ Корана предписываетъ своимъ послѣдователямъ избивать всѣхъ кяфировъ до послѣдняго человѣка (8, 7; 47, 4), ссылаясь иногда на примѣръ другихъ пророковъ (8, 68). Можетъ быть, основатель ислама имѣлъ при этомъ въ виду данную евреямъ заповѣдь Моисея (говорившаго отъ имени Іеговы) — истребить ханаанскіе народы (Второзак. 20, 16—17); Мухаммедъ также соединилъ заповѣдь о войнѣ съ невѣрными съ именемъ единаго Аллаха и во имя Его настаивалъ на истребленіи всѣхъ многобожниковъ.[1]) Подъ вліяніемъ такого внушенія, арабы до сихъ поръ отличаются религіозною нетерпимостью, какъ объ этомъ печатно заявилъ образованный хаджій изъ русскихъ мусульманъ, говоря, что современные арабы питаютъ „инстинктивное отвращеніе" къ иновѣрцамъ[2]). Авторъ „*Послѣдняго слова ислама Европѣ*" нѣкто Абдулъ-Хаккъ, образованный панисламистъ, съ нескрываемымъ раздраженіемъ говоритъ:

---

[1]) Напрасно г. Гаспринскій силится отрицать это.

[2]) См. журналъ *Землевѣдѣніе* 1901 года кн. 1—2, стр. 104. Автору печатаемой книги приходилось слышать и читать, что сирійскіе арабы-мусульмане столь-же фанатично относятся къ своимъ единоплеменникамъ, исповѣдующимъ христіанскую вѣру. Тоже наблюдается и въ Турціи, гдѣ мусульмане относятся враждебно.

„Слушайте христіанскіе народы! Это голосъ истиннаго ислама. Это исповѣданіе нашей мусульманской души.

Во вселенной есть только одно высшее Существо,— это Богъ, единый источникъ всемогущества, свѣта, истины, справедливости и благости.

Онъ не рожденъ и не рождалъ. Онъ единъ безконеченъ, вѣченъ. Единый, Онъ пожелалъ, чтобы Его познали; Онъ сотворилъ вселенную, создалъ человѣка. Онъ окружилъ человѣка всѣмъ великолѣпіемъ творенія, а на него возложилъ только священную обязанность поклоняться Богу и только Ему одному. Вѣчное поклоненіе этому единому Богу есть единственное назначеніе, единственная цѣль человѣка на землѣ.

Высшая добродѣтель человѣка, это—поклоняться всей душой Единому Богу и полагаться на Него безусловно.

Высшая степень грѣха—это измѣнять Единому Богу для того, чтобы клапяться ложному Богу, или придавать Ему ложныхъ товарищей.

Поклонникъ ложныхъ боговъ,—это чудовище неблагодарности; это проклятіе вселенной; сражаться съ нимъ и обратить его, или уничтожить его—есть священная обязанность вѣрнаго.

Вотъ вѣчныя повелѣнія нашего Единаго Бога, повелѣнія непреложныя, основанныя на самомъ прекрасномъ и на самомъ справедливомъ утвержденіи: *рай* и *адъ*—безграничное блаженство, или ужасное наказаніе.

Для насъ въ мірѣ существуютъ *правовѣрные* и *невѣрные*; любовь, благотворительность, *братство по отношенію къ правовѣрнымъ*, а презрѣніе, отвращеніе, ненависть и война—для невѣрныхъ.

Среди невѣрныхъ самые гнусные и самые преступные

тѣ, кто, признавая Бога, приписываютъ Ему земную родню, придаютъ Ему сына, мать. Такая чудовищная слѣпота превосходитъ на нашъ взглядъ всякую мѣру грѣха; присутствіе такихъ невѣрныхъ среди насъ наноситъ рану нашему существованію; ихъ вѣрованія—прямое оскорбленіе нашей вѣрѣ; прикосновеніе къ нимъ налагаетъ пятно на наше тѣло, а всякія сношенія съ ними—мученіе для нашей души.

Поймите, европейскіе изслѣдователи, что христіанинъ, независимо отъ своего общественнаго положенія, только потому что онъ христіанинъ, въ нашихъ глазахъ—слѣпецъ, лишенный всякихъ человѣческихъ достоинствъ. Наше разсужденіе о немъ столь же просто, какъ и окончательно. Мы говоримъ:

„Человѣкъ, сужденіе котораго извращено до степени отрицанія очевидности Единаго Бога и до изобрѣтенія себѣ боговъ разныхъ видовъ, представляетъ самое низкое выраженіе человѣческаго скотства; говорить съ нимъ было бы униженіемъ для нашего разума и оскорбленіемъ величія Владыки вселенной.

„Въ силу этого чувства, составляющаго неотъемлемую принадлежность нашей души, мы не вступаемъ никогда въ серьезный споръ съ христіаниномъ, кто бы онъ ни былъ, и, когда мы вынуждены бываемъ обратиться къ нему съ рѣчью, всегда обращаемся съ нѣкоторымъ отвращеніемъ и внутреннимъ презрѣніемъ, отъ котораго мы никогда не можемъ совершенно воздержаться, даже тогда, когда мы говоримъ съ самими высокопоставленными особами вашими.

Все зданіе ислама основано на единствѣ Бога безконечнаго, безподобнаго, который *не рожденъ и не рождалъ*.

Этотъ членъ символа нашей вѣры направленъ исклю-

чительно противъ христіанъ. Въ силу этого положенія, христіанская Троица становится смертельнымъ врагомъ Бога ислама. Несогласіе этихъ двухъ принциповъ есть самое тяжкое и ужасное испытаніе для мусульманской души.

Вы, христіане, съ дѣтства выросшіе на предписаніяхъ вашихъ церквей, вы не можете себѣ даже представить, какая дрожь ужаса охватываетъ насъ при одномъ упоминаніи о вашей Троицѣ.

Примите, по крайней мѣрѣ, за безспорный фактъ, что между нами и вашимъ вѣрованіемъ въ божественность Іисуса лежитъ на вѣки непроходимая пропасть. Знайте, что намъ, преисполненнымъ безграничной вѣры въ Единаго Бога, совершенно невозможно что-либо принять, позволить или извинить изъ всего того, что (близко или далеко) можетъ коснуться до исключительнаго единства нашего безподобнаго, вѣчнаго, безконечнаго Бога[1])....

Какъ ни рѣзки приведенныя выраженія панисламистскаго писателя, намъ приходится считаться съ фактомъ озлобленнаго раздраженія передовыхъ мусульманъ. Не очень давно въ Индіи (въ Дели) появилось въ печати рѣзкое полемическое, направленное противъ христіанъ, сочиненіе образованнаго шейха подъ заглавіемъ „*Изхарулъ-Хаккъ*", переведенное потомъ на французскій языкъ; въ 1902 году въ Берлинѣ напечатано на дурномъ русскомъ языкѣ сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ „*Жизнь и ученіе Мохаммеда, или духъ ислама*". Несомнѣнно, что и авторъ этого полемическаго сочиненія—одного (панисламскаго) направленія съ авторомъ „*Послѣдняго слова ислама Европѣ*". Христіанину непріятно читать названныя произведенія заграничной полемической

[1]) Очевидно, что и образованный панисламистъ Абдулъ-Хаккъ не знакомъ съ исторіей ученія о Троицѣ, о чемъ можно читать въ Энцикл. Словарѣ Ефрона подъ сл. «Троица». Н. О.

печати, разсчитанныя на такихъ читателей, которые мало или вовсе незнакомы съ исторіей ислама и ученіемъ Корана...

Так. образ., фактъ нетерпимой вражды современныхъ панисламистовъ къ христіанству не долженъ подлежать сомнѣнію и хотя современные защитники ислама, въ оправданіе фанатизма Корана, указываютъ на факты изъ временъ инквизиціи и на другія дурныя проявленія международныхъ чувствъ въ исторіи христіанства, но они забываютъ при этомъ, что эти факты не имѣютъ ничего общаго съ ученіемъ Евангелія, провозгласившаго Бога единымъ небеснымъ Отцомъ всѣхъ народовъ. Преслѣдованія еретиковъ въ исторіи христіанской церкви являются уклоненіями отъ евангельскаго ученія, а въ Коранѣ истребленіе невѣрныхъ (*кяфиръ*) логически вытекаетъ изъ представленія о Единомъ Аллахѣ, не допускающемъ другихъ вѣрованій, кромѣ ислама. Можетъ быть, вѣротерпимые стихи Корана были обязаны своимъ появленіемъ изреченію ап. Петра „во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему (Дѣян. 10, 35 и др.). Наконецъ, не нужно забывать, что среди христіанскихъ народовъ во всѣ времена было гораздо болѣе свободомыслія религіознаго, нежели среди мусульманъ. Мыслители-философы по существу невозможны въ мусульманскихъ странахъ. Единственный примѣръ, какъ исключеніе, представляетъ собою извѣстный испанскій философъ Аверроэсъ, который подобно французу Ренану, порвалъ всѣ связи съ религіей. Просвѣщенные арабскіе халифы, особенно Аль-Мамунъ и Аль-Мансуръ, поддерживавшіе современную имъ науку, были плохіе масульмане, а образованный индійскій халифъ Акбаръ отличался большимъ скептицизмомъ въ вопросахъ мусульманскаго вѣроученія. Аверроэсу мусульмане не про-

стили его отступничества: сначала ему запретили входъ въ мечети, а затѣмъ и совсѣмъ изгнали его изъ страны; онъ умеръ на чужбинѣ, и исламъ не можетъ считать его *своимъ*, какъ инквизиція Галилея. Подъ вліяніемъ чуждыхъ исламу идей, въ XI—XII вѣкахъ являлись и другіе мыслящіе мусульмане, пытавшіеся внести свѣтъ науки въ ученіе ислама, но скоро они сами увидѣли, что преобразованіе ислама равно его погибели. Тогда мусульманскіе ортодоксы объявили открытую войну раціонализму и одержали верхъ: греческая литература и философія преслѣдовались, и самыя рукописи сжигались. Поэтому религіозная терпимость даже испанскихъ мавровъ подлежитъ значительному сомнѣнію и объясняется численною слабостью арабовъ, вынужденныхъ изъ политическихъ разсчетовъ дѣлать уступки мнѣніямъ и обычаямъ покореннаго народа[1]); но съ тѣми же испанскими христіанами, которыхъ мавры боялись, они не церемонились и истребляли ихъ тысячами, когда представлялась къ тому, повидимому, возможность. Исторія Баба и новѣйшихъ бабидовъ также не говоритъ въ пользу вѣротерпимости монотеистовъ-персовъ. Знаменитый въ исторіи Средней Азіи Тимуръ „первымъ правиломъ, которое взошло на востокѣ его сердца", считалъ распространеніе ислама и утвержденіе закона Мухаммедова. Онъ считалъ исламъ украшеніемъ своего государства и истребилъ въ Средней Азіи послѣдніе слѣды христіанства, такъ что безуспѣшны старанія археологовъ въ отысканіи христіанскихъ могилъ въ границахъ бывшаго царства Темерлана. Недавно умершій Абдуррахманъ-ханъ афганскій, завоевавъ

---

[1]) Lewes, History of Philosophy (въ Христ. чт. 1882 года ст. Теократическій принципъ ислама и слѣдствія этого для мусульманъ и христіанъ).

въ 1896 году Кафиристанъ, немедленно присоединилъ новыхъ своихъ подданныхъ „къ правой и святой религіи ислама“. Въ своей „Автобіографіи“ этотъ типичный представитель современнаго ислама говоритъ (т. II, стр 133) о вѣротерпимости къ иновѣрцамъ; но это заявленіе касается нужныхъ ему иностранцевъ [1]), а съ кафирами онъ не церемонился, когда обращалъ ихъ въ исламъ. Для руководства своимъ подданнымъ этотъ независимый властелинъ издалъ особое «Наставленіе для возбужденія въ ихъ сердцахъ ревностнаго стремленія къ священной войнѣ» [2]). О многихъ другихъ мусульманскихъ правителяхъ, распространявшихъ на землѣ монотеизмъ Корана хорошо извѣстно изъ исторіи. Важно помнить, что въ Коранѣ избіеніе и вообще уничтоженіе *невѣрныхъ* считается с. вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ искушенія и опасности для почитателей единаго Аллаха (Кор. 8, 40), и что будто бы ни одному пророку не разрѣшалось брать плѣнныхъ, покуда не происходило поголовнаго ихъ избіенія. Жестокія избіенія болгаръ и армянъ, соединенныя съ дикимъ звѣрствомъ, еще всѣмъ памятны.

Не распространяясь объ омерзительныхъ насиліяхъ башибузуковъ надъ армянскими, болгарскими и македонскими женщинами, дѣвушками и малолѣтними дѣтьми обоего пола,—(эти безобразныя дѣянія сопровождались также гадкими издѣвательствами надъ беззащитными христіанами)—укажемъ на ослѣпленіе турецкихъ регулярныхъ войскъ противъ христіанскихъ святынь хотя бы во время послѣдняго македонскаго возстанія: христіанскія церкви и даже алтари гадостно оскверняились, а у ликовъ христіанскихъ святыхъ

[1]) См. рус. перев. полков. М. В. Грулева (С.-Петербургъ, 1902 года).

[2]) См. рус. перев. В. С. Яковлева и Н. Г. Маллицкаго вып. VI «Матеріалы по мусульманству» (Ташкентъ, 1899 года).

выковыривались и вывертывались глаза [1]). Не думаемъ, что въ этомъ проявилось одно только грубое чувство грубыхъ солдатъ; очевидно, что къ солдатской грубости въ этомъ случаѣ примѣшалось чувство коранической нетерпимости къ св. изображеніямъ христіанъ, приравниваемымъ фанатиками къ *идоламъ языческимъ*. Вѣдь, и подданные Россійскаго государства мусульмане называютъ христіанскія церкви идольскими капищами *бутъ-хана* [2]) и иногда проявляли дикія изувѣрства. Въ с. Байдарахъ, на южномъ берегу Крыма, въ 1892 г. нѣсколькими татарами было совершено возмутительное кощунство при слѣдующихъ обстоятельствахъ: мѣстные татары праздновали свой праздникъ и большой толпой собрались около кофейни; двое изъ нихъ: Ахметъ Арифъ-оглу и Асанъ Селяметъ-оглу отправились на православное кладбище, выломали могильный крестъ и, притащивъ его на веревкѣ къ кофейнѣ, принялись всячески издѣваться и хохотать надъ нимъ передъ стоявшей толпой; затѣмъ крестъ вытащили за ограду и бросили возлѣ отхожаго мѣста. Съ другой стороны не слѣдуетъ умалчивать о фактахъ *фанатическаго* преслѣдованія мусульманами своихъ единовѣрцевъ за переходъ въ православіе, хотя бы такая перемѣна вѣры не причиняла мусульманамъ данной мѣстности никакихъ невыгодъ и затрудненій. Изъ исторіи нашихъ внутреннихъ миссій (въ Европ. Россіи и Сибири) извѣстно много случаевъ, когда мусульмане-тата-

---

[1]) При этомъ можно отмѣтить и тѣ не единичные случаи, когда мусульмане разныхъ мѣстностей Россіи открыто плевались при встрѣчахъ съ христіанскими церковными процессіями, каковы: крестные ходы, моленія на открытыхъ мѣстахъ и похоронныя процессіи.

[2]) См. Нов Время 1902 года № 9583 «Помощь македонцамъ» и 1903 года №№ 9637, 9639, 9642 и 9645 «Балканскія письма» и сообщенія другихъ газетъ и журналовъ.

ры, пользуясь своимъ иноплеменнымъ происхожденіемъ, отклоняли язычествующихъ инородцевъ Россіи не только отъ принятія христіанства, но и отъ обученія русской грамотѣ и русскому языку. Не довольствуясь словесными увѣщаніями, фанатики прибѣгали иногда къ запугиваніямъ и угрозамъ, которыя и приводили въ исполненіе. Въ 1887 г. въ Симферопольскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о ночномъ нападеніи ялтинскихъ татаръ и убійствѣ грека Куртбаганова изъ религіознаго фанатизма[1]), а въ 1893 г. (17 сентября) зайсанскими татарами былъ предательски убитъ новокрещенный Иванъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ночью, въ день крещенія, къ новокрещенному Ивану Тукушу явился неизвѣстный татаринъ и, сказавъ, что его экстренно требуетъ къ себѣ уѣздный начальникъ, предложилъ ему и лошадь для переѣзда къ начальнику. Не подозрѣвая злого умысла, Иванъ сѣлъ на предложенную ему лошадь, но не успѣлъ подъѣхать къ Зайсанскому мосту, какъ появился татаринъ Сафа Насыровъ и двумя выстрѣлами изъ ружья убилъ новокрещеннаго Тукуша [2]). Интересный въ судебно-медицинскомъ отношеніи случай религіознаго помѣшательства разбирался въ 1903 г. во Владикавказскомъ окружномъ судѣ. Мусульманинъ-чеченецъ съ 15-ти лѣтъ занимался изученіемъ Корана и къ 30 годамъ своей жизни пришелъ къ дикому убѣжденію, что русскихъ нужно убивать, какъ отступниковъ отъ еврейской вѣры, которую, по его словамъ, русскіе, происходя отъ евреевъ,

---

[1]) Гражданинъ 1888 г. № 145 (Корресп. изъ Θеодосіи, Религіозное убійство).

[2]) Записки миссіонера Букинскаго стана Киргизской миссіи за 1892—1893 годъ, стр. 33—34 (С.-Петербургъ, 1900 г.). Ср. Миссіонер. противомусульман. сборникъ, вып. XX (Казнь, 1894).

исповѣдывали до принятія православія. До такого страннаго взгляда несчастный чеченецъ дошелъ путемъ размышленія надъ ученіемъ Корана, можетъ быть, о пріемственности ученія пророковъ. Вслѣдъ за этимъ открытіемъ у поклонника Корана начали обнаруживаться признаки буйнаго умопомѣшательства: однажды онъ, вооружившись кинжаломъ, кинулся на проходившаго по селенію русскаго рабочаго, но былъ вовремя обезоруженъ сбѣжавшимися на крикъ русскаго. Признанный психически больнымъ, одержимый религіознымъ помѣшательствомъ чеченецъ былъ помѣщенъ въ психіатрическое отдѣленіе при Владикавказскомъ военномъ госпиталѣ[1]).

Мусульманскій фанатизмъ въ той или другой формѣ проявлялся и въ другихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, гдѣ интересы господствующей православной церкви приходятъ въ соприкосновеніе съ мусульманскимъ населеніемъ. И нужно удивляться смѣлости, съ какою татары мусульмане вмѣшиваются въ религіозныя дѣла не только бывшихъ своихъ соплеменниковъ (крещеныхъ татаръ), но и язычниковъ финскаго племени: чувашъ, [2]) черемисъ, вотяковъ и др. Татарская пропаганда идетъ по всему Поволжью, по оренбургскимъ и туркестанскимъ степямъ и по Сибири, такъ что невольно соглашаешься съ присвоеннымъ татарскому мусульманству названіемъ „*воинствующій*", что какъ-то не вяжется съ офиціальнымъ положеньемъ ислама въ Россіи, которому оказывается согласная съ закономъ вѣротерпимость.

---

[1]) Спутникъ здоровья за 1903 годъ № 6, стр. 94.

[2]) Въ Истор. Вѣстникѣ 1903 г. за февраль, въ ст. «Чуваши въ Константинополѣ» разсказывается исторія выселенія чувашъ-отступниковъ въ Стамбулъ, гдѣ они бѣдствовали.

Не говоря о массовомъ отступничествѣ приволжскихъ крещеныхъ инородцевъ отъ господствующей въ Россіи православной вѣры[1]), укажемъ на современное бѣгство крымскихъ татаръ въ Турцію. Это массовое выселеніе татаръ изъ мѣстъ своего постояннаго мѣстожительства въ неизвѣстную страну нужно объяснять не одними внѣшними обстоятельствами, на которыя указано въ газетѣ „Новое Время", но и чисто религіозными внушеніями. Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласиться съ предположеніемъ корреспондента названной газеты, что татарская молодежь близкаго къ призывному возраста бѣжитъ въ Турцію не отъ предстоящей воинской повинности, а *отъ испытаній*[2]), которыхъ эта молодежь еще не испытала? Развѣ не удивительно, что вѣрноподданные Россіи крымскіе татары сотнями и тысячами выселяются въ единовѣрную имъ Турцію, не смотря на увѣщанія, предупрежденія и даже затрудненія со стороны русскаго и турецкаго правительствъ[3]), не смотря на полное раззореніе теперь и на ожидаемыя ихъ матеріальныя невзгоды, лишь бы уйти изъ страны «кяфировъ» въ страну ислама. Къ сожалѣнію, современные русскіе публицисты мало обращаютъ вниманія на «религіозную» сторону мусульманскаго вопроса въ Россіи, а въ религіозныхъ чувствахъ мусульмане до сихъ поръ находятъ поддержку своимъ сепаратнымъ стремленіямъ. Панисламское движеніе на религіи держится и при помощи религіи рас-

---

[1]) См. Отчеты Казанскаго Братства св. Гурія за 70—80 годы прошлаго столѣтія и ст. Б. Юзефовича „Христіанство, мусульманство и язычество" (Рус. Вѣстн. 1883 г. т. 164.

[2]) Нов. Вр. 1093 г. №№ 9709 и др. «Истинныя причины татарской эмиграціи».

[3]) См. Переводчикъ, 1903 г. № 10 и др.

пространяется въ массѣ, не знакомой съ политическими теоріями. Изъ-за религіозныхъ побужденій россійскіе татары тяготятся воинскою повинностью и по религіознымъ побужденіямъ отказываются отъ русской правительственной школы, распространяя въ народѣ ложные слухи[1]), и стараются печатно доказать необходимость особыхъ мусульманскихъ школъ въ Россіи [2]). Если принимать во вниманіе наблюдаемые иногда среди мусульманъ факты отплевыванія при встрѣчѣ съ русскими, отираніе руки своей послѣ пожатія ея рукою русскаго и произнесеніе формулы раскаянія (*тауба*!) послѣ разговора съ русскими[3]), то будетъ понятна неприличная рѣзкость убѣжденнаго панисламистскаго автора „Послѣдняго слова ислама христіанской Европѣ". Если монотеистъ-мусульманинъ, знакомый съ современной европейской культурой, показалъ себя такимъ нетерпимымъ врагомъ христіанъ, то что сказать о фанатикахъ-монотеистахъ, не знакомыхъ совсѣмъ съ христіанскимъ богословіемъ! Къ чести туземцевъ Туркестанскаго края нужно сказать, что подобнаго рода факты наблюдаются не часто и ко всѣмъ мусульманамъ не относятся.

---

[1]) Переводчикъ 1903 г. № 5 „Казань". Въ данномъ случаѣ дѣло доходило до судебнаго разбирательства.

[2]) См. Каспій 1903 г. № 58 ст. Агаева и отвѣтъ Туркест. Вѣдом. въ № 24 отъ 23 марта 1903 г. и Переводчикъ 1903 г. №№ 7 и 13.

[3]) Подобные факты наблюдались въ 1892 и 1898 г.г.

Мораль Корана.

Культурное вліяніе религіи на жизнь народа проявляется въ возвышеніи религіозно-нравственныхъ понятій и въ смягченіи народныхъ нравовъ; поэтому и въ Коранѣ,—имѣвшемъ цѣлью очистить религію арабовъ отъ языческихъ заблужденій и преобразовать семейный и общественный строй ихъ жизни,—строго монотеистическое ученіе о Богѣ тѣсно соединено съ религіозно-обрядовыми и нравственными предписаніями. Богъ Всевышній (*Алла Тааля*) является въ Коранѣ не только верховнымъ Существомъ, Творцомъ и Правителемъ міра, но и Судіей-воздаятелемъ за добрыя и злыя дѣла людей. Соотвѣтственно этому, мусульманамъ указано въ Коранѣ, что они должны дѣлать во время своей земной жизни и чего избѣгать.

Религіозно-нравственныя предписанія Корана просты, несложны и приспособлены къ понятіямъ и бытовымъ условіямъ арабовъ, что придаетъ устойчивость морали Корана. Коранъ не признаетъ благодати искупленія, но не отрицаетъ грѣховности человѣческой природы [1]) и потому не указываетъ своимъ исповѣдникамъ на *небесный* идеалъ совершенства [2]), а требуетъ отъ нихъ посильныхъ [3]) земныхъ добродѣтелей, и требуетъ настойчиво, обѣщая заманчивое для

---

[1]) Самъ Мухаммедъ признается грѣшникомъ (Кор. 40, 57; 47, 21; 48, 2; 110, 3) не смотря на особое Божіе благоволеніе къ нему (гл. 94 и др.).

[2]) Мѳ. 5, 48; 6, 33: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный».

[3]) Богъ обязываетъ душу только къ тому, что удобоисполнимо и посильно для нея (Кор. 2, 286; 23, 64 и др.)

араба райское блаженство и угрожая жестокими наказаніями въ аду... Поэтому мусульмане и въ наши дни строго исполнительны въ отношеніи религіозно-нравственныхъ обязанностей, а уклоненія зависятъ отъ невсегда здоровыхъ вліяній европейской жизни [1]). Мораль Корана, кажущаяся нѣкоторымъ изслѣдователямъ ислама формальною и безжизненною, основывается на *искренней преданности* волѣ Божіей, почему и религія, проповѣданная Мухаммедомъ, называется *исламомъ* [2]); благочестіе мусульманъ сводится къ вѣрѣ въ Единаго Бога и въ посланника Его и къ строгому исполненію заповѣдей Божіихъ [3]). Въ разныхъ главахъ Корана заповѣдуются: вѣра и служеніе Богу, выражающееся въ молитвословіяхъ, благоговѣйномъ настроеніи и богобоязненности, благодареніи и славословіи; вступленіе въ законный бракъ съ 2-4 женами и заботливость о нихъ, терпѣливое перенесеніе бѣдствій и бѣдности, доброта, дружба съ единовѣрующими, исполненіе завѣщаній, умѣренность въ издержкахъ и бережливость, правдивость, соблюденіе клятвъ и любовь къ вѣрующимъ, милостыня и привѣтствіе ихъ *миромъ*, правильность мѣръ и вѣсовъ, выдѣленіе наслѣдства, доброжелательность къ невольникамъ и отпускъ ихъ на свободу, исполненіе обѣтовъ и обязательствъ, заботливая опека надъ сиротами, пожертвованія на добрыя дѣла, покаяніе, покорность волѣ Божіей, пророку и правителямъ его, постъ, привѣтливость, почитаніе родителей, умѣренность во всемъ.

---

[1]) Примѣромъ могутъ служить такъ-называемые «проводники» изъ Крымскихъ татаръ, пьяницы и конокрады. Кавказкіе разбойники не подходятъ подъ это исключеніе,

[2]) Коранъ 3, 17 и 79; 5, 5; 39, 23.

[3]) Гл. 2, ст. 172.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдникамъ Корана запрещаются: невѣріе въ Бога единаго, идолослуженіе и отступничество отъ вѣры, употребленіе вина, воровство, вражда, гнѣвъ, гордость, грабежъ, дружба съ невѣрными, дѣтоубійство, нарушеніе завѣщаній, игры азартныя, лицемѣріе, лихоимство, любостяжательность, обмѣриваніе, насмѣшки, неблагодарность, прелюбодѣяніе, укоризненныя прозвища, разбойничество, расточительность и растрата сиротскаго имущества, суровость къ рабамъ и сиротамъ, страсти и прихоти, убійство и самоубійство, чародѣйство [1]). Словомъ, для азіатской и африканской жизни едва-ли есть положеніе, въ которомъ бы изреченія Корана не могли доставить приличнаго поученія, увѣщанія, утѣшенія и поощренія. Для азіата и африканда такіе назидательные отрывки гораздо поучительнѣе систематической теоріи, какъ замѣтилъ еще Дрэперъ [2]),

Европейскіе ученые вообще дѣлаютъ справедливую оцѣнку морали Корана; но новѣйшіе мусульманскіе авторы ставятъ нравственное ученіе этого кодекса даже выше евангельнаго ученія. Цитированный выше авторъ (Миръ-Али) въ своей книгѣ говоритъ такъ: „Практичный характеръ религіи, ея остающееся (?) вліяніе на отношенія людей въ ежедневной жизни, ея могущество надъ умомъ народа должны служить истиннымъ критеріумомъ для сужденія о ея *всеобщей* пользѣ. Мы ищемъ объясненія ея истиннаго характера въ умѣ народномъ. Имѣетъ она глубокое вліяніе на него? Возвышаетъ ли она его? Уравновѣшиваетъ ли она

[1]) См. Указатель къ русскому переводу Карана Г. Саблукова.

[2]) Исторія умственнаго развитія Европы. Томъ 1, гл. XI. Вейль (Введ. въ Коранъ) считаетъ нравственныя предписанія Корана лучшею частью его содержанія.

его понятія о правахъ и обязанностяхъ? Можетъ ли она улучшить или унизить островитянъ южныхъ морей или кафра? Въ исламѣ *высокій идеализмъ* [1]) соединяется съ самой разумной практичностью. Хотя онъ и не игнорировалъ человѣческой природы, но никогда не запутывался въ извилистыхъ путяхъ, лежащихъ внѣ области дѣйствительности и реальности. Его цѣлью было поднять *человѣчество къ абсолютному идеалу и совершенству* [2]), но онъ страется достичь этого, придерживаясь той истины, что природа человѣческая въ этой жизни не совершенна. Если исламъ не сказалъ „когда братъ твой ударитъ тебя въ одну щеку, обрати къ нему и другую“, если онъ допускалъ наказаніе злодѣя соразмѣрно нанесенной имъ обиды [3]), за то онъ поучаетъ одновременно прощенію и благоволенію и отплатѣ добромъ за зло. Въ Коранѣ сказано, говоря о раѣ: „онъ заготовленъ богобоязненнымъ, творящимъ милостыню, какъ въ благополучіи, такъ и въ бѣдствіи, сдерживающимъ свой гнѣвъ и прощающимъ ближнимъ, потому что Богъ любитъ благотворителей [4]). Эти благородныя наставленія не затуманены облаками ложнаго сантиментализма, но дѣйствительно входятъ въ жизненные принципы истиннаго послѣдователя пророка. Въ исторіи сохранилось на удивленіе и восхищеніе потомства много примѣровъ терпѣнія въ страданіяхъ, выказаннаго послѣдователями и другихъ религій, но исполненіе добродѣтелей терпѣнія и прощенія значительно

---

[1]) Въ этомъ случаѣ авторъ грѣшитъ противъ текста Корана, которому высшаго идеала-то и не достаетъ, какъ замѣтилъ Вл. Соловьевъ. Н. О.

[2]) Идеалы Корана не примѣнимы къ жизни высокой культуры Н. О.

[3]) Коранъ, гл. 22, ст. 40 и 41.

[4]) Цитированнаго авторомъ изреченія (гл. 5, ст. 127-128) въ Коранѣ нѣтъ. Н. О.

облегчается въ несчастіи, когда мы не имѣемъ власти наказать злодѣя. Разсказываютъ о Хусаинѣ, этомъ благородномъ мученикѣ въ Кербелѣ, что однажды рабъ, подавшій ему обѣдать, уронилъ на него горячее кушанье и обжогъ его. Испугавшійся рабъ палъ на колѣни и произнесъ слѣдующій стихъ изъ Корана: „Рай для тѣхъ. кто побѣждаетъ гнѣвъ свой“.—Я не гнѣваюсь, отвѣчалъ Хусаинъ. Рабъ продолжалъ: „и для тѣхъ, кто прощаетъ другихъ“.—Я прощаю тебя, сказалъ Хусаинъ. Рабъ тѣмъ не менѣе, окончилъ словами: „потому что Богъ любитъ благотворителей“. Я отпускаю тебя на свободу и даю тебѣ 400 серебряныхъ монетъ“, отвѣтилъ Хусаинъ. Авторъ „Кяшшафа“ излагаетъ слѣдующимъ образомъ сущность поученій ислама: „отыщи снова того, кто гонитъ тебя; давай тому, кто отнимаетъ у тебя; прощай тому, кто оскорбляетъ тебя, потому что Богъ любитъ, чтобы вы насаждали въ глубинѣ вашихъ душъ корни его совершенства [1]). Коранъ даетъ руководство къ правильнымъ дѣйствіямъ, къ правильнымъ мыслямъ и правильнымъ словамъ, основанное на Божественной любви, всеобщемъ милосердіи и равенствѣ людей въ глазахъ Божіихъ. Сколько бы новые профессора ислама не омрачали слова своего учителя, можно было бы написать цѣлую большую книгу о недостаткахъ новѣйшаго мохаммеданства, тѣмъ не менѣе религія, заключающая въ себѣ благочестіе и оправданіе добрыми дѣлами, заслуживаетъ уваженія людей человѣколюбивыхъ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что и мораль Корана оказываетъ воспитывающее вліяніе на народныя массы исповѣдниковъ ислама, за исключеніемъ воинственныхъ горцевъ нашего

[1]) Замахшари Кашшафъ. Египетское изд ч. I ст. 280.

[2]) См. Жизнь и ученіе Мохаммеда или духъ ислама, стр. 322-326.

Кавказа и подобныхъ имъ племенъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ наблюденіе надъ современною жизнью мусульманъ. мирныя народныя массы, не фанатизируемыя представителями своего ученаго класса и такъ называемыми ишанами, отличаются покорностью, трудолюбіемъ, бережливостью, довѣрчивостью, услужливостью, честностью, трезвостью и скромностью. Авторъ настоящаго труда съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своихъ 35 лѣтнихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ исповѣдниками ислама, особенно изъ туземцевъ Туркестанскаго края, среди которыхъ до сихъ поръ имѣетъ хорошихъ знакомыхъ и съ которыми охотно поддерживаетъ добрыя отношенія. На основаніи столь долговременнаго знакомства съ мусульманами, авторъ убѣжденно сознаетъ, что народная не фанатизируемая масса обыкновенно не входитъ въ обсужденіе вѣроисповѣдныхъ разностей, а руководится въ своихъ сношеніяхъ съ иновѣрцами естественнымъ человѣческимъ чувствомъ: не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ, и будь признателенъ за добро, отъ кого бы оно ни исходило. Чувство состраданія къ слабымъ и бѣдствующимъ и чувство взаимопомощи дополняютъ другъ друга и вмѣстѣ съ доброжелательностью къ ближнимъ служатъ основами человѣческаго общежитія, а усовершенствованіе взаимныхъ человѣческихъ отношеній зависитъ отъ развитія въ обществѣ указанныхъ чувствъ. Поэтому у всѣхъ народовъ, только въ неодинаковой степени, эти чувства встрѣчаются уже въ самыя отдаленныя времена исторіи; но ни одинъ мудрецъ древности и ни одна религія до—христіанскаго міра не высказали такого широкаго ученія о любви къ ближнему, какъ это обнародовано въ Евангеліи. Даже философы древняго міра на первомъ планѣ своей морали ставили понятія о мудрости, спра-

ведливости, мужествѣ, воздержаніи. Неудивительно, если въ древнемъ языческомъ мірѣ личныя, семейныя и общественныя, національныя и международныя отношенія очень далеко уклонились отъ прирожденныхъ людямъ чувствъ, такъ что въ Евангеліи заповѣдь о любви была названа *новою* заповѣдію (Іоан. 13, 34). Основателю ислама нужно было бы эту *новую* заповѣдь удержать въ Коранѣ, особенно при его постоянныхъ заявленіяхъ о томъ, что Коранъ *подтверждаетъ* прежнія писанія; но ученіе Корана о ближнемъ сузило это понятіе до крайне-семитическаго взгляда, ограничивъ его кругомъ единовѣрцевъ, какъ это было у евреевъ, жившихъ въ Аравіи во время обнародованія Корана. Болѣе того: въ Коранѣ не только запрещается мусульманамъ дружить съ іудеями и христіанами, но и разрѣшаются въ извѣстныхъ случаяхъ ложь и нарушеніе клятвы: „Богъ позволилъ вамъ нарушать ваши клятвы“ (Коранъ 66,2). Въ русскихъ судахъ неоднократно замѣчались случаи лжесвидѣтельствованія мусульманъ; между тѣмъ клятва, данная мусульманину, не должна быть нарушаема, по предписанію того же Корана (гл. 16 ст. 94 и 96). Само собою очевидно, что такія предписанія Корана относительно иновѣрцевъ, хотя имѣли мѣстное и временное значеніе, но удержанныя въ священномъ кодексѣ оказывали вредное вліяніе на международныя отношенія[1]).

---

[1]) До какой степени можетъ доходить ненависть и презрѣніе мусульманъ къ христіанамъ подъ вліяніемъ фанатизма, можно видѣть изъ слѣдующаго грустнаго документа, касающагося сирійскихъ христіанъ, которымъ для похоронъ ихъ покойниковъ на христіанскомъ кладбищѣ выдавалось такое разрѣшеніе:

«На основаніи честнаго закона (шаріата) митрополиту сиріонъ-безбожниковъ въ Діарбекирѣ:

«О противный видомъ и вѣрованіемъ! Такъ какъ безбожникъ Якубъ (Іаковъ) проклятый издохъ и погибъ, то для погребенія внутри земли его

Что касается взаимныхъ чувствъ мусульманскихъ супруговъ, то въ Коранѣ отъ имени Божія возвѣщено, что мужья выше своихъ женъ (гл. 2, ст 228, гл. 4, ст. 38 и что свидѣтельство *двухъ* женщинъ равно свидѣтельству *одного* мужчины (гл. 2, ст. 282). О высокомъ назначеніи женщины быть помощницею и подругою жизни и воспитательницею своихъ дѣтей, въ Коранѣ не говорится, а только указаны недостатки женской природы: любовь къ нарядамъ, склонность къ спорамъ, непокорство мужу и прелюбодѣяніе. Для исправленія этихъ недостатковъ, Коранъ разрѣшилъ мужьямъ бить своихъ женъ и удалять отъ себя путомъ развода, или же подвергать ихъ домашнему заключенію до смерти, а въ предупрежденіе кокетства имъ предписано закрывать лицо отъ взоровъ постороннихъ мужчинъ. У г. Баязитова объ этомъ не говорится.

Такому униженному положенію женщины въ мусульманской семьѣ способствуетъ также полигамія, узаконенная (хотя и ограниченная) Кораномъ (гл 4 ст. 3) и соединенный съ полигаміей взглядъ на жену, какъ на одежду и на пашню: „во время ночи поста вамъ разрѣшается сношеніе съ женами вашими: онѣ одежда вамъ, а вы одежда имъ" (гл. 2, ст. 183); „жены ваши—нива для васъ; ходите на ниву вашу, когда хотите" (гл. 2, ст. 223). Автору не разъ приходилось слышать отъ мусульманскихъ мужей, что

противнаго тѣла старшина его мѣстности просилъ позволенія и заплатилъ за него дань».

«Хотя земля и не принимаетъ его противнаго тѣла, однако отъ честнаго закона дано разрѣшеніе на погребеніе его внутри вашего поганаго кладбища по вашимъ ложнымъ обрядамъ, чтобы не испортился отъ него воздухъ. Дано сіе разрѣшеніе, чтобы не было препятствія со стороны (кого либо) «25 жумади-ауаль 1205 г.»․ Истор. Вѣстн. 1903 г. Апрѣль, стр. 242.

ихъ жены неразвиты и что предоставленіе имъ свободы опасно для ихъ нравственности, а одинъ болѣе непосредственный по своимъ взглядамъ туземецъ, по поводу брошюры г-жи Лебедевой „*Объ эмансипаціи мусульманской женщины*“ съ нѣкоторымъ испугомъ высказался, что изложенные въ этой брошюрѣ мысли совершенно противорѣчатъ Корану и что совсѣмъ не слѣдуетъ хлопотать объ измѣненіи существующаго положенія мусульманской женщины.. Такъ мало пока уважаютъ туземцы человѣческія права своихъ женщинъ на равенство и свободу! И современные защитники Корана не отрицаютъ нѣкотораго стѣсненія въ положеніи мусульманской женщины; но при этомъ съ одной стороны указываютъ на еще худшее положеніе женщины въ Аравіи до Мухаммеда, а съ другой оправдываютъ законы Корана съ точки зрѣнія самой морали. Несомнѣнно, что Мухаммедъ запретилъ арабамъ убивать своихъ дочерей и установилъ наслѣдственныя права женщины, а также обезпечилъ положеніе вдовъ; но также вѣрно, что Коранъ лишилъ ихъ права быть въ обществѣ мужчинъ, что повело одичанію мусульманской женщины и лишило ее вліянія на мужчинъ, какое она имѣла до Мухаммеда. Если же и были въ исторіи мусульманства случаи, когда женщина пользовалась вліяніемъ на мужа, то это были исключенія, несогласныя съ Кораномъ. Миръ-Али и Ахмедъ-Бекъ Агаевъ доказываютъ, что ученіе Корана не препятствуетъ образованности и общественности женщины и высказываютъ надежду, что современное затворническое положеніе женщины измѣнится къ лучшему для нея,[1]) а С.-Петербургскій имамъ

[1]) Миръ-Али, гл. 13 и Агаевъ, «Женщина по исламу и въ исламѣ» (Тифлисъ, 1901).

А. Баязитовъ вполнѣ оправдываетъ строгія предписанія Корана, ограничивающія свободу мусульманской женщины. Въ своей брошюрѣ „Отношеніе ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ“ онъ говоритъ, что ограниченіе свободнаго доступа женщины въ общество мужчинъ имѣло свой смыслъ и свою цѣль, такъ какъ ученые люди ислама считали невозможнымъ соблюдать цѣломудріе при свободномъ доступѣ молодыхъ женщинъ въ общество мужчинъ и во избѣжаніе этого зла признали необходимымъ ограничить свободу женщинъ: „если румяное яблоко, окропленное бисеринками утренней росы, опустится чрезъ ограду надъ проходящими, то будетъ всякаго соблазнять, и всякій пожелаетъ сорвать его и скушать“. Онъ находитъ совершенно разумнымъ съ философской точки зрѣнія запрещеніе женщинамъ доступа въ общество мужчинъ, такъ какъ, „каждому понятно, что свободный доступъ женщины всюду—ничто иное, какъ проповѣдь соблазна и подготовка почвы для посѣва любви“... Человѣкъ, отвѣдавъ однажды сладкой отравы, дѣлается ребенкомъ и лишается нравственной точки опоры... Признаніе за женщинами полной свободы влечетъ за собой распространеніе и проповѣдь соблазна, искушенія, приближаясь къ которому уже нѣтъ возврата избѣгнуть оковъ любви: огня масломъ не залить“. Послѣ укоризненныхъ замѣчаній относительно современныхъ европейскихъ нравовъ и вкусовъ, г. Баязитовъ говоритъ: „Магометъ, основательно изучившій (!) натуру человѣческую, запретилъ женщинамъ доступъ и свободное посѣщеніе общества чуждыхъ ей мужчинъ“ (стр. 73—75). Согласно съ этимъ взглядомъ, современное мусульманское общество не одобряетъ и не позволяетъ женщинѣ (исключенія рѣдки) открываться, а тѣмъ болѣе говорить въ присутствіи постороннихъ лицъ (Ср. его же брошюру:

„Исламъ и Прогрессъ“ (С. Петербургъ, 1868) стр. 69—82 Поэтому понятно, что, напримѣръ, ташкентскіе мусульмане недовѣрчиво и съ боязнью отнеслись къ брошурѣ г-жи Лебедевой „Объ эмансипаціи мусульманской женщины“, и потомъ такъ же недовѣрчиво взглянули на устроенныя членомъ педагогическаго кружка женщиной-врачемъ М. И. Шишовой бесѣдъ съ мусульманами, посѣщающими ея амбулаторію. 25 апрѣля 1903 г. въ первый разъ мусульманкамъ были показаны картины при помощи волшебнаго фонаря, а 29 тогоже апрѣля двѣ обрусѣвшія мусульманки приступили къ обученію желающихъ русской грамотѣ и русской разговорной рѣчи и, повидимому, очень заинтересовали своихъ слушательницъ; 6 мая для этихъ слушательницъ было устроено празднество съ туманными картинами, заключившееся угощеніемъ туземокъ.. Но репортеръ газеты, сообщившій свѣдѣнія объ этомъ оригинальномъ и симпатичномъ празднествѣ, счелъ нужнымъ замѣтить, что старые закоренѣлые фанатики, противники просвѣщенія, запугиваютъ туземокъ нелѣпыми слухами, что ихъ послѣ ученія будутъ выдавать замужъ за русскихъ солдатъ[1]). А насколько туземцы—мужчины далеки отъ готовности видѣть въ своемъ обществѣ женщину мусульманку, показываетъ слѣдующій случай: 2 мая 1903 года въ одномъ собраніи представителей разныхъ классовъ мусульманскаго общества было одно русское семейство (мужчины и дамы). По приглашенію хозяина, русскія дамы отправились на женскую его половину и познакомились тамъ съ молодыми хозяйками,

[1]) Рус. Туркестанъ 1903 г. №№ 98—102. Форма запугиванія туземныхъ женщинъ очень напоминаетъ такое же запугиваніе, сопровождавшее открытіе въ Ташкентѣ русско-туземной школы: «дѣтей туземцевъ сначала обучатъ по русски, а потомъ возьмутъ въ солдаты и даже окрестятъ.. Н. О.

которыя съ любопытсвомъ разсматривали русскій женскій костюмъ и показывали свои наряды. Примѣривъ на свои головы русскія дамскія шляпы, молодые туземки предложили своимъ гостямъ надѣть ихъ головной уборъ и верхній нарядъ. Послѣднія въ этомъ нарядѣ вышли изъ женскаго отдѣленія и показались мужскому обществу. Мусульмане оч. смутились, увидѣвъ предъ собой имитированныхъ мусульманокъ, а уличные сосѣди прямо обратили этотъ случай въ насмѣшку надъ представителями вѣковыхъ мусульманскихъ традицій.

Не нужно много говорить объ ограниченности кораническаго взгляда на женщину, какъ на существо низшее мужчины и недостойное общества мужчинъ, и распространяться о нравственномъ вредѣ мусульманской полигаміи, о чемъ желающіе могутъ прочитать въ соч. Гаури „Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей (гл. 5—6) и въ соч. Дози, въ Трудахъ по Востоковѣдѣнію (вып. XII, Москва, 1903). Имамъ А. Бязитовъ, говоря о семейномъ бытѣ мусульманъ, замѣчаетъ, что правила о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка къ своему семейству установлены Магометомъ, но не приводитъ самыхъ изреченій Корана, а довольствуется преданіями и между прочимъ такъ мотивируетъ долгъ мужа терпѣливо переносить огорченія, причиняемыя ему женой: перенесеніемъ одного огорченія избавишься отъ многихъ непріятностей, каковы напримѣръ: дѣти избавятся отъ плети, какъ отмѣстки, посуда отъ разбитія, теленокъ отъ толчковъ и ударовъ, одежда отъ разорванія, гость отъ оскорбленія и т. д. Совѣщанія мужа съ женой допускаются лишь въ малыхъ и вообще чисто домашнихъ дѣлахъ, но въ дѣлахъ серьезныхъ необходимо быть съ женою воздержнымъ на языкъ (стр. 77). Изъ этихъ на-

ставленій видно, что и С.-Петербургской имамъ не высоко смотритъ на женщину. Какъ на лучшій примѣръ мужа, онъ указываетъ на имама Шакыка, у котораго была злонравная жена. Когда ему совѣтовали развестись съ нею, онъ сказалъ: „положимъ, она дурнаго нрава; но я самъ считаюсь, вѣдь, благонравнымъ; если же я поступлю съ нею такъ же, какъ она со мною, то и я буду такимъ же, да кромѣ того я боюсь, что вслѣдствіе ея дурнаго характера никто не будетъ содержать ее. Причину всѣхъ раздоровъ слѣдуетъ приписывать собственной винѣ и предположить, что еслибы я самъ былъ характера хорошаго, то и жена была бы хорошею (стр. 77—78). Однако же въ Коранѣ такого благороднаго взгляда на семейныя непріятности нѣтъ, а вмѣстѣ съ многоженствомъ разрѣшено мужьямъ разводиться съ женами и снова вступать съ ними въ бракъ послѣ того какъ онѣ разведутся со вторымъ мужемъ (гл. 2. ст. 226—238 и др.). Этимъ основнымъ правиломъ и регулируется семейное счастіе мусульманскихъ супруговъ. Подробности условій развода составляютъ особую главу шаріата. Достойно также замѣчанія признаніе Миръ-Али, что полигамія, разрѣшенная Кораномъ, современемъ должна прекратиться въ мусульманскомъ обществѣ (стр. 381), какъ прелюбодѣйство и незаконная связь, *противныя духу ислама* (стр. 421), а г. Агаевъ къ этому прибавляетъ, что и затворничество мусульманскихъ женщинъ несправедливо приписываютъ Мухаммеду (стр. 25 и слѣд.). Вообще же мусульманскіе апологеты запутались въ этомъ вопросѣ.

---

[1]) Одинъ мусульманскій авторъ находитъ многоженство болѣе нравственнымъ, чѣмъ встрѣчающееся иногда въ христіанскихъ моногамическихъ семьяхъ нарушеніе супружеской вѣрности.

Не считаемъ необходимымъ указывать здѣсь на личныя отношенія Мухаммеда къ женскому вопросу, а скажемъ только, что защита ученія Корана о женщинѣ и ея правахъ, какую представилъ Миръ-Али въ своей книгѣ „Жизнь и ученіе Мухаммеда или духъ ислама“ (глава XIII), не можетъ быть признано серьезною защитой. По словамъ этого автора, многоженство у неразвитыхъ общинъ, ограниченное всѣми охранами, установленными пророкомъ, не составляетъ зла, достойнаго сожалѣнія, хотя самъ же Миръ-Али желаетъ и надѣется, что многоженство, какъ *противное* законамъ ислама, должно скоро исчезнуть. Странно также читать у этого автора утвержденіе, что Мухаммедъ и въ вопросѣ о бракѣ „исполнилъ трудъ Іисуса“ и что личные поступки проповѣдника Корана въ отношеніи многоженства, навлекшія на него клевету, происходитъ лишь отъ его *благороднаго самопожертвованія* (стр. 394).

Кто пожелаетъ разобраться въ этой *клеветѣ* на Мухаммеда, рекомендуемъ прочитать спеціальную главу по этому вопросу въ соч. Шпренгера „Das leben und die Lehre des Mohammad“,—Die Frauen des Phropheten“ (B. III, стр. 61—87) и въ рус. перев. въ соч. г. Машанова „Мухаммеданскій бракъ“ (Казань, 1876, приложеніе I) и др.*). Сравнивая Мухаммеда не только съ Моисеемъ и Давидомъ, но и съ I. Христомъ и оправдывая пророка за предоставленіе себѣ особаго преимущества въ отношеніи числа женъ (Коранъ 33, 48—55), Миръ-Али говоритъ, что Мухаммедъ, вступая въ бракъ со многими женами, выказывалъ лишь благородное самопожертвованіе, совершенное самоотверженіе и великодушіе въ отношеніи своихъ женъ... (стр. 396).

*) Труды по востоковѣдѣнію, вып. XII. Исторія мусульманства (Москва, 1903). См. также у другихъ изслѣдователей исторіи ислама.

Другимъ фактомъ, указывающимъ на отсутствіе въ Коранѣ ученія объ *абсолютномъ* равенствѣ людей, служитъ законъ о рабахъ. Рабство существовало въ Аравіи до Мухаммеда; Мухаммедъ облегчилъ закономъ Корана положеніе рабовъ, примѣнительно къ законамъ Моисея, но до совершенной отмѣны рабства не возвысился, хотя проповѣдывалъ Коранъ спустя болѣе 500 лѣтъ послѣ проповѣдника Евангелія (Іоан. 8, 36; Гал. 3, 26—29). Но Миръ-Али еще порицаетъ христіанство за рабовъ (гл. XIV).

Есть еще одинъ пунктъ въ ученіи Корана, накладывающій тѣнь на ученіе о нравственности. Это—*фатализмъ*. При двойственности взглядовъ Мухаммеда на многіе религіозные вопросы, объясняемой историческими условіями жизни арабскаго реформатора, въ Коранѣ удержаны совершенно противорѣчивыя изреченія, касающіяся предопредѣленія. Допуская человѣческую свободу, Коранъ въ же время проповѣдуетъ: Богъ оправдываетъ и спасаетъ, кого хочетъ, и научаетъ и вводитъ въ заблужденіе, кого хочетъ; если бы Онъ захотѣлъ, то сдѣлалъ бы всѣхъ вѣрующими и, если бы захотѣлъ, то истребилъ бы всѣхъ невѣрныхъ; награждаетъ и наказываетъ Богъ, кого хочетъ; прощаетъ и располагаетъ сердца людей, какъ хочетъ: или къ вѣрѣ, или къ невѣрію; ведетъ прямо, или уклоняетъ отъ пути, кого хочетъ; Богъ вводитъ людей въ заблужденіе, ведетъ ихъ къ погибели незамѣтно для нихъ самихъ, и для введеннаго Богомъ въ заблужденіе, нѣтъ вождя; Богъ производитъ въ людяхъ непониманіе проповѣдуемаго имъ ученія, запечатываетъ сердца, зрѣніе, слухъ невѣрныхъ, проклинаетъ ихъ, дѣлаетъ глухими и слѣпыми; нѣкоторыхъ людей Богъ отдаетъ во власть діавола для вѣчной ихъ погибели; Богъ, кому хочетъ, назначаетъ геенну;

отъ хитрости Его люди не могутъ обезопасить себя и т. п.[1]).

Словомъ, предопредѣленіе Божіе распространяется на все сотворенное; каждому народу предопредѣлена срочная жизнь, каждому человѣку назначенъ срокъ и мѣсто смерти; предопредѣлены всѣ случаи въ жизни; съ человѣкомъ бываетъ только то, что предопредѣлено Богомъ; нѣкоторымъ людямъ Богъ посылаетъ смерть, когда ему не насталъ назначенный Имъ срокъ смерти; наказаніе нечестивыхъ Богъ отсрочиваетъ согласно предопредѣленію[2]).

Какъ бы ни объясняли ученія о предопредѣленіи, несомнѣнно, что оно имѣло вліяніе на жизнь послѣдователей ислама и содѣйствовало успѣшному его распространенію въ Аравіи и за предѣлами Аравіи, но не могло содѣйствовать возвышенію духовной жизни мусульманъ, которые до сихъ поръ остаются фаталистами[3]). Но г. Агаевъ замѣчаетъ, что ученіе о фатализмѣ является въ исламѣ не въ видѣ гнетущаго давленія какой-то роковой, неумолимой силы надъ человѣческой судьбой, а въ видѣ подкрѣпляющаго и ободряющаго примиренія post factum со случившимся. Вѣдь, самъ мусульманскій пророкъ не разъ повторялъ: „Довѣрь верблюда своему Богу, но предварительно свяжи ему колѣна“ (стр. 59). Мы думаемъ, что Мухаммедъ, какъ *народный* проповѣдникъ (*уммій*), самъ не могъ разобраться въ этомъ трудномъ вопросѣ религіозной философіи, надъ которымъ задумывались Бл. Августинъ, Ѳ. Аквинскій, Готшалькъ, Кальвинъ и который до сихъ поръ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ проблемъ христіанской философіи. Для проповѣдника Корана была

[1]) См. Указатель Саблукова къ Корану сл. «Богъ».

[2]) Тамъ же сл. «Предопредѣленіе».

[3]) См. у Гаури, гл. 2.

недоступна философская сторона этого вопроса и потому онъ въ однихъ случаяхъ говорилъ о свободѣ человѣческой воли, а въ другихъ отрицалъ ее, подобно тому, какъ и всегда вѣрующіе люди бываютъ склонны утѣшать себя благочестивымъ выраженіемъ: *все отъ Бога*; но какъ принципъ въ добродѣтельной жизни, ученіе о предопредѣленіи можетъ быть истолковано только какъ божественное предвѣдѣніе; для неразвитой же части мусульманъ предопредѣленіе уже потому понятнѣе и ободрительнѣе, что, по ученію Корана, мусульмане—лучшій, избранный Богомъ народъ, предназначенный для побѣдъ надъ невѣрными на землѣ и для райскаго блаженства на небѣ.

Заканчивая эту главу, мы не можемъ обойти молчаніемъ одного восторженнаго мѣста въ брошюрѣ Имама А. Баязитова, приписывающаго своему пророку сознательное стремленіе облагородить людскіе характеры и смягчить сердца путемъ *воспитанія*. По словамъ г. Баязитова, *изслѣдованія и изученія* Мухаммедомъ людскихъ характеровъ были такъ обширны и такъ подробны, что ни одно качество, встрѣчающееся у человѣка, не ускользнуло отъ его *изысканій* и такимъ обр., съ теченіемъ времени, создали громадный матеріалъ для изученія различій характеровъ, изъ котораго впослѣдствіи арабскіе писатели создали полный сводъ ученія о душевныхъ свойствахъ и характерахъ (стр. 26 и 27). Каждому, знакомому съ исторіей педагогики приведенный отзывъ объ арабскомъ *неграмотномъ* пророкѣ долженъ показаться страннымъ, ничѣмъ не вынужденнымъ и ничѣмъ не доказаннымъ восхваленіемъ Мухаммеда, въ чемъ онъ и не нуждается. Мухаммедъ училъ арабовъ вѣрѣ въ Бога и благочестію, основанному на полной преданности волѣ Божіей (исламъ), и имѣлъ цѣлью

подчинить своей власти всѣхъ арабовъ и объединить ихъ на началахъ религіознаго братства, подъ теократическимъ управленіемъ, но не занимался и не могъ заниматься учено-педагогическими изслѣдованіями.

Справедливость требуетъ сказать, что мораль Корана имѣетъ несомнѣнныя достоинства, какъ отвѣчающая развитію мало культурныхъ народовъ Азіи и Африки: но возводить эту мораль въ *обсолютный* идеалъ, какъ хотятъ этого цитированные мусульманскіе авторы, невозможно. Въ самомъ же Коранѣ заявлено, что изложенное въ немъ ученіе предназначалась въ *поученіе* прежде всего Мухаммеду и его народу (43,43) и что Коранъ долженъ быть *судебникомъ* для арабовъ (4,106; 13,37); Коранъ назначался для вразумленія жителей Мекки и окрестныхъ городовъ (6,92). Въ Коранѣ также неоднократно повторено, что проповѣдуемое Мухаммедомъ ученіе *не новое*, а извѣстное изъ ученія прежде бывшихъ пророковъ (42,11)... Но если разсматривать нравственное ученіе Корана по существу, въ его принципахъ, то оно подтверждаетъ не евангельское ученіе, а еврейско-талмудическое, болѣе отвѣчавшее низкому уровню грубыхъ нравовъ арабовъ VII в. по Р. Хр. И тѣ же мусульманскіе авторы (Миръ-Али, Гаспринскій, Агаевъ, Баязитовъ), не обинуясь, говорятъ, что съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ среди мусульманъ европейскаго образованія, наступитъ время прогресса и для мусульманъ: „для пробужденія мусульманскаго міра, для его введенія въ кругъ цивилизованныхъ народовъ, нужно сильное потрясеніе; нужно, чтобы и мусульмане прошли свою эпоху реформаціи, чтобы и между ними нашелся человѣкъ твердой воли и беззавѣтной самоотверженности“ (Агаевъ). Гораздо ранѣе высказывалъ эту же мысль г. Гаспринскій.

Коранъ и прогрессъ.

По словамъ Вл. С. Соловьева, для арабовъ и другихъ народовъ, принявшихъ религію Мухаммеда, она должна стать тѣмъ, чѣмъ былъ Законъ для іудеевъ и философія для эллиновъ, т. е. переходною ступенью отъ языческаго натурализма къ истинной универсальной культурѣ, школою спиритуализма и теизма въ доступной этимъ народамъ начальной педагогической формѣ. Ограниченность личнаго міросозерцанія Мухаммеда отразилась и на ученіи Корана, выразившись въ отсутствіи идеала нравственнаго совершенства, къ достиженію котораго люди должны стремиться въ жизни; а когда нѣтъ у людей такого идеала и стремленія къ нему, тогда не можетъ быть движенія впередъ, не можетъ быть и прогресса... Идея прогресса и самый фактъ его остаются чужды мусульманамъ: ихъ культура, сохраняя чисто мѣстный характеръ, быстро отцвѣтаетъ безъ преемственнаго развитія; міръ ислама не породилъ универсальныхъ геніевъ, не далъ и не могъ дать человѣчеству „вождей на пути къ совершенству". Такъ закончилъ очеркъ жизни и ученія Мухаммеда нашъ философъ Вл. С. Соловьевъ [1]). Очеркъ его пользуется заслуженною извѣстностью и былъ въ свое время одобрительно встрѣченъ не только *русскою* періодическою печатью, но и татарскою [2]).

---

[1]) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Магометъ. Его жизнь и религіозное ученіе. С.-Петербургъ, 1896 г. стр. 78—79.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1896 г. № 260 и соотвѣтствующій № газеты «Переводчикъ»

И не только ученое имя нашего философа, но и высокій авторитетъ нашего арабиста—академика Барона В. Р. Розена говорятъ въ пользу этого очерка, почему мы и привели изъ него заключительный взглядъ на ученіе Корана. Такого же взгляда держатся историки Шлоссеръ и Веберъ, оріенталисты Дози, Ренанъ и Мюйръ и европейскіе путешественники по Аравіи. Но защитники Корана, какъ мы отчасти уже указали выше, настойчиво утверждаютъ, что Коранъ и прогрессъ могутъ мирно уживаться и что Коранъ содѣйствуетъ прогрессу. Такъ, Имамъ А. Баязитовъ, подобно Моисею Базилевскому [1]), старается находить въ специальныхъ религіозныхъ терминахъ Корана не только указанія, но какъ бы прямыя выраженія, соотвѣтствующія умственному и нравственному прогрессу, а отсталость современнаго ислама отъ европейской культуры относитъ съ одной стороны къ чисто внѣшнимъ причинамъ, а съ другой—къ вліянію дервишей, мистиковъ, суфіевъ, которые сами не понимаютъ своихъ отвлеченныхъ теорій и не уловили истиннаго духа Корана, но служили своимъ эгоистическимъ цѣлямъ, угождая и возбуждая нервы темной толпы. Эту мысль г. Баязитовъ доказываетъ въ трехъ своихъ брошюрахъ [2]), относя выраженія Корана о знаніи религіозныхъ законовъ къ *научному* знанію и приписывая основателю ислама глубокій умственный и нравственный кругозоръ. Въ то же время онъ оправдываетъ и такія положенія Корана

---

[1]) Вліяніе монотеизма на развитіе знанія. Кіевъ, 1883 г. стр. 1—228. Авторъ этой брошюры предлагаетъ читателю очеркъ постепеннаго развитія и усовершенствованія естествознанія у евреевъ въ зависимости отъ ихъ монотеистическаго ученія о Богѣ, начиная съ Авраама и кончая Маймонидомъ.

[2]) «Отношеніе ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ», «Исламъ и прогрессъ» и «Возраженіе на рѣчь Ренана».

и шаріата, которыя находятся въ очевидномъ противорѣчіи съ современной культурой, каковы, напримѣръ: положеніе мусульманской женщины [1]), многоженство, разводъ, рабство, фанатизмъ и фатализмъ. Чтобы легче справиться съ своей трудной задачей, г. Баязитовъ приводитъ только тѣ изреченія Корана, которые сколько-нибудь благопріятствуютъ его предвзятой мысли, и *совершенно умалчиваетъ* о другого рода изреченіяхъ, какъ будто-бы ихъ въ Коранѣ и нѣтъ, или какъ будто эти изреченія никогда не имѣли и не имѣютъ никакого значенія. А между тѣмъ, вся суть вопроса именно въ этихъ послѣднихъ. Эти, замалчиваемыя г. Баязитовымъ, изреченія Корана приведены въ нашей книгѣ именно для читателей, незнакомыхъ непосредственно съ Кораномъ. Другіе два защитника Корана придерживаются того-же пріема—замалчиванія неблагопріятныхъ для нихъ стиховъ Корана, а въ иныхъ случаяхъ даютъ стихамъ Корана не то значеніе, какое слѣдуетъ по буквальному и историческому ихъ смыслу. При этомъ они широко пользуются преданіями, которыя приводятъ къ такой редакціи, какая для даннаго случая наиболѣе желательна. Такъ, Имамъ Баязитовъ, чтобы оправдать ученіе Карана о покорности женъ мужьямъ, приводитъ преданіе, гласящее, что рай женъ *у ногъ ихъ мужей* (Исламъ и прогрессъ, стр. 74), а другой авторъ, желая показать возвышенное положеніе женщинъ въ исламѣ, приводитъ другое изреченіе Мухаммеда, по которому рай находится *у ногъ мусульманскихъ матерей*.

---

[1]) По его словамъ, мусульманская женщина вполнѣ довольна своею семейною судьбой (Исламъ и прогрессъ, 77). Очевидно, подъ вліяніемъ подобнаго же взгляда, Бакинскіе мусульмане отказываются отъ образованія своихъ дочерей (Турк. Вѣд. № 44)

Приводимъ замѣчательныя слова Миръ-Али: „Тамъ, гдѣ исламъ находилъ народы, способные къ культурѣ и прогрессу, онъ всегда доказывалъ свою полную совмѣстимость съ умственнымъ развитіемъ, помогалъ цивилизаціи и идеализировалъ религію. Горе позднѣйшимъ профессорамъ ислама! Упрямый консерватизмъ непросвѣщенныхъ дѣдовскихъ понятій покрылъ ржавчиной цвѣтъ истинной религіи и духъ благочестія. Восторженность вымерла, любовь къ Богу и преданость Его пророку сдѣлались безсмысленными словами. Искренность, безъ которой существованіе человѣка не лучше жизни грубой твари, искренность и усердіе въ мысляхъ и дѣлахъ отсутствуютъ. Мусульмане нашего времени замѣнили духъ вѣры безплодной любовью къ ея буквѣ; вмѣсто того, чтобы придерживаться въ жизни идеала, проповѣданнаго учителемъ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ совершенствованію въ добрыхъ дѣлахъ и быть благочестивыми, вмѣсто того, чтобы любить Бога и ради любви къ Нему любить Его созданія, они сдѣлались рабами „оппортунизма“ и соблюденія наружной формы. Весьма естественно то, что первые ученики старались изъ любви и уваженія къ учителю стереотипно подражать его образу жизни, кристаллизировать проходящія случайности разнообразной карьеры, запечатлѣть въ сердцахъ приказанія, правила и постановленія для благоустройства ежедневной жизни младенческаго общества; но вообразить, что величайшій реформаторъ, явившійся въ міръ, величайшій подвижникъ владычества разума, человѣкъ, провозгласившій, что вселенная управляется закономъ и порядкомъ, что законъ природы означаетъ прогрессъ развитія,—когда-нибудь подразумѣвалъ, что постановленія, данныя имъ временно для необразованнаго народа, должны оставаться

неизмѣнимыми до конца міра,—будетъ величайшею несправедливостью, сдѣланною пророку ислама. Никто прозорливѣе его не сознавалъ необходимости прогресса въ этомъ мірѣ, вѣчно измѣняющемся въ своихъ нравственныхъ и соціальныхъ проявленіяхъ. Какъ мы уже замѣтили, ржавчина, покрывшая мусульманскіе народы, отнюдь не происходитъ отъ ученія учителя: ни одна религія не обѣщала большаго развитія; не было вѣры чище и болѣе соотвѣтствующей требованіямъ прогресса. Нынѣшній застой мусульманскихъ общинъ происходитъ отъ ложнаго понятія, вкоренившагося въ большинство мусульманскихъ умовъ: будто бы право частнаго сужденія потеряно со временъ раннихъ законовѣдовъ и не можетъ возобновиться въ новѣйшее время, потому что было бы грѣшно отступить отъ сужденій, высказанныхъ и поставленныхъ въ правило людьми, жившими въ девятомъ вѣкѣ и не имѣвшими ни малѣйшаго представленія о XIX вѣкѣ. Мухаммедъ всегда считалъ разумъ самымъ высокимъ и благороднымъ двигателемъ поступковъ человѣчества, тогда какъ наши ученые и ихъ раболѣпные послѣдователи вмѣнили въ преступленіе примѣненіе ума, какъ у христіанъ, такъ и у мусульманъ. Жизнь и поведеніе большей части мусульманъ нашего времени управляется гораздо менѣе поученіями учителя, нежели теоріями и мнѣніями имамовъ и муштахидовъ, старающихся объяснить откровеніе, данное учителю, согласно собственному развитію и просвѣщенію. Забывая о всеобщности ученія пророка и лишенные его духа и вдохновенія, они упустили изъ вида, что учитель съ высоты своего генія обращался ко всему роду человѣческому. Они смѣшали временное съ постояннымъ, общее съ частнымъ. Подобно многимъ христіанскимъ экклезіастамъ, не малое число

изъ нихъ состояло на службѣ монарховъ и деспотовъ, требованія которыхъ не согласовались съ ученіями Мухаммеда, придумали законы и новыя теоріи, открыли какія-то преданія и сдѣлали изъ нихъ заключенія, совершенно противоположныя ихъ духу. Отъ этого происходитъ, что большая часть правилъ и постановленій, управляющихъ теперь совѣстью столькихъ профессоровъ богословія, едва ли взяты изъ положительно выраженныхъ законовъ Корана, но заимствованы большею частью изъ религіозныхъ книгъ, которыми исламскій міръ былъ наводненъ въ позднѣйшіе вѣка.

Миръ-Али является наиболѣе горячимъ защитникомъ Корана и ислама отличаясь отъ другихъ своихъ собратовъ большею смѣлостью въ сужденіяхъ и рѣзкостью въ выраженіяхъ. Такъ наприм. онъ говоритъ: „неужели проповѣди Мухаммеда, рожденнаго въ пустынѣ(?), теряютъ при сравненіи съ увѣщаніями Исаіи, или съ болѣе нѣжнымъ воззваніемъ Іисуса? (стр. 294). А въ другихъ мѣстахъ своей книги онъ много разъ настойчиво высказывается за превосходство ученія Корана надъ ученіями разныхъ другихъ религій и за безусловное согласіе этого ученія съ прогрессивнымъ стремленіемъ человѣчества къ умственному и нравственному совершенствованію (стр. 329—334).

Ахмедъ-бекъ Агаевъ, называющій мусульманскую религію, по ея существу, жизнерадостною и *прогрессивною* (стр. 59), и говоритъ, что ни Коранъ, ни Шаріатъ сами по себѣ не противны прогрессу и что спасеніе мусульманъ, ихъ нравственный, матеріальный и далѣе политическій подъемъ зависитъ исключительно отъ разрѣшенія двухъ вопросовъ: женскаго и реформы азбуки. Но попытка реформировать мусульманскую азбуку уже встрѣтила протестъ со стороны г. Гаспринскаго (Перевод. №№ 15 и 17 за 1903 г.).

Редакторъ русско-татарской газеты „Переводчикъ" И. Гаспринскій уже двадцать лѣтъ твердитъ своимъ единовѣрцамъ о необходимости научнаго образованія и полнаго благоговѣнія къ Корану, который, по его словамъ, можетъ уживаться со всякимъ государственнымъ строемъ и способствовать просвѣщенію мусульманъ. Въ отдѣльныхъ брошюрахъ*), онъ очень одушевленно отстаиваетъ statu quo мусульманской обособленности съ одной стороны, а съ другой призываетъ къ духовному единенію мусульманъ всего міра безъ различія ихъ племени и политической подчиненности. Въ послѣдніе годы онъ особенно старается о распространеніи улучшенныхъ способовъ обученія въ мусульманскихъ школахъ, не скрываетъ своей завѣтной мечты — видѣть въ разныхъ городахъ Россіи съ мусульманскимъ населеніемъ преобразованныя въ духѣ средневѣковыхъ арабскихъ школъ татарскія духовныя академіи и т. п. Онъ привѣтствуетъ появленіе среди татарскаго населенія Россіи обособленныхъ благотворительныхъ обществъ, таковыхъ же народныхъ читаленъ, столовыхъ и пр.** даетъ сочувственные отзывы о татарскихъ спектакляхъ и татарскихъ литературныхъ произведеніяхъ и не только не настаиваетъ на ассимиляціи татаръ съ русскими, но принципіально отрицаетъ возможность какой бы то ни было ассимиляціи, такъ какъ русскій народъ къ такому дѣлу будто не способенъ, и такъ какъ русскіе мусульмане въ исламѣ и своемъ общественномъ бытѣ имѣютъ почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ во вредъ своей національной индивидуальности***). Вопреки

*) „Русское мусульманство" и „Русско-восточное соглашеніе".

**) См. Переводчикъ № 14 и 20 1903 г. и предыд. №№

***) Русское мусульманство, стр. 25.

историческимъ фактамъ, онъ указываетъ въ своей газетѣ на міровое просвѣтительное значеніе ислама, и недавно увѣренно поучалъ въ своей газетѣ, что древніе завоеватели Россіи—монголы были вѣротерпимы, потому что-де они были исповѣдниками ислама и дѣйствовали въ гуманномъ духѣ Шаріата[1]). Этого мало; г. Гаспринскій приписываетъ исламу вліяніе на возрожденіе наукъ и на организанію средневѣковыхъ европейскихъ школъ и университетовъ. Кромѣ того, онъ самоувѣренно высказалъ, что хотя народная школа и идея всеобщаго и по возможности дароваго обученія считаются плодами только что отжитаго XIX вѣка; но, оставаясь вѣрными исторіи и дорожа правдой болѣе, чѣмъ европейскимъ патріотизмомъ, необходимо, по его убѣжденію, признать, что народная школа и всеобщее обученіе завѣщаны человѣчеству не XIX вѣкомъ, а первыми десятилѣтіями мусульманской эры[2]).

Чтобы не продолжать характеристику взглядовъ и пріемовъ г. Гаспринскаго, рекомендуемъ читателямъ лично познакомиться съ его изданіями, въ которыхъ онъ искусно защищаетъ татарство, отрицая его сепаратизмъ и панисламизмъ. Когда нужно, онъ съ горячностью указываетъ на отечественныя заслуги крымскихъ мурзаковъ и проходитъ молчаніемъ такіе факты въ ихъ жизни, какіе описаны въ Исторіи Крымской войны (соч. Дубровина, гл. XII), и старается обѣлить современныхъ крымскихъ соотечественниковъ въ ихъ нежеланіи отбывать воинскую повинность и въ массовомъ переселеніи въ единовѣрную Турцію.

---

[1]) См. „Переводчикъ“. А въ № 48 за 1901 г. г. Гаспринскій писалъ въ своей же газетѣ, что копыта монгольскихъ коней прекратили развитіе мусульманской школы.

[2]) См. «Переводчикъ» № 48 отъ 30 декабря 1901 г..

Приведемъ теперь въ опроверженіе защитительныхъ и похвальныхъ рѣчей во славу Корана взгляды европейскихъ и русскихъ авторитетныхъ ученыхъ на тотъ же предметъ. По словамъ Ренана, умственное движеніе въ исламѣ не только не обязано исламу, но произошло вопреки исламу.[1]) Въ такъ называемомъ „золотомъ вѣкѣ арабской образованности“ весьма мало арабскаго и еще меньше мусульманскаго: учителями и передовыми людьми этой эпохи были по преимуществу христіане изъ несторіанъ для мусульманъ Азіи и евреи для мусульманъ Африки. Христіанскіе сирійскіе врачи являются какъ бы продолжателями послѣднихъ греческихъ школъ; они были хорошо знакомы съ философіей перипатетиковъ, съ математикой, медициной и астрономіей. Имъ поручали халифы переводить на арабскій языкъ энциклопедическія сочиненія Аристотеля, Эвклида и Галіена, словомъ сказать—всю греческую науку, насколько ее тогда знали. Дѣятельные умы, какъ наприм. Алькинди, начинаютъ размышлять о тѣхъ вѣчныхъ вопросахъ, которые человѣкъ въ состояніи только возбудить, а разрѣшить не можетъ. Подобныхъ людей стали называть „фильзуфами“ (философами), и съ тѣхъ поръ это иностранное слово пріобрѣло дурную славу, какъ обозначающее нѣчто чуждое исламу. „Фильзуфъ“ сдѣлался у мусульманъ страшнымъ прозвищемъ; оно влекло за собою смерть или гоненіе такъ же, какъ и „зендикъ“, а впослѣдствіи „фармазунъ“.

Насколько же эта свѣтлая эпоха въ исторіи обязана исламу? Оказала-ли религія Мухаммеда какую-нибудь помощь или покровительство этому умственному движенію? „Нѣтъ, нисколько!“ отвѣчаетъ Ренанъ. „Честь великаго

---

1) Имамъ Баязитовъ въ своемъ возраженіи Ренану уклонился отъ главнаго вопроса

научнаго движенія принадлежитъ всецѣло парсистамъ, христіанамъ, евреямъ, гаранцамъ и измаилитамъ, то есть мусульманамъ, въ глубинѣ души возстававшимъ противъ своей религіи. Халифъ Мамунъ всѣхъ больше заботившійся о распространеніи греческой философіи, былъ безпощадно проклятъ теологами. Въ этомъ умственномъ движеніи разсматриваемой эпохи не только не было ничего мусульманскаго, но даже ничего арабскаго, кромѣ языка, —и только одного языка: „Аверроэсъ и Авицена были столько же арабы, сколько Альбертъ Великій, Рожеръ Бэконъ, Францискъ Бэконъ и Спиноза—латиняне... Заслуживаетъ большаго вниманія то обстоятельство, что между философами и учеными, именуемыми арабскими, только одинъ Алькинди—арабскаго происхожденія; всѣ же прочіе были персы, или же уроженцы Бухары, Самарканда, Кордовы и Севильи. Они не только не арабы, но не имѣли ничего арабскаго по духу. Они говорили по-арабски, но это ихъ стѣсняло, т. к. арабскій языкъ совсѣмъ неудобенъ для метафизики. Да и вообще арабскіе ученые и философы—довольно плохіе писатели.

Это прогрессивное движеніе было обще-европейскимъ и обще-азіатскимъ, общимъ движеніемъ всего тогдашняго культурнаго міра. Исламъ же, который тогда политически господствовалъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, довольно на далекое разстояніе вокругъ Средиземнаго моря, будучи весьма слабымъ по своему внутреннему содержанію и не обладая особенно возвышенными нравственными принципами, не окончилъ еще дѣла своей политической организаціи и не могъ помѣшать тому умственному движенію, которое вопреки ему совершалось на той территоріи и среди тѣхъ

націй, гдѣ онъ политически господствовалъ. Поэтому исламу поневолѣ приходилось терпѣть и смотрѣть на это движеніе, извлекая изъ него тамъ, гдѣ это можно было, пользу. „Исламъ, какъ говоритъ Ренанъ, былъ либераленъ, пока былъ слабъ; вошедши въ силу, онъ сдѣлался деспотичнымъ.[1]) Такимъ образомъ арабскій геній не начался съ Мухаммеда, какъ утверждаютъ Баязидовъ, Миръ-Али и Гаспринскій, а напротивъ—нашелъ въ немъ свое послѣднее выраженіе.

Извѣстный оріенталистъ Р. Дози въ разныхъ мѣстахъ своихъ ученыхъ изслѣдованій о Мухаммедѣ, Коранѣ и исламѣ[2]) отзывается довольно скептически, какъ о личномъ умственномъ складѣ арабскаго реформатора, такъ и о достоинствахъ Корана и всего вѣроученія и богопочтенія, основаннаго на текстѣ этого религіознаго кодекса Вотъ его отзывъ: „Нѣтъ религіи, менѣе оригинальной, чѣмъ мусульманство... Коранъ не заключаетъ въ себѣ ни глубокихъ мыслей, ни поэтическихъ теорій, которыя высказаны были бы высокимъ и увлекательнымъ языкомъ; онъ не пытается разрѣшить великихъ задачъ, облекая ихъ въ такую символическую форму, какую онъ не заимствовалъ бы изъ другихъ религій. Исламъ изъ всѣхъ существующихъ религій есть, конечно, самая прозаическая и однообразная религія, которая въ то же время наименѣе доступна видоизмѣненію, или развитію..."

„Въ Аравіи все установилъ одинъ человѣкъ: и вѣру и нравы, и даже право; неизмѣнная воля Божія выражена была въ единой книгѣ, составленной единымъ человѣкомъ.

---

[1]) № 19 Тургайской газеты отъ 4 мая 1903 г. Ср. взглядъ проф. Сенковскаго въ т. VII полнаго собранія его сочиненій (1859 г.).

[2]) Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ. Выпускъ XII. Исторія мусульманства. Москва, 1903.

Спора нѣтъ, исламъ пріобрѣлъ отъ этого большую устойчивость; но нечего этому радоваться, надо печалиться, такъ какъ задача всего человѣчества—непрерывное движеніе впередъ: неподвижность это—смерть, а въ исламѣ неподвижность, къ сожалѣнію, возведена въ принципъ. Ну, допустимъ, что въ дѣлѣ религіи все, считавшееся за истину прежде должно быть принято за истину и всѣми послѣдующими вѣками: но вѣдь отсюда не слѣдуетъ, чтобы и въ области права годилась разъ навсегда установленная форма. А въ исламѣ это такъ. Одни и тѣже законоположенія Корана остаются и донынѣ въ силѣ, и будутъ въ силѣ, пока существуетъ исламъ. Пусть себѣ они были хороши для того времени, когда явились, пусть себѣ они составляли тогда для арабовъ истинный шагъ впередъ,—это мы допускаемъ безъ затрудненія; но законы Карла Великаго также были превосходны для своего времени, и однако, что было бы со всѣми народами, надъ которыми онъ властвовалъ, если бы они навсегда были осуждены постоянно имъ слѣдовать, блюсти эти законы? Было ли бы возможно движеніе впередъ для Западной Европы?[1]).

Проф. Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ А. Крымскій въ своей брошюрѣ „Мусульманство и его будущность" (Москва, 1899), признаетъ за Кораномъ ту несомнѣнную историческую заслугу, что изложенное въ немъ вѣроученіе объединило арабовъ и дало имъ политическую силу—изъ ничтожества подняло ихъ до міроваго могущества; халифатъ въ свое время блисталъ не только матеріальною культурой, но и умственною жизнью: арабы временъ

---

[1]) См. въ указанномъ выпускѣ ст. «Исламъ и богопочитаніе», стр 1—4.

халифата въ большей или меньшей степени сохранили античную духовную жизнь. а потомъ передали ее Европѣ... Но былъ ли причиной этою исламъ? спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „Если бы мы могли сказать, что мусульманская религія покровительствовала наукѣ и шла съ нею рука объ руку, то, конечно, отвѣтъ былъ бы положительнымъ. *На самомъ же дѣлѣ философія и наука въ мусульманскомъ мірѣ шли всегда въ разрѣзъ съ правовѣрною исламскою религіей и признавались за нечестіе.* Короткій періодъ владычества мотазалитовъ считается, и основательно, періодомъ господства не ислама, а ереси, періодомъ гоненія на правовѣрный исламъ. Послѣ паденія мотазалитовъ и торжества правовѣрія мы видимъ, что всякое проявленіе свободной мысли, философской и научной дѣятельности ревностно преслѣдуется религіей. Правда, не смотря на угнетенія, мысль и наука *всетаки* подвигались впередъ (пока наконецъ Мухмудъ Газневицкій, турки сельджуки, монголы, турки-османы и туркмены не убили жизни на Востокѣ); но кто сочтетъ возможнымъ видѣть за этимъ движеніемъ мысли впередъ *заслугу ислама*, тотъ обязанъ будетъ также признать, что прогрессъ средневѣковой европейской мысли и торжество ея въ новѣйшіе вѣка есть *заслуги католицизма*... Принятыхъ культурныхъ заслугъ для человѣчества признать за исламомъ *нельзя*: только для совсѣмъ грубыхъ народовъ (тюрковъ, бербековъ, негровъ, малайцевъ) исламская религія явилась цивилизующей силой, а въ образованныхъ обществахъ она въ лучшихъ случаяхъ только *терпѣла* возлѣ себя умственную жизнь, обыкновенно же тормазила ее“ (стр. 39—40).

Относительно будущности ислама профессоръ Крым-

скій говоритъ, что самъ по себѣ исламъ не долженъ считаться помѣхою прогрессу и цивилизаціи, какъ и всякая другая религія: все зависитъ отъ духовныхъ способностей расы, исповѣдующей исламъ и отъ отношенія этой расы къ наукѣ....

Другой профессоръ—оріенталистъ В. В. Бартольдъ говоритъ, что успѣхи европейской мысли въ настоящее время настолько опередили успѣхи мусульманской культуры въ эпоху ея развитія, что для мусульманъ участіе въ культурной работѣ возможно только при условіи усвоенія основъ европейской культуры, а не путемъ продолжительныхъ работъ мусульманскихъ ученыхъ прежнихъ вѣковъ... Возрожденіе мусульманскаго міра представляется ему возможнымъ только на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ совершилось на нашихъ глазахъ возрожденіе Японіи[1]).

Съ приведенными взглядами двухъ современныхъ намъ профессоровъ-оріенталистовъ мы вполнѣ соглашаемся, такъ какъ науку и образованіе не должно смѣшивать съ религіозными вѣрованіями. Научное образованіе расширяетъ умственный кругозоръ человѣка и сглаживаетъ международныя отношенія, особенно, если при этомъ на народную массу не вліяютъ представители узкаго религіознаго взгляда: по отношенію къ мусульманскимъ подданнымъ Россіи не учившіеся въ русскихъ школахъ мударрисы, невѣжественные имамы, ишаны и фанатично-суевѣрные дервиши и т. п. лица). Мы лично наблюдали благодѣтельную пере-

---

[1]) Теократическая идея и свѣтская власть въ мусульманскомъ государствѣ. (С.-Петербургъ, 1903 г.).

мѣну въ воззрѣніяхъ молодыхъ мусульманъ, получившихъ образованіе въ русскихъ школахъ, и знаемъ многихъ мусульманъ, которые въ своихъ сношеніяхъ съ русскими не проявляютъ никакого религіознаго отчужденія. Европейское образованіе помогаетъ мусульманамъ самимъ разбираться въ недостаткахъ своего религіознаго кодекса (Коранъ) и критически относиться къ своему государственному положенію, по сравненію его съ положеніемъ мусульманъ разныхъ другихъ странъ. Мы увѣрены, что образованный мусульманинъ въ глубинѣ души своей въ состояніи отнестись безпристрастно къ недостаткамъ административной и бытовой жизни единовѣрной ему Турціи. Говоря это, имѣемъ въ виду откровенный отзывъ образованнаго Мурадъ-бея, занимавшаго въ продолженіе многихъ лѣтъ одно изъ важныхъ мѣстъ въ турецкой бюрократіи: *невозможно сдержать то чувство ужаса и протеста, когда бросишь взглядъ на теперешнее состояніе ислама*[1]).

Придавая безусловное значеніе образованію мусульманъ въ современныхъ русскихъ школахъ, мы понимаемъ и цѣнимъ проявившееся среди русскихъ мусульманъ движеніе къ образованію, выражающееся въ стремленіи ихъ улучшить школьные методы обученія и нѣкоторые учебники, но не понимаемъ склонности ихъ къ обособленности, что даетъ намъ право считать *народившимся* въ Россіи *татарскій вопросъ*"[2]), который долженъ озабочивать собою русское правительство тѣмъ болѣе, что всѣхъ мусульманскихъ подданныхъ въ Россіи насчитывается до 14 мил-

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1903 года (Апрѣль и Май) ст. Г. Х. Инсарова «Турція и Македонія».

[2]) Вл. П. Череванскій, «Міръ ислама» (С.-Петербургъ).

ліоновъ, и что среди мусульманъ всего міра несомнѣнно существуетъ панисламское направленіе, съ особенною рѣзкостью выраженное въ „*Послѣднемъ словѣ ислама Европѣ*". Авторъ этого „*Слова*" до такой степени озлобился противъ христіанъ, что не вѣрится, какимъ образомъ могъ дойти до столь глубокаго ожесточенія противъ христіанъ послѣдователь Корана, способный отъ природы и получившій образованіе. Въ своемъ злобствованіи на христіанъ авторъ договорился до положительныхъ абсудовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Знайте-же, христіанскіе завоеватели, что никакой разсчетъ, никакое сокровище, никакое чудо не въ состояніи будетъ когда-либо примирить насъ съ вашимъ нечестивымъ господствомъ. Знайте, что одинъ видъ вашего знамени въ нашихъ предѣлахъ доставляетъ мученіе душѣ ислама; ваши величайшія благодѣянія—только пятно, налагаемое на вашу совѣсть, и не сомнѣвайтесь въ этомъ: самое горячее желаніе наше, это - дожить до того счастливаго дня, когда мы будемъ въ состояніи изгладить послѣдніе признаки вашего проклятаго владычества...

„Подумайте, что избранныя личности (которыя, какъ вы льстите себя увѣренностью, прониклись вашими европейскими идеями) Рашиды, Али, Фуады, Халили, Вефики, Намики умерли съ Кораномъ въ рукахъ, проклиная христіанство и завѣщая свою ненависть будущимъ мстителямъ ислама (стр. 14).

„Провидѣніе своимъ перстомъ направляетъ къ одной и той же цѣли *триста* (?) милліоновъ людей, соединенныхъ одними узами. Высокая цѣль—цивилизація широкая, безпристрастная, свѣтская, всемірная, такая, какую намъ заповѣдывалъ нашъ (?) Богъ, и какой требуетъ отъ васъ миръ всего міра" (стр. 29).

Что же касается усиленныхъ попытокъ современныхъ мусульманскихъ публицистовъ къ защитѣ ислама вообще и ученія Корана въ частности, то намъ эти попытки кажутся безплодными, но не безцѣльными, такъ какъ мы, русскіе, въ большинствѣ случаевъ, даже по переводамъ съ Кораномъ не знакомы и легко вѣримъ на слово такимъ авторамъ, мнѣнія которыхъ приведены въ нашей книгѣ, имѣющей своей задачей не порицать ученіе Корана, а высказать о немъ дѣйствительную текстуальную правду. Пусть не думаютъ эти авторы, что мы имѣемъ предвзятую цѣль лично противъ нихъ; мы имѣемъ дѣло съ печатнымъ ихъ словомъ, назначеннымъ ими самими для русскихъ читателей — для разсѣянія заблужденій русской публики относительно Корана [1])... Пусть же читатель самъ разберется въ нашей безпристрастности, побудившей насъ привести въ своей книгѣ тѣ стихи Корана, которые мусульманскіе авторы замалчиваютъ, а равно и тѣ стихи, которымъ эти авторы придаютъ особое, согласное съ ихъ цѣлями, значеніе.

Въ виду же того, что нѣкоторые мусульманскіе авторы, защищая ученіе Корана, указываютъ въ то же время и на государственное значеніе ислама въ Россіи [2]), мы съ своей стороны считаемъ себя въ правѣ съ той же государственной точки зрѣнія сказать, что въ *обособленіи* мусульманскаго населенія Россіи—въ желаніи высшихъ мусульманскихъ школъ древне-арабскаго типа [3]), въ обществахъ взаимопомощи [4])

---

[1]) Девлетъ-Кильдѣевъ, Балзитовъ, Гаспринскій, Абдулъ-Хаккъ, Миръ-Али, Рахматулла Дехлійскій въ своихъ сочиненіяхъ обращаются ко всѣмъ христіанамъ

[2]) Авторъ „Русскаго мусульманства“ и „Восточнаго соглашенія“.

[3]) См. „Переводчикъ“ № 7 и № 13 за 1903 г. и № 44 за 1901 г.

[4]) Переводчикъ, №№ 4, 9 и 14 за 1903 г.

и особыхъ благотворительныхъ обществахъ и читальняхъ для мусульманъ и пр. особой надобности нѣтъ, а вмѣсто того существенно необходимо введеніе въ программу преподаванія въ существующихъ мадрасахъ курса русскаго языка*) и современныхъ научныхъ знаній, которыя бы способствовали разсѣянію укоренившихся среди мусульманъ религіозныхъ представленій, не согласныхъ съ исторіей, и исключительнаго ученія Корана объ иновѣрцахъ, какъ кафирахъ, и объ ихъ религіозныхъ культахъ, какъ *нечистивомъ идолослуженіи*....

А для этого современнымъ нашимъ представителямъ мусульманскаго вѣроученія нужно отказаться отъ приписываемаго ими Корану назначенія—быть *высшимъ* религіознымъ закономъ для народовъ всѣхъ странъ и временъ; необходимо мусульманскимъ вѣроучителямъ признать, что приписываемое въ Коранѣ христіанамъ ученіе о Троицѣ (Богъ, Марія и Іисусъ) не можетъ относиться къ современнымъ христіанамъ, что христіанскія церкви не—идольскія капища (бутъ-хана), а освященные дома молитвы и богослуженія, и что христіанскія иконы не идольскія изображенія. Тѣмъ болѣе необходимо передовымъ мусульманамъ отказаться отъ превознесенія ученія Корана надъ ученіемъ евангелія, такъ какъ для христіанъ восторженныя разсужденія о Коранѣ не убѣдительны, а для мусульманъ излишни: *„во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему“* (Дѣян. 10, 35).

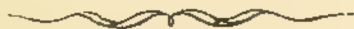
---

*) Мы указываемъ на русскій языкъ, не только какъ на языкъ государственный, но и какъ на языкъ литературный и научный, при посредствѣ котораго въ современныя мусульманскія школы могли бы естественно проникать и современныя научныя знанія по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію.

Въ заключеніе, въ виду нерѣдко проявляющихся среди мусульманскаго населенія Россіи опасеній за свободу своего вѣроисповѣданія, мы приводимъ подлинныя слова Высочайшаго Манифеста, даннаго 26 февраля текущаго 1903 года:

„Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью—незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Н. Остроумовъ.



Ташкентъ, 26 іюня 1903 года.

Наиболѣе грубыя опечатки.

Стран.	Строка.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
5	15 сверху	подданныаъ	подданныхъ.
—	8 снизу	до сихъ поръ,	до сихъ поръ....
11	7 снизу	неопредѣлено	неопредѣленно
12	1 сверху	истное	истинное
—	19 —	кторыя	которыя
—	20 —	званія	знанія
16	15 —	осносительно	относительно
17	17 —	Это просто человѣкъ...	Это просто-человѣкъ..
18	14 сверху	даются	дается
25	3 снизу	част	часто
26	9 сверху	изѣ	изъ
—	3 —	подданникам	подданнымъ?
27	17 —	иесовершенна	несовершенна
—	2 —	интернаіональныя	интернаціональныя
28	8 сверху	общественный частны	общественный и частный
30	14 —	коранъ можно	Коранъ, можно
37	17 —	предусмотрительсть	предусмотрительность
—	20 —	заставить	заставитъ
40	9 —	раненныхъ	раненыхъ
—	17 —	инсургентахъ	инструментахъ
41	13 —	фонатиковъ	фанатиковъ
46	9 снизу	коранъ	подставку къ Корану
—	9 снизу	мусульмане, домо	мусульмане долго
48	3 —	концѣ	Въ концѣ
49	5 —	тѣрпѣнія	терпѣнія
50	5 сверху	говотитъ	говоритъ
50	7 сверху	по	подъ
—	9 —	стихи	на стихи
—	10 —	выдержанъ	выдержано
52	2 сверху	молитвинымъ	молитвеннымъ
—	5 —	заключитъ	заключить

58	3 —	приминулъ	преминулъ
59	4 снизу	куфскомъ	(куфскомъ)
61	7 сверху	чѣловѣку	человѣку
63	1 сверху	анголы	ангелы
—	5 снизу	ангелыно	ангелы, но
64	12 сверху	прератилась	превратилась
66	6 снизу	прединнималъ	предпринималъ
—	14 сверху	Авраамy	Авраама
69	2 —	выстунлютъ	выступаютъ
70	3 —	происхожденіи	происхожденіе
72	3 снизу	бытъ собрапъ	былъ собранъ
74	9 сверху	обѣда	Побѣда
75	(въ примѣчаніи)	Мухамеду	Мухаммеду
79	18 сверху	предписываютъ	приписываютъ
80	4 —	записанны	записаны
—	15 —	утверждатъ	утверждать
82	4 —	лицѣ	лицѣ
86	20 —	Мухамеда	Мухаммеда
—	3 снизу	послѣдущихъ	послѣдующихъ
89	2 сверху	сердпахъ	сердцахъ
—	13 —	остальнне	остальные
—	20 —	дррugихъ	другихъ
—	— —	знатоковъ	знатоковъ
—	5 снизу	совершепно	совершенно
91	1 сверху	выдержала	выдержана
92	18 —	столъ	столь
93	5 сверху	сраженіи	сраженія
95	10 снизу	тольсо	только
97	10 сверху	нѣкотоеыхъ	нѣкоторыхъ
100	3 —	граматической	грамматической
101	10 —	Оммайядомъ	Оммайядовъ
102	12 —	мусуллминипомъ	мусульманиномъ
—	8 снизу	упомииаетъ	упоминаетъ
104	6 сверху	друтіе	другіе
105	6 снизу	друшимъ	другимъ

109	10	—	Абу-Берку	Абу-Бекру
112	10	—	ненавистнякн	ненавистники
114	6	сверху	Мухамедом	Мухаммедомъ
117	6	снизу	редакторы Османа	редакторы сборника Османа
122	13	снизу	посланы	посляны
123	6	сверху	первоначальнаго	первоначальнаго
—	19	—	допускютъ	допускаютъ
126	16	—	археологичдскаго	археологическаго
127	1	снизу	туркестансхому	туркестанскому
129	6	—	пріемникъ	преемникъ
132	28	—	діакрическихъ	діакритически
—	3	—	алфафита	алфавита
—	9	снизу	появилнсь	появились
135	3	—	заучали	заучивали
136	3	—	обнародованіи	обнародованія
137	1	—	характеризирующіе	характеризующіе
144	5	сверху	предшественпиковъ	предшественниковъ
—	11	—	ночувствовалъ	почувствовалъ
147	11	—	ислала	Ислама
—	14	—	нризваніемъ	призваніемъ
148	2	сверху	которыя	которые
151	9	—	правовѣрые	правовѣрные
—	9	снизу	Абдурахмана	Абдуррахмана
—	8	—	сооображеніе	соображеніе
154	12	сверху	милосеръ	милосердъ
157	2	снизу	ня	на
160	4	сверху	арабскикъ	арабскихъ
—	3	снизу	писанья	писанія
161	14	сверху	абязазностяъ	обязанностяхъ
—	17	—	разюмурутъ	разюмируетъ
161	1	—	Корамѣ	Коранѣ
—	въ примѣчаніи		иславна	ислама
163	7	сверху	повтореиія	повторенія
164	4	снизу	позднѣшіе	позднѣйшіе
165	2	сверху	произшедшемъ	происшедшемъ

—	въ примѣчаніи	родственииками	родственниками
172	7 —	иревоосхоствѣ	превосходствѣ
173	въ примѣчаніи	Исланъ	Исламъ
475	9 сверху	превознесенн	превознесено
—	16 —	вообше	вообще
—	18 —	христіанскнмъ	христіанскомъ
179	5 —	обеазамъ	образамъ
180	2 —	мессія	Мессія
183	8 сверху	послѣднѣе	послѣднее
—	2 снизу	представллется	представляется
185	1 сверху	Мухоммедъ	Мухаммедъ
187	7 снизу	чертамп	чертами
184	въ примѣч. 3 сверху	сущеетво	существо
—	въ примѣч. 5 снизу	Мосяве	Москва
185	въ примѣч. 1 сверху	зячатія	зачатія
—	въ примѣч. 5 —	воороса	вопроса
188	5 снизу	духоввому	духовному
190	4 сверху	характернеуя	характеризуя
—	6 снизу	разноосразіе	разнообразіе
192	14 сверху	за:мѣняли	за-мѣняли
—	17 —	называемая	называемая
194	10 снизу	оеобенно	особенно
—	6 —	арабско-хрисгіанскомъ	арабско-христіанскомъ
195	7 —	религіонаго	религіознаго
196	7 —	снстемы	системы
200	5,6 сверху	сынъ Божій	Сынъ Божій
—	14 —	евреемъ	евреямъ
послѣд.	снизу	враждебно къ христіанамъ	
203	18 —	пряходится	приходится
204	4 снизу	современпую	современную
—	2 —	сцептицизмамъ	скептицизмаъ
—	3 —	масульмане	мусульмане
206	10 —	помятпы	памятны
210	8 —	ожидаемыя	ожидающія
214	14 —	африканда	африканца
215	8 —	стратс	старатся

—	—	—	достичъя	достичь
—	15	—	говоря о раѣ.	когда говорится о раѣ.
217	3	—	мирныя	Мирныя
219	12	сверху	путомъ	путемъ
—	14	—	посторонпыхъ	посторонних
220	6	—	изложенные	изложенныя
—	9	снизу	одичанію	къ одичанію
221	15	сверху	поятно	понятно
—	12	снизу	зъ собой	за собой
222	4	сверху	брошурѣ	брошюрѣ
—	7	—	бесѣдъ	бесѣды.
223	1	—	съ любопытсвомъ	съ любопытствомъ.
—	14	снизу	А. Бязитовъ	А. Баязитовъ
225	6	—	признано	признана
—*)	15	—	навлекшія	навлекшіе
229	11	—	предназначалась	предназначалось
230	12	снизу	впредъ	впередъ.
225*)	15	сверху	происходитъ	происходятъ
226*)	7	снизу	ннхъ	нихъ
229	8	сверху	обсолютный	абсолютный
227*)	9	—	отстрочиваетъ	отсрочиваетъ
230	9	снизу	харахтеръ	характеръ.
232	6	сверху	которые	которыя
—	7	снизу	Карана	Корана
233	4	сверху	умствеянымъ	умственнымъ
234	1	—	мира	міра
234	11	сверху	мусульманскихъ	мусульманскихъ
—	9	снизу	поученіямџ	поученіями
—	8	—	м	и
235	7	—	и говоритъ	говоритъ
237	„	—	паниславнзмъ	панисламизмъ
240	1	сверху	господсвовалъ	господствовалъ
—	11	—	скептичеки	скептически
—	15	—	релипіи	религіи
241	14	—	истиниый	истинный

III. 12954.

245	9	—	асудовъ	абсурдовъ
247	9	снизу	христіанскія	хрисеіанскія
248	3	—	предоставтяютъ	предоставляютъ

ЧРЕЗЪ ТАШКЕНТСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„СОББЕРЕЙ“

можно получать слѣдующія сочиненія

Н. П. ОСТРОУМОВА:

Константинъ Петровичъ Фонъ-Кауфманъ. (Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ). Ташкентъ, 1899 г. . . . . . . 1 р. 50 к.

Аравія и Коранъ. Казань, 1899 г. . . . . 1 р. 50 к.

Сарты. (Этнографическіе матеріалы)

выпускъ первый	Ташкентъ, 1896	1 р. 50 к.
„ третій		1 р. 30 к.

Уложеніе Тимура. Казань, 1894 г. . . . — „ 75 к.




2007096188